

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит шесть раз в год

Тбилиси, апрель 1989 г.

Решают национальные проблемы...

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

D 21651 E
ISSN 0032 5201
3 Руб.

1989

POSSEV
4/1989
DM 10,-

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова,
И. Бунина, Г. Владимова, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова,
А. Галича, З. В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого,
Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, С. Левицкого,
Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова,
Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Р. Редлиха,
А. Ремизова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой,
И. Шмелева, В. Шульгина...

Условия подписки на 1990 год:

В розничной продаже	17,50 нм
Годовая подписка в издательстве	60 нм
Доставка нормальной почтой	5 нм

В СССР - частным лицам	30 руб.
- организациям	35 руб.

Адрес: В. Батшев, Москва 105264

Измайловский б-р 34/14 кв. 16, тел. 465 0505

Не в силе Бог, а в правде! – Александр Невский

Н П С Е В

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Специальный

выпуск

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНЕ

Конструктивная оппозиция в полуподполье (2). – **Юрий Митюнов**.
Оформление легальной оппозиции (10). – “Как будто бы ее вообще не
существует” (12). – Заявление Ельцина для печати (15). – По
страницам “неформальной” прессы (17)

КОММЕНТАРИЙ

Александр Югов. Почему же они бегут?! (19). – **Владимир Андрусов**.
Кооперативы и забастовки (23)

ЭКОНОМИКА

Американская газета на советские темы (25)

КОММУНИЗМ НА ИСХОДЕ

М. Странский. Возвращение Центральной Европы (31). – **В. Рыбаков**.
Коммунистический вариант в КНР (41)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ростислав Евдокимов-Вогак. По следам беды в Абхазии (49)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Игорь Ивахненко, Михаил Малинин. Международная ассоциация
политзаключенных (61). – **Владимир Батшев**. Заботы новоявленного
Сытина (70)

Диалог номера

Александр Югов – Фридрих Незнанский. Запоздалое признание.
Статистика преступности в СССР (76)

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ

В. Ламздорф. Как прошла перестройка в Испании (91)

ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Роман Редлих. О национальной государственности (96). – **Михаил
Назаров**. Задача для сталкера: “перестройка” (105)

ТЕОРИЯ СОЛИДАРИЗМА

Проф. Г. К. Гинс. Руководящая идея нашего века (111)

СТАТЬИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

А. Артемов. Этюд о классах (135)

ПИСЬМА

Пять писем соотечественников (139 – 143)

Фотография на обложке Интса Калниньша (г. Рига)

Конструктивная оппозиция в полуподполье

29-30 июля в Москве состоялось собрание Межрегиональной группы народных депутатов СССР. Группа формировалась во время подготовки к Съезду народных депутатов, в дни работы Съезда и сессии Верховного Совета. 316 депутатов зафиксировали свое участие на собрании Межрегиональной группы, из них 90 - члены Верховного Совета СССР, 210 депутатов - члены комитетов и комиссий Верховного Совета, трое из них - председатели комитетов.

269 депутатов подтвердили свое участие в деятельности Межрегиональной группы, еще 119 депутатов до этого изъявили желание быть ее членами, но не приняли участия в учредительном собрании, в основном из-за летних отпусков. Сейчас МДГ насчитывает 388 человек. На съезде была достигнута договоренность с депутатами из прибалтийских республик о том, что они свое членство в группе формально не фиксируют, однако координация совместных действий будет осуществляться по мере необходимости. Учредительное собрание в конце июля выбрало координационный совет и сопредседателей Межрегиональной группы. Ими стали депутаты Ю. Афанасьев, Б. Ельцин, В. Пальм, Г. Попов и А. Сахаров.

Образована группа для подготовки платформ МДГ. Координационный совет группы объявил, что он предпримет усилия для издания полной стенограммы собрания. Однако по сей день такой стенограммы не появилось. Руководство КПСС отказалось финансировать издание газеты "Народный депутат" и наложило арест на банковский счет МДГ. Ни одно официальное советское издание не сообщило читателям ни о первом учредительном собрании в конце июля (кроме короткого извещения о самом факте в "Известиях" и "Московских новостях"), ни о последующих собраниях МДГ в августе и в сентябре. Лишь одна "полуформальная" газета "Тартуский курьер" в своем двухнедельном сентябрьском выпуске (1-15 сентября) передала краткое изложение выступлений нескольких депутатов. Оттуда мы и взяли опубликованные ниже тексты.

Выступления широкоизвестных, популярных в стране политических деятелей, ученых и публицистов - Г. Попова, Б. Ельцина, В. Козырева, Г. Старовойтовой, Ю. Афанасьева, О. Богомолова, В. Тихонова, Ю. Черниченко - носили не только радикально-критический, но и конструктивный, программный характер. Обращает на себя внимание сходство конструктивных предложений депутатов Межрегиональной группы и программных положений НТС, зафиксированных в программных документах Союза и резолюциях Совета НТС.

Из выступления Г. Попова

"В 1985 г. спор шел между консерваторами и сторонниками перестройки, затем - уже между ее сторонниками (аппаратным и революционно-демократическими вариантами). Теперь ситуация коренным

образом изменилась, аппаратный вариант полностью исчерпал свои шансы, и налицо выбор только между различными вариантами революционно-демократического пути. При всем многообразии их оттенков будут два основных: революционно-правовой и революционно-стихийный.

Революционно-стихийный может иметь итогом гражданскую войну, знаменитый русский бунт, о котором Пушкин сказал "бессмысленный и беспощадный". Опыт французской и нашей революции говорит о глубокой противоречивости метода революций и ограниченности их конечных итогов. Анархия и стихия имеют одну перспективу-диктатуру, революционную или консервативную, но в любом случае несущую огромные беды трудящимся. Только революционно-правовой путь сулит нам подлинную перестройку.

Создание в нашей стране правового строя, превращение ее в правовое государство, в котором власть служит обществу, а не командует им. Необходимые условия для этого:

- *автономная от государства общественная жизнь. Общественные организации возникают по воле их создателей, а не по разрешению властей. Материальная база независимой общественной жизни - индивидуальное и коллективное право владеть собственностью и использовать ее по своему усмотрению. Полная свобода информации, обеспеченная законом;*

- *разделение властей: независимость судебных органов от исполнительной власти, полный суверенитет власти законодательной; децентрализованное управление с автономией на всех уровнях; многопартийная система, отражающая разнообразие интересов и взглядов в обществе;*

- *надпартийная конституция, устраняющая идеологическую и политическую обусловленность гражданских прав и свобод, ограничивающая полномочия государственной власти и защищающая граждан от произвола;*

- *интересы народа в законодательных учреждениях, начиная с местных самоуправлений и кончая народным представительством, могут выражать только те, кто получил мандат путем свободных, равных, прямых и тайных выборов. Правом выдвижения кандидатов обладают трудовые коллективы, общественные объединения, политические партии и отдельные лица, заручившиеся поддержкой достаточного числа избирателей. Избирательная система должна контролироваться общественными комитетами;*

- *религиозная и всесторонняя культурная деятельность граждан должна быть ограждена законом от государственного вмешательства и администрирования.*

"Не перестраивать, а строить заново!" Резолюция Совета НТС, "Посев" № 4, 1989.)

На политическую арену сегодня выходят миллионы людей, отравленных десятилетиями застоя и столетиями командно-административной системы. Это создает питательную почву для стихии разрушения, поиска виновных и мести за свое изуродованное прошлое. С другой стороны, отсутствуют массовые экономические формы, соот-

ветствующие новому типу социализма. Арендаторы, акционеры, кооператоры составляют незначительное меньшинство общества. Активизация, сама по себе абсолютно необходимая, выводит на улицы массы, которые прекрасно знают, что их не устраивает, но не знают, что делать и еще не связаны новыми экономическими идеями. В таких условиях революционно-стихийный взрыв получает исключительно благоприятную питательную почву. Мы с вами не раз его видели на митингах.

Но массовые выступления рабочих при участии и под руководством народных депутатов показали, что в народе есть силы, которые могут стать базой революционно-правового варианта. На радикальных депутатов ложится огромная ответственность за поиск такого варианта действий, при котором активные силы общества будут ориентированы на правовой вариант перестройки.

Наша цель — не создание второго Верховного Совета, как некоторые утверждают, а радикализация существующего. Конечно, организационное оформление МДГ означает разделение. Но такое разделение, которое предвидит перестройку. Нельзя искренне желать перестройки и относиться с недоверием к попыткам разнообразить пакет предложений, опасаться критики ошибок, неизбежных в любом большом деле*.

Из выступления Б. Ельцина

"Забастовки знаменуют новый этап развития кризиса, охватившего советское общество, в особенности его руководящие органы. Они означают прорыв кризисных явлений в широкую социально-политическую область и свидетельствуют о том, что тлеющий экономический кризис грозит перерасти в открытую и острую схватку за власть, т. е. в общеполитический кризис. Забастовочная вспышка продемонстрировала потерю доверия широких трудящихся масс по отношению к руководству. Местные Советы, партийные, профсоюзные органы во многих местах практически полностью дискредитированы, растерялись и сегодня бездействуют. Авторитарный режим, административно-командная система в этих регионах пошатнулись.

С другой стороны, забастовки показали высокую степень самоуправления и самоорганизации рабочих. Стаечные комитеты оказались зародышами реальной власти народа. Во многих местах, где проводились забастовки, сложилось двоевластие, когда советские, партийные и профсоюзные органы лишь номинально оставались источниками власти. Фактически регионами управляли стачечные комитеты.

Народ в районах забастовок доведен до отчаяния, явно видит ухудшение своего материального положения, недоволен отсутствием прогресса в перестройке, открытым ее саботажем на местах. Люди устали ждать, они разочарованы, чувствуют себя обманутыми. Отсюда кризис доверия к верхам, требование гарантий на высшем уровне. Следовательно, верхи уже не могут управлять по-старому, а низы начинают осознавать невозможность жить по-старому. Правда, кое-где в массах сохраняется вера в то, что верхи сумеют переломить неблагоприятный ход событий и осуществить в конце концов насущные, прогрессивные, демократические чаяния низов.

Радикальные реформы, необходимые для страны, должны быть оформлены как конкретные предложения важнейших шагов по нормализации жизни. Но это не должны быть планы на далекое будущее и не выработка частичных требований, в противном случае они будут удовлетворены властью. Власть дальше подачек не пойдет. Нашей же стране нужны не подачки, а в корне иная политика, при которой государство не командует обществом, а подчиняется его интересам. ("О положении в стране". Резолюция Совета НТС, "Посев" № 3, 1986.)

Участники забастовок наряду с важными экономическими требованиями выдвигали и политические: отменить выборы от общественных организаций, ст. 6 Конституции, льготы и привилегии, выбирать Председателя Верховного Совета и других руководителей на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования всех граждан страны; провести референдум. Из этого можно спрогнозировать, что начатое снизу движение не остановится".

Из выступления В. Козырева:

"Пока не изменены ст. 10 и 11 Конституции СССР, в которых в качестве основы нашей системы установлена общественная собственность в форме государственной, иллюзорны любые попытки с помощью декретов вернуть власть народу. Власть, опирающаяся на государственную собственность, отчуждена от народа по определению. Ей соответствует наемный труд, и потому неизбежны забастовки.

Против кого выступает шахтеры? Против государства, которое существует как институт политической власти по поводу государственной. Оно не может не быть грабителем трудящихся. Нужно избавиться от государственной эксплуатации, отчуждения народа от власти и собственности. Государственная собственность — это пурпурное кресло тирана. Оно сохранится, какими бы методами ни управляли страной. Сохранятся те самые карандаши, которыми очеркивают: кому выступать, что можно печатать, кому быть делегатом и т. п. А значит, будут воспроизводиться условия, порождающие забастовки".

Труд дает человеку возможность солидарного взаимодействия с другими людьми, возможность развивать свои способности, производить пользующиеся спросом блага и услуги, удовлетворять собственные потребности. Но незаинтересованный труд превращается в рабство или халтуру и деморализует общество. Общество обязано обеспечить личности свободу выбора и трудовой деятельности и возможность пользоваться плодами своего труда, в частности, приобретать и использовать собственность. Владение собственностью уменьшает зависимость человека от государства и обеспечивает его свободу.

("Путь к будущей России". Политические основы НТС. 1986)

Из выступления Г. Старовойтовой:

"Необходимо отказаться не только от иерархии междусоюзной и автономной республикой, но и ниже, включая автономную область, автономный округ. Необходимо скорейшее принятие поправок к Конституции СССР, в частности, о праве на изменение по воле населения принадлежности или подчиненности национально-государственных образований. Ст. 72 Конституции дает это право союзной республике (вплоть до выхода из СССР), в то время как другие национально-государственные образования не могут даже перейти из одной республики в другую. Ничто не сыграло такой отрицательной роли, как пресловутая формула "перестройка - не перекройка", рожденная боязнью прецедента, параличом воли и некомпетентностью тех, кто принимает решения...

С 1922 года изменился состав суверенных субъектов, подписавших союзный договор. Тогда это были Россия, Украина, Белоруссия, Закавказская Федерация, а сегодня - пятнадцать суверенных союзных республик (даже если не касаться суверенности остальных национально-государственных образований)".

Из выступления Ю. Афанасьева:

"Сейчас дискуссии в основном ведутся вокруг дилеммы "капитализм - социализм".

Зачастую говорят, что нам достаточно избавиться от деформаций социализма, как бы ржавчину отскоблить, добраться до марксистско-ленинской его девственности, а дальше он сам начнет "обрастать мясом и жиреть".

Конечно, социалистическая идея должна оставаться для нас путеводной, но не в большевистской, плебейско-революционалистской ее сущности. Мы должны посмотреть на социалистическую идею более широко, начиная с учения Иисуса Христа о братстве и справедливости, через ленинские предсмертные муки, когда он пытался выйти из кризисного положения, и до новейших социал-демократических штудий.

Не о принятии новой Конституции должна идти речь на Съезде народных депутатов, а именно о конституционном процессе. Не исключено, что съезд придет к выводу: нам не нужна Конституция СССР... можно ограничиться союзным договором или чем-то вроде хартии согласия, а конституции следует разрабатывать по республикам. Такой съезд необходим в сентябре, иначе мы не сможем конструктивно обсуждать законы о собственности, о земле, о союзном устройстве, будем постоянно наткаться на несовершенство болтливой и блудливой брежневской Конституции. Никаких законов в комиссиях и комитетах депутаты толково обсудить и принять не смогут, не определившись в главном - в предмете перестройки, в этапах продвижения на этом пути.

Политбюро, правительству, М. С. Горбачеву надо научиться слышать национальные голоса, не воспринимать их как "неположительные", иногда враждебные, увидеть в естественном процессе самосверенизации перестроечное движение и не только пойти ему навстречу, но и постараться опережать этот процесс. Уродливый гибрид - горбачевское статус-кво перестройки не позволяет нам продвигаться

вперед. Надо делать реальные шаги вроде того, что сделан на последней сессии, когда был принят закон о хозрасчете Прибалтийских республик. Надо избавиться от страха и перед народом, и перед насквозь догматизированным марксизмом-ленинизмом, который нас приглашает в XIX век, тогда как нам нужно в XXI. Если мы хотим продвигаться вперед по пути перестройки, то должны отбросить этот панцирь из страха, отказаться от заклинаний типа "больше социализма!" или "в лоно капитализма мы не подьем". Нам трудно идти в это лоно, потому что на 3/4 Россия там никогда не бывала. А если уж говорить о таких уголках капитализма, как Швеция или Дания, то они для нас как Божий рай. Мы туда, видимо, еще долго не подойдем. Однако стремиться переделать нашу жизнь на новых основаниях необходимо, для чего и требуется избавиться от страха".

Из выступления Ю. Богомолова:

"Мы слишком спокойно относимся к тому, что разрушается кровеносная система экономического механизма - деньги. За пустые, ничем не обеспеченные деньги никто работать в полную силу не станет. Поэтому первое, что следует сделать, - это навести порядок именно в данной сфере. Кстати, одна она находится в исключительной компетенции верхних эшелонов власти, правительства. Одна из главных ее функций в экономике - создание здоровой денежной системы, в которой деньги - реальное, а не мнимое покупательное средство... Сегодня еще можно спасти положение в этой области. В начале этого года состоялось совещание по проблемам оздоровления финансов. Однако с тех пор, несмотря на исключительную актуальность мер, ничего не сделано. Деньги продолжают обесцениваться, рвутся основы нашего хозмеханизма. Без включения в товароборот новых товаров - земля, акции на производственные фонды, жилье, - которые принадлежат народу, но фактически у него изъяты, - не удастся привести в порядок денежное обращение.

Экономика нашей страны доведена до такого упадка, что ее оздоровление - трудоемкая и длительная задача. Основные предпосылки для оздоровления: введение принципов рыночного хозяйства, системы акционной собственности (частной, кооперативной, общественной и государственной), материальной заинтересованности трудящихся и участия в прибылях. Исходя из этих принципов, сфера обслуживания должна быть предоставлена частной инициативе; в сельском хозяйстве должно быть введено свободное землепользование в рамках частной или кооперативной собственности; предприятия легкой промышленности должны быть переданы местным самоуправлениям, кооперативам и в частные руки; тяжелая промышленность в определенной мере должна быть постепенно денационализирована. ("Не надеяться, а действовать". Резолюция Совета НТС, "Посев" № 8, 1987.)

И все же ключ к выходу из экономических трудностей лежит в сельском хозяйстве. Выступление же Е. Лигачева не оставляет на-

дежды, что проблемы будут решены в ближайшее время. Предлагается старая политика увеличения капиталовложений, пропорционально которому якобы должна вырасти продукция сельского хозяйства. Мы уже это не раз проходили. Как можно вновь говорить о таких вещах? Пора менять аграрные отношения, осуществлять реформу землепользования и землевладения, принять Закон о земле. И одновременно думать, как оздоровить рынок, деньги. Что толку обсуждать имущественную ответственность государственных органов за неправильные решения, если нет полноценных денег, в которых так заинтересовано предприятие, получающее экономическую свободу?"

Из выступления В. Тихонова:

"Главная цель создания межрегиональной группы - формирование программ решения главных проблем, мучающих страну. Наша хозяйственная система сформировалась как государственно-монополистическая. Ведомственный монополизм органично сросся с государственным аппаратом. Пока эта система существует, лишь отдельным, наиболее энергичным директорам удастся добиваться самостоятельности своих предприятий. Широкого распространения прогрессивные нововведения не получат без денационализации государственных предприятий, может быть, за исключением тех из них, которые действительно необходимо оставить во владении государства.

Государственные предприятия следует передать во владение трудовым коллективам, превратить их в народные. Тем самым они приблизятся к тому типу, который провозглашен в Законе о кооперации, а кооперативные предприятия станут органичным звеном хозяйственной системы.

4. Крестьянам предоставляется право свободного выбора вида землепользования; единоличного (хуторского или отрубного) или коллективного (общинного, товарищеского, артельного).

5. Проводится землеустройство с межеванием земель, в целях обеспечения развития сельского хозяйства на прочных правовых основах.

6. Земельная собственность закрепляется за каждым владельцем-крестьянином особым государственным актом и охраняется законом, а переход ее из рук одного владельца в руки другого регламентируется соответственным органом местного самоуправления, на основании закона.

7. Государственные законы обеспечивают крестьянину:
- право торговли сельскохозяйственными продуктами;
- право расширения хозяйства в установленных нормах;
- право организации кооперативных и других объединений для улучшения хозяйства, взаимопомощи, страховки или организации сбыта продуктов.

8. Совхозы частично преобразуются в государственные показатели и опытные хозяйства, частично постепенно ликвидируются, причём принадлежащие им земли передаются крестьянам или в государственный земельный фонд. (Программа НТС, изд. 1975)

В том виде, в каком сегодня рассматривается проект Закона о земле, — это никуда не годная попытка подлатать существующую систему землепользования, по-прежнему отказывая крестьянам в праве владеть землей. Необходимо решительно отказаться от государственной монополии на землю.

Гарантией того, что крестьянин вновь станет хозяином земли, должна стать право его свободного выхода из колхоза или совхоза с причитающимся земельным наделом, чтобы он мог либо вести индивидуальное хозяйство, либо вступить в кооператив. При непременном условии: не может быть никакого административного подчинения в крестьянском труде.

...Сегодня кооперативы, промышленные, сельскохозяйственные и особенно торговые подвергаются рэкету как со стороны уголовных элементов, так и государственных чиновников. Последние требуют "добровольных" отчислений на содержание своего аппарата, аппарата "общественных" организаций вроде Общества трезвости, а то и просто вымогают взятки. МВД пока почти ничего не сделало для действенной защиты кооператоров от рэкета государственного и со стороны организованной преступности. Задача МДГ добиться в этом перелома".

Из выступления Ю. Черниченко:

"За последние 15 лет в Нидерландах урожайность зерна увеличилась на 37 ц с га, в США — на 28, даже в Албании — на 15 ц. А наша страна "победившего социализма" прибавила лишь 0,6 ц с га при расходах на этот период в 600 млрд. руб.! Трудно придумать более страшное устройство для перемалывания всего того, что накопила, чем богата наша страна. Мы за это время прожрали столько нефти, сколько при разумном подходе хватило бы на несколько веков. И не стали богаче, только карточки ввели.

Нужна радикальная реформа сельского хозяйства. Но способны ли ее провести депутаты-аграрники, представляющие интересы существующей системы землевладения?

Среди них (депутатов-аграрников. — Ред.) есть замечательные люди, настоящие хозяева, но по складу мышления они, за редким исключением, — крепостники. Наивно надеяться, что нынешние председатели колхозов, директора совхозов, сельская бюрократия добровольно дадут укрепиться на селе росткам новых производственных отношений. Поэтому Е. Лигачеву вовсе не обязательно защищать в программе "Сельский час" колхозы и совхозы. За него это круче сделают местные начальники. Между председателем колхоза и фермером такая разница, будто они имеют различное число хромосом. В словах знакомого председателя: "Выделим арендаторам 200 га, поставим домики, озадачим, и пусть развивают свою, так сказать, кооперативную собственность", — чувствуется щедрость зам. начальника ГУЛага. Этим людям невозможно доказать необходимость возвращения земли крестьянам.

Бессмысленно призывать крестьян хозяйствовать самостоятельно и одновременно оставлять их под диктатом колхозов и совхозов. Возлагать надежды на так называемых арендаторов в колхозах и совхозах, считать, что оброк равносителен отмене крепостного права,

может только слушатель Университета марксизма-ленинизма. Пока же Верховный Совет утвердил министром сельского хозяйства человека, у которого отсутствуют реформаторские идеи. Вместо конструктора-созидателя мы получили слесаря-ремонтника, да и то из привилегированного автоцентра.

Рыночные отношения в первую очередь необходимы в сельском хозяйстве. Полновластное владение землей и средствами производства, свободный выбор форм землепользования, хозяйственная инициатива, свободный труд обеспечивают продовольствие в объеме, достаточном для удовлетворения нужд страны. ("Не перестраивать, а строить заново!" Резолюция Совета НТС, "Посев" № 4, 1989.)

Поэтому МДГ вынуждена будет представлять в Верховном Совете интересы крестьян-фермеров, кооператоров, возможно, на альтернативной основе с группой депутатов-аграрников. Больше их интересов представлять некому. Ведь крестьяне, в отличие от шахтеров, разобщены, не могут бороться с сельской бюрократией".

Оформление легальной оппозиции

Вот уже полгода в Советском Союзе формируется и крепнет один из основных факторов демократического общества - парламентское оппозиционное меньшинство. Здесь оно называется Межрегиональной группой депутатов, которая насчитывает в своем составе около 350 народных депутатов, среди них 90 человек - депутаты ВС СССР. Третья конференция Межрегиональной группы прошла 23-24 сентября в московском Доме политпросвещения МГК КПСС.

Как сказал в своем выступлении сопредседатель МДГ историк Ю. Афанасьев, "межрегионалы" - это единственное образование в ВС среди формирующихся там фракций аграрников, комсомольцев, рабочих, военных, экологов, которое объединилось на определенной политической платформе и может претендовать на звание оппозиции. Платформа группы в качестве рабочего документа была принята после двух дней обсуждения на конференции вместе с резолюцией о положении в стране. Платформа межрегионалов и их анализ обстановки в основном были изложены в докладе Ю. Афанасьева.

"Высшие эшелоны власти, - сказал Юрий Афанасьев, - утратили способность чувствовать обстановку в стране, которая накалена до предела. Пропасть между КПСС и народом углубляется. Михаил Горбачев делает настолько очевидные уступки правам, что его позицию становится трудно отличить от позиции оппонентов. Установка на последнем пленуме ЦК КПСС на сильный центр страшно сочетается с параличом центральной власти. В этих условиях мы не стремимся подлатать систему, которая не подлежит ремонту. Она должна быть демонтирована; необходимо перезаложение основной системы. И надо не бояться называть себя конструктивной оппозицией, ибо это не вражда, а форма политической деятельности".

*Идет становление открытой политической оппозиции. Как всякое новое явление, она испытывает трудности: прерваны российские демократические традиции, отсутствует опыт политической деятельности. Задача оппозиции - углублять свои идейные основы, накапливать политические навыки, политическую культуру, внедрять нравственные начала в политические взаимоотношения.
(«Не перестраивать, а строить заново!» Резолюция Совета НТС, «Посев» № 4, 1989.)*

В отличие от предыдущего собрания в Доме кино полтора месяца тому назад, сплоченность депутатов и их взаимопонимание заметно возросли. Одновременно возросла их ярость – реакция на произвол бюрократического аппарата, который, как указывали многие, нагло блокирует даже те непоследовательные и скромные решения, которые приняты прошедшей сессией Верховного Совета. Особенно бурное негодование в зале поднималось при обсуждении вопроса о запрете, наложенном ЦК КПСС на издание газеты «Народный депутат», и аресте банковского счета депутатской группы. Еще большие эмоциональные всплески возникли при обсуждении антиельцинской публикации в «Правде» и вопроса о расследовании деятельности следственной группы Гдльяна-Иванова.

Предложения, с которыми выступали народные депутаты, были самые радикальные: от планов обратиться к своим западноевропейским коллегам за помощью в издании газеты до предания суду должностных лиц, попирающих закон и права депутатов.

Одобрение в зале встретила высказанная Г. Поповым идея о разрывании непарламентских действий против бюрократического аппарата, об опоре на неформальные и независимые организации в случае, если действия парламентские не увенчаются успехом.

Гнев депутатов понять легко. Судя по той информации, которой они делились друг с другом, ни в центре, ни на местах аппарат считается с ними не намерен.

По поводу ответа на запрет регистрации МДГ и препятствий ее деятельности победило компромиссное решение – народные избранники в очередной раз выступили в качестве просителей и обратились с жалобным письмом к М. С. Горбачеву.

Были приняты резолюция с осуждением публикации о Ельцине в газете «Правда» и заявление с требованием отчета генерального прокурора перед Верховным Советом СССР о его позиции в деле следственной группы Гдльяна.

Выступление перед депутатами Рафика Нишановича Нишанова, председателя Совета Союза, от имени верховной власти не оставило каких бы то ни было надежд на конструктивный диалог. Прослушав в течение двух дней речи разгневанных оппозиционеров, он невозмутимо заявил, что все это не отличается от того, что говорится в комитетах и комиссиях ВС, и, более того, совпадает с оценками, данными в платформе ЦК КПСС. После этого в зале раздался дружный смех и шум. Идите и работайте в комиссиях под нашим руко-

водством – так можно было бы резюмировать отеческие наставления Нишанова.

Итак, платформа оппозиции выработана, совет от начальства получен, и началась очередная сессия Верховного Совета СССР.

Юрий Митюнов

"Русская мысль", № 3795, 29. 9. 89.

"Как будто бы её вообще не существует"

С Борисом Николаевичем Ельциным беседовал в его рабочем кабинете народного депутата в столичной гостинице "Москва" корреспондент радио "Свобода" Юрий Митюнов.

- Борис Николаевич, дело в том, что ваши избиратели, да и граждане нашей страны, очень обеспокоены той ситуацией, которая произошла с вами, о которой шла речь на Верховном Совете. Причем обеспокоены не столько ситуацией, сколько тем, как она была подана советскими средствами массовой информации. Информации об этом очень мало. Что бы вы могли сказать?

- Во-первых, я вчера сделал заявление для печати. Я бы сказал, что, не копаясь в мелочах, это мой главный политический ответ на все то, что происходит. Я убежден, что это просто очередной виток травли. Видимо, сейчас уже перед предстоящими вскоре выборами в Верховный Совет Российской Федерации, в местные советы районов Москвы и Моссовета. Это очень похоже на то, что было и перед выборами в народные депутаты СССР. И там были пасквилы на 20 страниц, и там были тихомировские письма, и там были его выступления в ЦК, и там была комиссия Центрального комитета партии создана, судьба которой до сих пор никому, в том числе мне, неизвестна. И там были тоже нападки всякого рода, дискриминация, дискредитация кандидата в народные депутаты, цель которых, безусловно, не допустить, чтобы его избрали в народные депутаты, тем более по московскому национально-территориальному округу № 1, округу, где больше всего избирателей в нашей стране, 6 миллионов избирателей. Безусловно, вся эта кампания координировалась, а не просто была случайной. В этом участвовали и горком партии, и районные комитеты партии, частично местные советы, но в основном бюрократический аппарат.

Сейчас, перед новой ситуацией, опять начинается новый виток, и сюда можно отнести и публикацию в "Правде" статьи из итальянской газеты "Република", и эту смонтированную телевизионную передачу, над которой очень здорово поработали для того, чтобы получить какой-то соответствующий эффект. Здесь же комиссия уже Верховного Совета, которая создана на Ельцину, и здесь же обсуждение этого, якобы имевшего место инцидента, покушения, обсуждение

сначала в Президиуме Верховного Совета, а затем на сессии Верховного Совета вопроса, который совершенно не относится к компетенции Верховного Совета и не должен обсуждаться. Я не заявлял, я не просил об этом. В то же время то, о чем просят депутаты, обсудить серьезные вопросы, например, о роли Межрегиональной группы. Определите статус этой группы, утвердите как-то ее, дайте ей какое-то право на жизнь – нет, этого не делается. Дайте право на создание газеты Межрегиональной депутатской группы, где сегодня уже более 400 депутатов – нет, в этом отказывается. Стенограмма в газете "Известия" – это редчайшее событие. Обсуждается закон о собственности, о местном самоуправлении, о кооперативах и т. д. – стенограмм нет. А вот этот инцидент – слово в слово была стенограмма, как будто сегодня это важнейшее дело в стране. Будто у нас нет кровавых событий ни в Нагорном Карабахе, ни национальных проблем в других точках страны, ни того, что экономика и финансы катятся вниз, все хуже и хуже, ни того, что благосостояние, особенно в продуктах питания, все хуже и хуже.

- Масштабы обсуждения вашей личной жизни против вашей воли приобретают как бы глобальный характер, и все это вынесено на обсуждение в Верховный Совет. Какая роль в этом М. С. Горбачева, о котором вы говорите в своем заявлении?

- Я думаю, что без него ничего не делается. Я бы даже сказал точнее: я в этом убежден. Ну как же, если на Президиуме он вопрос этот поднял, ведь не кто-нибудь на Президиуме Верховного Совета, а он поставил этот вопрос.

- Вы с ним говорили по этому поводу до обсуждения на Верховном Совете?

- Ни слова.

- Понятно; значит это было неожиданностью для вас?

- Да, безусловно.

- Не было ли разговора с министром внутренних дел?

- Да, был разговор. Он мне позвонил сразу, тогда еще. Причем меня то и удивляет, что он, Бакатин, просто изменил своему слову. Он тогда спросил, было ли покушение, я ему сказал: считайте, что не было. И он сказал: ну, тогда я закрываю, дела никакого нет, все. А если хорошо почитать его выступление, в котором он так, непривычно для себя, нервно выступал, то там столько несуразиц и не состыковываются факты, элементарные абсолютно, что я вынужден назвать это – смесью лжи и некоторой правды.

- В кампании, которая сейчас проводится против вас как одного из лидеров Межрегиональной группы и против вас лично, что преобладает: личные элементы соперничества или политический момент, то есть попытка скомпрометировать Межрегиональную группу и вас как одного из ее руководителей?

- Безусловно, и то и другое. И напрямую Межрегиональную группу не признают, и никакие от нее заявления, предложения, не только не публикуют, а даже просто не оглашают на сессии

Верховного Совета, как будто бы ее вообще не существует и как будто от нее предложений вообще не поступает, что, безусловно, и у депутатов вызывает некоторое недоумение: что же такое, заседали, решали, принимали резолюции и т. д., а результатов вроде нет, на сессии Верховного Совета это не обсуждается. А если проследить, кому даются выступления, то тоже видно, что некоторые по несколько раз записываются, но если уже знают, что он относится к Межрегиональной группе и входит в ее состав, то почему-то не хватает времени для его выступления.

- Значит, это идет в рамках общей кампании?

- Я считаю, да. Конечно, здесь есть и боязнь лично товарища Горбачева, ну и он, мне кажется, настроился против Межрегиональной группы, опасаясь, что она в дальнейшем может перерасти или в новую партию или в серьезную оппозицию для партии.

- В связи со случаем в Успенском, в связи с тем, что, естественно, вас достаточно опекали во время вашей поездки в США, вы чувствуете, что возможно некоторое вмешательство в вашу жизнь со стороны так называемых компетентных органов?

- Безусловно. В то же время, скажем, происходит ограбление квартиры моей дочери. Случайность? Но уж очень сделано так, что не похоже на случайность. Взято как бы так, походя, что-то самое плохое, а что подороже - нет. Это чтобы психологически какой-то прессинг осуществить. Конечно, это недоказуемо, что это в одной цепи, но тем не менее, на меня это все тоже действует.

- А в своей ежедневной жизни вы чувствуете этот контроль, который зачастую в других случаях проявляется в каких-то мелочах?

- Почему в мелочах, когда иногда просто приходят оттуда, из этих органов, и прямо говорят, что через неделю с вами будет то-то.

- Это люди, которые представляются от Комитета госбезопасности?

- Совершенно верно, и удостоверения показывают.

- И что же они говорят?

- А говорят, что вот сейчас сделан такой приборчик (это один из десятков таких примеров), который незаметно где-то в толпе вам приставят; он дает такой импульс с частотой от 7 до 11 герц - в этой частоте сердце останавливается. Если рядом реанимации, "скорой помощи" нет, все, конец.

- То есть прямые угрозы?

- Я бы сказал, поскольку это потом не подтверждается, что это скорее просто психологический шантаж, психологическое давление, чтобы заболел или еще что-то.

- Ну это достаточно знакомые методы.

- Да, это из старого, так сказать, арсенала. Может быть, до черных дел уж не доходит, но психологически они действуют не

меньше на человека, тем более, что все это происходит постоянно. Ведь можно вспомнить всю эту цепочку, начиная с октября 1987 года, с октябрьского пленума ЦК, когда меня травили 27 человек, кричали: ату его, ату и т. д. Можно вспомнить, когда я лежал в реанимации, а товарищ Горбачев сказал: "Через полтора часа быть на московском пленуме горкома партии, чтобы вас освободить от работы". Я за всю свою жизнь не знаю, будь то уборщица, будь то директор, будь то партийный орган, чтобы из больницы взять, с постели привезти и снять с работы.

- Будете ли вы в какой-то форме обращаться к людям, к народу, к избирателям с тем, чтобы они оказали вам поддержку?

- Министр не сказал одну фразу, которую я ему сказал: "Покращения не было, но тем не менее я выводы для себя сделаю и ездить и ходить один я больше не буду".

- Что бы вы могли сказать обеспокоенным людям, которые заботятся о безопасности своих депутатов и в частности вашей (вы являетесь в определенном смысле для многих людей в нашей стране символом радикального демократического течения), с какими словами вы могли бы к ним обратиться?

- Конечно, психологическая травля идет, и, я думаю, после моего вчерашнего очень жесткого заявления. В этот момент такого состояния поддержка избирателей в виде телеграмм, писем колоссальное значение имеет. Но в целом-то я не верю, что пойдут они на какие-то крайние меры.

- И такой вопрос, который примыкает к вопросу о вашей поездке в Соединенные Штаты. Одним из ее великопленных результатов было то, что к нам в страну стало поступать какое-то количество одноразовых шприцев. Они совершенно необходимы в связи со страшной опасностью распространения СПИДа. Скажите, как сейчас обстоит с этим делом?

- Контракт заключен на 100 тысяч долларов, на миллион одноразовых шприцев с иглами. 100 тысяч первые получены. Сейчас от меня ждут распределения: куда? Эти первые 100 тысяч пошли в детские клиники Москвы. Но дальше надо вторую партию направить в Калмыкию, в Элисту, там уже 6 случаев детской смертности связаны с этим, и в Волгоград, тысяч по 50, и указать емкость, 3-миллиграммовые, 5-ти или 10-ти.

Я сегодня встречаюсь как раз с председателем фирмы, которая организовывала поездку и организовывает отправку оттуда этого миллиона шприцев, я сегодня передам ему эту заявку по городам, куда направлять, и я думаю, что это в довольно короткий срок, этот миллион будет у нас, как первая серьезная лепта. Договор, который я подписал, все до единого центы и доллары, которые я там заработал, все пошли только на покупку шприцев.

Москва
18 октября 1989 г.

Заявление Ельцина для печати

19 октября в Москве помощники народного депутата Бориса Ельцина передали журналистам следующее заявление:

16 октября 1989 года на сессии Верховного Совета СССР под председательством М. С. Горбачева был обнародован инцидент, затрагивающий мою честь и достоинство.

Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр внутренних дел СССР т. Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Это произошло после того, как т. Бакатин ранее заверил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводить не будет.

Новый политический фарс, разыгранный М. С. Горбачевым на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы.

Создание межрегиональной группы, сплотившей на своей платформе почти 400 народных депутатов СССР, избрание меня одним из руководителей ее координационного совета, независимость нашей позиции, альтернативные предложения, идущие вразрез с консервативной точкой зрения сторонников административно-командной системы, и даже моя частная поездка в США - все это вызывает яростное озлобление аппарата. По его команде была сострепана целая серия провокационных, лживых, тенденциозно настроенных публикаций в советской печати, передача с Центрального телевидения, распускались самые невероятные слухи о моем поведении и частной жизни.

В связи с вышеизложенным считаю необходимым заявить следующее:

1. Все это звенья одной цепи травли меня, и творится все это под руководством т. Горбачева М. С.

2. Вопросы моей безопасности и моей частной жизни касаются только меня и обязаны конституционно ограждаться от любых посягательств, в том числе и со стороны партийного руководства.

3. В случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринять соответствующие шаги к лицам, покушающимся на мою честь и достоинство как гражданина и депутата.

4. Считаю неприемлемым и опасным использование в политической борьбе безнравственных и беспринципных методов морального и психологического уничтожения оппонента. Это приведет к полному краху моральных и нравственных установок, демонтажу демократических начал перестройки и в конечном счете к жесткому тоталитарному диктату.

Народный депутат СССР

Борис Ельцин

По страницам неформальной прессы

Горбачеву надо определяться: или он с народом или с аппаратом. На двух стульях он просидел 4 года, а на пятый можно оказаться и между ними. Ваш выбор, Михаил Сергеевич! Время и народ уже не могут ждать! Терпение народа имеет предел, и он близок.

*"Хроника" № 14, бюллетень МГК ассоциации избирателей,
Москва июль 1989 г.*

"Господи, неужели нам так и не дано ничему научиться? Ладно, не желаем извлекать уроки из собственной истории, так обратимся хоть иногда к мировому опыту. Иным зарубежным парламентам не одна сотня лет. Чего только не видели их стены! Впрочем, одного они не видели наверняка: сколько-нибудь устойчивого единства. Там, где начиналось единство, кончался реальный парламент и начинались фикция, комедия, фарс. Наличие в работающем парламенте группы, блоков и коалиций – не блажь, не выдумка и не заговор эллитных раскольников, *это единственно возможный способ существования предварительного законодательного органа.*

Если мы признаем, что в обществе существуют серьезно различающиеся, а нередко и конфликтные интересы, позиции и взгляды, если затем мы допустим, чтобы эти интересы, позиции и взгляды были представлены в парламенте, то нам никуда не уйти от групповых полемических столкновений. Парламенты для того и существуют, чтобы общественные конфликты разрешались под их сводами, а не на улицах Тбилиси, Ферганы и Нового Узеня, не в шахтах Кузбасса, Донбасса и Воркуты.

*Сергей Станкевич. Спецвыпуск "Народный депутат", издание
Межрегиональной группы Москва, 26 июля 1989 г.*

С глубоким прискорбием извещаем, что 26 августа, после долгих продолжительных мучений скоропостижно скончался Авторитет ЦК – ум, честь и совесть нашей эпохи.

Группа товарищей "Атмода" (Рига), 4.9.89

Страна подошла к краю пропасти. Подошла дружно, строем, под руководством коммунистической партии Советского Союза. И испуганный возглас партийных командиров: "Стой, давай перестраиваться!" очень напоминает знаменитую фразу Ивана Сусанина: "Братцы, кажется, мы заблудились!". Сусанин, правда, не потребовал себе награды за это открытие, и где-то даже пострадал, но КПСС ведет себя иначе. Партия гордо заявляет, что признает самый факт нахождения на краю пропасти, и объявляет себя "руководящей силой перестройки". Тем самым КПСС ставит себе в заслугу признание очевидных фактов и инстинктивное движение человека, пытающегося сохранить равновесие. И даже берет на себя ответственность за случившееся, берет с таким видом, с каким главарь вооруженной банды извиняется перед поселянами за случайное убийство пары

старух, искренне недоумевая: "Я же извинился, чем же они все недовольны?"

*В. Иванов "Партия и перестройка" "Новая жизнь" № 4,
Москва октябрь 1989 г.*

Таллин.

Приветливости и радушия юных соседей – как не бывало. Едва слышав русскую речь, эстонцы отходят в сторону со словами: "Не знаю, не знаю". Только к вечеру мне удалось коротко переговорить с представителями партии Эстонской Национальной Независимости и принять участие в акции "зеленых" на балтийском побережье.

Самый интересный разговор произошел в экспрессе Ленинград – Москва. Попутчик Александр Виру сразу вычислил во мне "неформала" и рассказал немало интересного, показав многое с непривычной стороны. Александр – русский, родился и живет в Эстонии. Родители его переехали туда после войны. Женат на эстонке, носит ее фамилию, работает водителем автобуса.

– Каково отношение эстонцев к русским?

А.В.: Однозначно ответить трудно. Когда на работе или на рыбалке – отношения нормальные. А когда я делаю замечания, высказываю свое суждение о происходящем, задаю начальнику-эстонцу смелый или нескромный, с его точки зрения, вопрос, в ответ слышу: "Вопросы будешь задавать за Нарвой".

– Знаешь ли ты эстонский?

А.В.: Нет, с этим, конечно, плохо. На работе смогу объясниться, а в быту не стану принципиально, пока не будут относиться по-человечески, пока не кончится нездоровая обстановка и не перестанут "отсылать за Нарву". Согласен на любой строй, если буду обладать всеми правами, буду чувствовать себя гражданином Эстонии.

– Я знаю, русскоязычному населению предоставляют возможность изучать эстонский.

А.В.: Да, вот у нас на работе висит объявление о двухмесячных курсах ускоренного обучения без отрыва от работы. А время учебы накладывается на время работы. Да и курсы находятся на головном предприятии за 25 километров. Смешно. Надо подходить к вопросу разумно.

– А каково твое отношение к пакту Молотова-Риббентропа?

А.В.: Надо дружно осудить этот пакт, но исходить из реального положения вещей.

– Каков, по-твоему, выход из создавшейся ситуации?

А.В.: Для нормализации отношений им надо считаться с реальностью. Мы не виноваты, что здесь оказались. Мы даем экономике республики не меньше эстонцев. При человеческом отношении к нам мы и язык выучим, и будем согласны на отделение Эстонии.

– А как ты думаешь, чем закончится попыткаделиться?

А.В.: Самостоятельности им не дадут. Слишком важный стратегический район. Мне знакомый рассказывал. Он, шутя, спросил у офицера: "Ну что, чемоданы собираешь?". "Чемоданы – нет, а вот автомат Калашникова – за 10 секунд".

*"Пресс-бюллетень" Сибирского информационного
агентства СИБИА № 26 г. Новосибирск, 1 октября 1989 г.*

Почему же они бегут?!

Александр ЮГОВ

Долгие десятилетия немецкой истории в XIX и XX веках определялись стремлением, напором, экспансией на Восток – *Drang nach Osten*. 11 сентября 1989 года началась новая, необычная страница немецкой истории, которую и сформулировать можно необычно – *Drang nach Osten für Westen*. Стремятся на Восток, чтобы попасть на Запад. Сотни тысяч восточных немцев атакуют западногерманские посольства в Будапеште, Праге и Варшаве, чтобы оттуда переехать в ФРГ и стать западными немцами. Свыше 60 тысяч за полтора месяца, и поток не уменьшается. Бегут преимущественно молодые, возраст среднестатистического беглеца 26 лет. Бегут налегке, оставляя все – квартиры, мебель, носильные вещи, машину... Бегут с детьми, включая грудных; если так пойдет и дальше, население ФРГ резко омолодится.

Почему же они бегут? Этот вопрос особенно мучает жителей "бедных" соцстран, по сравнению с которыми немцы из ГДР – благополучнейшие люди. "И чего им не хватало? Машины бросают! Да мне за эту машину полжизни работать надо!"

Незадолго до немецко-немецкого исхода опубликовала "Литературная газета" фельетон. Фельетон, как это часто стало в последнее время, не смех вызывает, а слезы, не губы работают, но зубы, не мышцы живота сжимаются, а кулаки. Почему же все-таки, черт побери, мы в нашей России так плохо живем?!

"...из очереди не отойти, мы в ней постоянно прописаны, она нам печь заменила, и вот мы топчемся так и злобимся на тех, кто впереди, и презираем тех, кто сзади, и вместе с теми и другими все валим на строй. Забывая, что строй – это то, что сами себе строят. Что построили – то и строй. У "наших" немцев – наш строй. Нормально живут. У "ихних" немцев их строй – тоже за сосисками сюда не гоняют. И тех, и других мы побеждали одинаково" (Мих. Мишин. "Нормальный ход", "Литературная газета", 16.8.1989).

Побеждали-то одинаково, да вот жизнь у тех и у других немцев теперь совсем неодинаковая. И "нормальной" свою жизнь "наши" немцы отнюдь не считают. Иначе бы не бежали. Хотя строили они "наш строй" сами, под знаменами своих Основоположников – Маркса и Энгельса, под водительством своих вождей – Ульбрихта и Хонеккера. Но вот – тоже почему-то недовольны тем, что построили...

Да, "наши" немцы живут лучше, чем мы. И даже намного лучше. Почему так? Генетически, что ли, запрограммировано? Или на это есть свои исторические и социальные причины? За второй ответ говорят многие аргументы.

1. Неодинаковые исходные уровни. К моменту образования ГДР ее общий промышленный потенциал (включая квалификацию, техническую оснащенность, технологические навыки и т. п.) был намного выше, чем в Советском Союзе.

2. Сельское хозяйство ГДР не пережило и половины того разгрома, что российское. Коллективизация прошла здесь намного мягче, восточные немцы и близко не подошли к той степени отчуждения от труда и незаинтересованности в нем, которые характерны для сегодняшнего крестьянина России. Конечно, за те же 40 лет эффективность труда крестьянина в ФРГ возросла неизмеримо больше, но мы ведь сравниваем "в другую сторону".

3. Все формы собственности, кроме общегосударственной, тоже не были в ГДР разгромлены до такой степени. И по сей день восточногерманский ремесленник может иметь нескольких учеников (до 9 человек), которые, обучаясь, работают вместе с ним. Эксплуатацией чужого труда, как считалось бы в СССР, в ГДР это не считается.

4. Малая территория и компактность ГДР существенно снижают ведомственные и транспортные потери, весьма высокие при директивно-централизованной экономике.

5. Все 40 лет на территории ГДР находились и сейчас находятся сотни тысяч советских солдат и офицеров. Они "охраняют завоевания социализма" в ГДР. Фактически - охраняют восточногерманскую партийную номенклатуру от собственного народа. Не будь советских войск, верхушке СЕПГ пришлось бы держать под ружьем гораздо больше собственной молодежи (допустим, что это помогло бы...). И административный аппарат неизбежно был бы в этом случае более многочисленным. Советская экономика крупно теряет, гедезеровская, за ее счет, - находит.

6. ГДР получает пользу и от своих экономических отношений с Советским Союзом. Покупает нефть, газ и различное сырье по ценам, ниже среднемировых. "Зато" имеет твердый рынок сбыта для своей промышленной продукции, которая, может быть, и лучше, чем в других странах СЭВ, но все больше отстает от уровня высокоразвитых стран. И здесь, как в известной сказке, "битый небитого везет".

7. Жизненный уровень жителей ГДР существенно повышается за счет подарков, посылок, переводов их родственникам из ФРГ. Столь насыщенных "родственно-капиталистических пережитков" жители в СССР, естественно, не имеют. Да и в государственном масштабе ГДР получает от ФРГ миллиардные кредиты на льготных условиях. Таких богатых дядей-соплеменников народы России, увы, не имеют тоже.

Если все эти факторы во внимание не брать, то тогда действительно причину нужно искать в каких-то неискоренимых чертах характера русского народа. А заодно и в характере сотни других народов, населяющих Россию. "Такой уж исторически характер сложился у этого народа (что их, таких, уже, увы, сотни - об этом для простоты стараются не вспоминать). Вот ведь другие народы - строят то же самое, а совсем иначе получается!" - "Где? Покажите!" - бросаемся мы то на один пример, то на другой. Но только присмотримся - прекрасная картина тает. Мираж. Нет оазиса в социалистической пустыне.

Незадолго до осеннего немецко-немецкого исхода произошел у меня любопытный разговор. Собеседнику - лет под пятьдесят, зовут Вольфганг (наши дочери дружат). Речь зашла о его сослуживце, старом инженере. Был он в советском плену до последнего, до начала 60-х. Необыкновенный умелец, он все умел делать руками, и лагерная обслуга долгие годы плена, естественно, этим пользова-

лась. "Говорите что хотите, но русские - ленивы" - вывод, который вынес старый инженер из плена.

Должен признать, что меня такие обобщения всегда возмущают. Кого бы они ни касались - русских, немцев, евреев, татар. В этих заливчатых приговорах, без права обжалования, нет ни ума, ни порядочности. Выносы подобные приговоры на базе ничтожного количества улик, житейские прокуроры не принимают во внимание массы исторических оправданий и опровержений. В данном случае особенно. Что он, этот инженер, разбирался, кто из лагерной obsługi этнический русский, а кто нет? Говорит по-русски - значит русский. Получается забавно: мы уверенно заявляем "трудолюбивый таджикский народ", "трудолюбивый армянский народ", а обобщенно - "русские ленивы".

Начал я медленно аргументировать. Во-первых, говорю, с кем же общался твой инженер? Эта публика во всем мире трудовой энергией не отличается. Зачем, если есть заключенные? Во-вторых, не забудь, кто шел в охранники после войны и коллективизации. Произошел двойной искривленный отбор. В-третьих, когда твой коллега досиживал свой плен, Россия уже 40 лет жила при новом режиме, трудолюбию совсем не способствующем.

Мой Вольфганг вежливо кивает, но до конца я его, кажется, не убедил. Однако попался он очень быстро. Заговорили о ГДР. Разделение Германии, говорю, - исторический анахронизм, который нужно поскорее ликвидировать. Мы, российские солидаристы, всегда были за объединение Германии. Объединенная Германия России выгодна, а ГДР, наоборот, убыточна. Смотрю, что-то мой Вольфганг не очень воодушевлен. Не так, как был бы армянин, если бы мы заговорили об объединении Армении с Нагорным Карабахом. Вообще нужно сказать, что современные "западные" немцы решительно изменились, совсем иначе воспринимают лозунги, популярные 50 лет назад. "Аншлюсс" понимаю только применительно к кабельному телевидению, а "жизненное пространство" - к Канарским или Балеарским островам два раза в год... Оказывается, Вольфганг недавно был в ГДР, заболел там и лежал в потсдамской больнице. "Что они там наделали! Штукатурка на домах потрескалась, облезлые, обшарпанные фасады, мостовые выщерблены, на трубах всюду ржавчина... Да там 10 лет восстанавливать надо!" (Из сорока, заметим, мирных.) "А знаешь, Вольфганг, если бы какой-нибудь японец или американец жил только в ГДР, не зная Западной Германии, он бы наверняка сделал вывод: "Ну и лентяи эти немцы!". Вольфганг ошалело посмотрел на меня: называть немцев лентяями! Но, подумав, согласно кивнул.

Вот мы и пришли к итогу. Все зависит от точки отсчета. То, что фельетонисту Мишину представляется "нормальным" образцом для подражания, среднему западному немцу видится ужасным и разрушительным. Их образец у них перед глазами, они сами его построили и убегают от него или перестраивать его не собираются.

На протяжении недель "исхода" телевидение ФРГ не переставало задавать молодым беглецам один вопрос: "Почему вы бежите? Чего вы ждете?" Ответы были на редкость однообразными, собственно, было всего три варианта: "Хотим быть свободными", "Хотим сами строить свою судьбу", "Хотим жить, как вы". Обобщая, можно сказать, что они хотят быть настоящими немцами.

Только "разделенные" страны создают "чистоту эксперимента". Именно они дают истинную оценку системе реального социализма,

без глубокомысленных экскурсов в историю данной страны, без выдумывания причинной псевдопреемственности. Результат во всех "разделенных" странах однозначен, конечный вывод бесспорен. Система реального социализма, построенная на догмах марксизма-анархизма, обанкротилась всюду, но в "разделенных" странах результат этот особенно нагляден. Здесь, когда появляется возможность, за него "голосуют ногами".

Система реального социализма перемалывает в пыль все и всяческие национальные доблести - русский размах и американскую деловитость, немецкую организованность и вьетнамское трудолюбие. Из подавляющего большинства "неразделенных" стран, где господствует эта система, удирать некуда. Там у народов единственный выход - изгнать саму Систему.

Многих, причем не только на Востоке, но и на Западе, страшит объединение Германии. Люди склонны чересчур медленно освобождаться от устоявшихся стереотипных представлений. Такие клише, как "немецкая агрессивность" или "германский реваншизм", так же в ходу, как и "русская привычка к рабству". Забывают, что сегодняшние ФРГ или Япония - не только демократические страны, одни из самых стабильных в мире, но и привыкшие за послевоенные десятилетия к экономическому процветанию, народы этих стран поняли - и разумом, и "желудком", - что торговая экспансия выгоднее военной, а туристические путешествия приятнее завоевательных походов. Не отрицая национально-исторических особенностей тех или иных народов, надо отметить, что динамика изменений этих особенностей - в силу воздействия общечеловеческо-социальных культур - в наши годы чрезвычайно возросла. Это особенно заметно на примере "разделенных" народов.

...Что выиграл Советский Союз от тридцатилетнего существования ГДР? "Немецкой социалистической нации" за эти годы все равно не получилось и получится не может. Власть Хонеккера, как и в прошлом Ульбрихта, держится искусственно на советских штыках. Содержание армии на немецкой территории за эти годы стоило многие миллиарды рублей, убытки от соответственной нехватки рабочей силы на родине вообще неисчислимы.

Объединенная Германия могла бы стать помощником в доходах (а не как сейчас - в расходах) для нашей страны. Хронически большой советской экономике, рано или поздно, но предстоит выйти на свежий воздух нормально-рыночных отношений. Кризис слабости при этом неминуем. Поддержка "под локотки", с двух сторон, значительно помогла бы преодолеть этот кризис. И на роль таких "технических санитаров" Германия и Япония подходят наилучшим образом. В этом направлении и должна была бы действовать внешнеполитическая концепция с позиций национального эгоизма. (А. Югов. Изменение внешней политики - государственная необходимость. "Посев" № 10, 1978.)

Кооперативы и забастовки

Владмир АНДРУСОВ

Бастовавшие горняки выставляли в разных местах разные требования. Но повсюду, не сговариваясь, всплывало одно: запретить открывать новые кооперативы и закрыть уже существующие.

На Западе этого просто не понимали, пропускали мимо ушей. Из длинного перечня требований бастующих журналисты выделяли полотенца и мыло (как пример первобытности условий труда), подчеркивали отмену "руководящей роли" и свободные выборы. Демократия - это понятно. Но требование закрыть первые свободные предприятия, когда только принят закон, разрешивший их независимое существование, - этого западный человек понять не мог.

Нам-то, увь, все понятно. Государственные магазины пусты, исчезло даже то немного, что было раньше. Зато в кооперативах все втридорога, по ценам, намного превышающим себестоимость товара. Рабочие, которым такие цены не по карману, естественно, озлобляются против кооперативов, не понимая, что корень зла совсем не в них, а в условиях, в которых они работают.

Цены у кооператоров именно те, по которым у них не образуются очереди. Это общий закон: при свободной торговле очередей нет; если она образуется, торговец поднимает цену. С себестоимостью товара этот процесс не связан. Но при свободном рынке такой принцип действует также для *производства*. Когда цены на определенный товар очень уж превышают себестоимость, оставляя большую прибыль, то его производители увеличивают его выпуск (чтобы больше заработать), или же вступают в конкуренцию новые производители. В итоге рынок насыщается и цены снижаются. Вот почему на Западе все товары дешевле, чем у нас, в расчете на минуты труда среднестатистического заработка: там цены одновременно служат как сигналом дефицита, так и стимулом для его преодоления.

У нас же, когда дефицитные товары попадают в свободную торговую сеть, то цены на них, естественно, поднимаются, сигнализируя этот дефицит. Но производственная сфера, работающая в прежних условиях, не в состоянии увеличить выпуск товаров до уровня, при котором цены станут ниже даже нынешних государственных. Не по вине кооператоров, которые в конце концов дают производственным секторам правильный ориентир, а по вине власти, которая поставила в относительно свободные условия (через кооперативы) одну торговлю, но отнюдь не все хозяйство.

Итак, наши "свободные" цены подсакивают до уровня, намного превышающего себестоимость, и на нем *стабилизируются* (что на Западе как раз невозможно). Но тогда кооператорство становится сверхприбыльным делом, и по законам свободного рынка туда должно было бы хлынуть все взрослое население страны.

Да, если бы не одно существенное "но". Для каждого кооператива нужно *разрешение* местных властей, которые его выдают, естественно, небезвозмездно. Поэтому чем выше доход кооперативов, тем большая

его часть уплывает в растопыренный карман номенклатурных товарищей, от которых именно и зависит распределение товаров по магазинам и базам, да и в конечном итоге решение покончить с дефицитом, обеспечивающим им эти лишние доходы!

Вот поэтому шахтерам самим собой разумеющимся казалось требование закрыть кооперативы, как и закрыть спецраспределители.

Самое грустное то, что все это можно было предвидеть (*это и было предвидено* в русской зарубежной печати, в частности, на страницах "Посева") с самого момента выхода закона о кооперативах. Создать конкурента безобразнейшей государственной торговой сети — идея сама по себе правильная. Но получилось, как в популярной английской шутке: чтобы перевести уличное движение с левой стороны на правую, давайте сначала переведем грузовые машины, вторым чередом общественный транспорт и, наконец, третьим этапом легковые автомашины.

В хозяйстве все взаимосвязано, и если уж вводить рыночные отношения, то надо их вводить для всех. И в особенности, для самого основного из всех видов производства — для сельского хозяйства. Начать это можно хотя бы с "возврата к Столыпину": дать право (именно *право*, без всяких разрешений начальства) каждому колхознику и рабочему совхоза из них выйти с наделом земли, который записывается в регистр и на который владельцу выдается гербовая бумага (без всяких там "аренд" и прочих выкрутасов: нельзя на селе создавать психологию пришельца-краткосрочника: *собственность и навсегда!*). И дать любому (если русские не возьмут, то хоть иностранцам, были бы земли в крестьянских руках) право брать в собственность бросовые земли, количество которых скоро превысит площадь освоенной целины. И пусть выращивают что угодно, продают кому угодно и по какой угодно цене. И аналогично признать за каждым право (тоже без всяких разрешений) создавать промышленные и коммерческие предприятия и владеть ими, с единственным ограничением — банкротство предприятия.

Невозможно? Нереально? Ну тогда, при всей моей убежденности в спасительности рыночных отношений для нашей страны, я, пожалуй, соглашусь со стачечными комитетами: кооперативы лучше уж закрыть. Оставим все движение на одной стороне улицы, пусть хоть на левой. Пусть продукты распределяются, как раньше, хамскими продавщицами, с длинными очередями, но по искусственно низким государственным ценам. При нынешней производственной системе их на всех все равно не хватит, но малоимущие по крайней мере не будут поставлены в положение, когда абсолютно невозможно их достать, разве что, если посчастливится, ценой огромной затраты времени.

При сохранении нынешних отношений в сфере производства, кооперативы не могут стать зародышем рыночного хозяйства, а лишь очагом новых проблем и народного озлобления. Лучше уж пока ими пожертвовать, а то они в народе выработают "условный рефлекс" против всякого свободного предпринимательства. Что сулит нашей стране социализм еще на несколько десятилетий.

Американская газета на советские темы

Переговоры с Японией по экономической кооперации

На последней неделе августа открылись в Москве, наконец, после долгого ожидания советско-японские переговоры по экономической кооперации. Чем они закончились, пока еще неизвестно, но их подготовка проходила в атмосфере изрядного пессимизма.

Два больших препятствия стоят на пути советско-японского торгового обмена и финансовых вложений в экономику СССР, и не видно, чтобы по ним было достигнуто какое-то соглашение и в этих начавшихся переговорах.

Первое препятствие касается конфликтных претензий обеих сторон на четыре острова к северу от Японии, которые СССР захватил в последние дни Второй мировой войны. И чем больше стороны касаются этого вопроса, тем более их позиции расходятся. На этот раз японская сторона изъявляет готовность дистанцироваться от вопроса об островах и сосредоточиться на вопросах собственно совместного бизнеса.

Но даже если это препятствие каким-то образом отойдет в тень, остается другое, обойти которое никак не легче, чем проблеме островов — это советская экономика. С начала семидесятых годов Япония, имеющая ненасытный аппетит к неисчерпаемым природным ресурсам Сибири, финансировала множество проектов по вывозу угля, леса и других ресурсов, но вот в последнее десятилетие не инициировала ни одного подобного проекта. Из 400 совместных предприятий с иностранными фирмами, начатых в 1987 году, только 12 были с Японией. Торговый обмен с СССР составляет всего 2 процента в японской экономике.

Наученные горьким опытом, японцы винят в неуспехе экономической кооперации и естественные изменения в мировой экономике (например, падение цен на нефть и природный газ), но, главное, советскую бюрократию, с которой и до сих невозможно иметь по-настоящему деловых отношений. Японские бизнесмены жалуются, что Горбачев только провозглашает новые реформы, но это приводит к постоянному перемещению ответственных лиц. Так что, как и раньше, спрашивать оказывается не с кого. К тому же японские бизнесмены сомневаются в способности советских совместных предприятий выпускать качественную продукцию. Чтобы избежать этого, японцы должны поставить для советского совместного предприятия все новейшее оборудование, что в свою очередь приводит их в конфликт с правилами, установленными Кокомом (Cocom — Coordinating Committee of Multilateral Export Controls) относительно экспорта высокой технологии в Восточный блок (они еще хорошо помнят скандал с компанией Тошиба в 1987 году, когда она была изгнана с американского рынка за нарушения правил продажи технологии Восточному блоку).

Для большинства японских компаний иметь дело с СССР не стоит риска потерять другие рынки сбыта, особенно американский. На национальном уровне США составляют 29 процентов японского экспорта и импорта, в то время как с СССР всего лишь 1,3 процента. Правда, и в Японии раздаются голоса, что если она не уладит своих отношений с СССР, то европейские и южно-корейские компании займут ее место. Например, Зап. Германия уже заключила с СССР соглашение о "защищенных вложениях". Но большинство японских компаний и фирм все же предпочитают если и заключать, то экономически гарантированные соглашения.

("Wall Street Journal", 16 августа 1989)

"Правила" для иностранных компаний

Английская кампания Screen International, специализирующаяся на кино-телепубликациях, решила попробовать взять на себя своевременное и независимое освещение самого крупного и самого неорганизованного в мире Московского международного кинофестиваля, проходившего в мае-июне этого года. Три выпуска их бюллетеня вышли во-время и почти в полном порядке. Конечно, вся официальная информация и расписания, опубликованные в них, были тем временем изменены администрацией кинофестиваля. И с их слегка иррегулярным печатным "зеркалом" и зернистыми фотографиями выпуски имели тот вид, который говорил "Made in the U.S.S.R.", что, впрочем, и было главной целью всего предприятия.

Но вот какие правила вывели для себя иностранные участники этой кратковременной "Joint Venture":

1. Если ваш партнер - государственное учреждение (предприятие), то воспользуйтесь услугами частного советского кооператива (если, конечно, вам повезет найти такой, у которого будет на руках разрешение акцептировать валюту за их услуги).

2. Где только возможно, пользуйтесь услугами западных фирм, особенно в деле поставок и перевозок. В противном случае, ваши грузы будут "теряться в дороге", а отвечать за это некому.

3. Ведите собственную бухгалтерию, хотя правила, установленные для совместных предприятий, требуют ведения бухгалтерии по советскому образцу.

4. Помните, что здесь вы не для денег. Для любого бизнеса СССР сегодня представляет гигантский потенциальный рынок сбыта западной продукции. Но и только. До тех пор, пока советские не выполнят своих обещаний по приведению рубля в конвертируемое состояние, совместные предприятия представляют лишь один из путей по захвату одного участка этого рынка.

А пока же единственное, на чем держатся инициативы, подобные совместным предприятиям, так это все та же старая как мир "добрая воля".

("Wall Street Journal", 18-19 августа 1989)

О конвертируемости советского рубля

Все более и более становится ясно, что без приведения советского рубля в конвертируемое состояние советская экономика идет к неминуемому краху. Новое советское руководство в течение последних лет все оттягивало и оттягивало решительные меры, лихорадочно надеясь отыскать чудодейственный эликсир, который помог бы если не остановить, то замедлить движение к краху, не прибегая к простым, проверенным веками мерам здравого смысла только потому, что они "капиталистические", а не "социалистические". Более четырех лет гласности и перестройки понадобилось виднейшим советским экономическим умам, чтобы без дрожи в голосе и готового мешка с сухарями произнести наконец-то тривиальнейшее из положений: "экономикой надо управлять экономическими методами". А сегодня они с внешним спокойствием говорят уже о "рыночно-ориентированном социализме". Так недалеко и до "социализма, ориентированного на частную собственность", потом "на законность", "на гласность" и т. д.

Но вернемся к вопросу конвертируемости рубля. Конечно, все понимают, что вопрос этот не легкий, а сама процедура, если состоится, не пройдет безболезненно, ибо, конечно, является радикальной. В начале октября газета "Известия" поручила одному из представителей Госбанка СССР взять интервью у управляющего Федеральным Резервным банком США Вэйна Анджелла (Wayne Angell) для последующей публикации (на сегодня еще не известно, было ли это интервью опубликовано в "Известиях") - как раз о насущной необходимости и возможностях конвертируемости рубля.

В настоящее время, по мнению В. Анджелла, совпадающего с общим американским мнением, поскольку все другие реальные возможности, если они даже были, уже упущены, единственной остается такая: обеспечение рубля золотом. Никакое другое обеспечение - немецкой маркой, японской иеной или даже американским долларом сегодня не сработает. Причем не только на внешнем рынке, но и на внутреннем. Только при золотом обеспечении рубль станет для советских потребителей, потерявших всякое уважение к нему, что называется "честной", или "достойной", денежной единицей.

Вряд ли можно оспорить такое очевидное предложение американского финансиста, хотя его советский коллега в своем разговоре с ним и пытается сделать это. Но именно хождение вокруг да около очевидности наводит на определенные подозрения. Мнение Анджелла базируется на полной уверенности, что СССР располагает на сегодня самым большим в мире запасом золота (причем не только в недрах, но и уже в слитках). Именно поэтому оно звучит очень оптимистично: "Я считаю, что просто даже объявление о "золотой" обеспеченности рубля внутри страны породит немедленный энтузиазм, чувство уверенности в обществе. Уличная спекуляция исчезнет на следующее же утро, и так называемые "свободные рубли", находящиеся на руках граждан, потекут в советские сберегательные банки".

Но вот именно какое-то явно чувствующееся мягкое сопротивление этому предложению со стороны советского финансиста и дает основание для вопроса: а может, Госбанку СССР лучше известно о величине золотого запаса страны?!

("Wall Street Journal", 26 сентября 1989)

Советские юристы на обучении у американских фирм

Четыре года назад, когда впервые в рамках горбачевских реформ было объявлено о необходимости создания совместных предприятий (joint ventures) и первые советские менеджеры поехали на Запад с, как им казалось, возможными предложениями, выяснилась их полная юридическая неграмотность в области деловых отношений с партнерами. Во время первых выездов советских представителей в Европу с деловыми предложениями почти все встречи с предполагаемыми партнерами закончились полным фиаско. Советские представители не могли ответить ни на один самый простой деловой вопрос и выглядели очень беспомощными. Даже совсем недавно, на встречах с американскими деловыми кругами, советские представители задавали, например, такой вопрос: считают ли американские финансисты, что 5%-ные государственные ценные бумаги (облигации) покажутся привлекательными для советского потребителя? На что американские коллеги покачивали головами и терпеливо разъясняли, что вряд ли, так как даже по официальным советским данным инфляция в СССР уже сейчас находится на уровне 9-11 процентов. Понадобилось почти четыре года неудачных судебных процессов и выплаты неустоек за невыполнение условий контрактов, чтобы, наконец, признать необходимость такого шага, как пойти на выучку к капиталистам. И что начинать надо с юристов, то есть с правового обучения в области деловых отношений.

Новая программа Американской Ассоциации юристов (American Bar Association - АВА) готовит советских юристов для полноценной работы с западными фирмами, в основном в рамках "совместных предприятий". К октябрю в США приехала группа советских юристов, члены которой будут проходить в течение полугода практику по различным правовым аспектам совместного бизнеса.

Известно, что в СССР множество юристов составляют: 80 тысяч юрисконсультов в советских государственных организациях, 25 тысяч адвокатов и несколько тысяч судей, прокуроров, профессоров права и научных работников в области права. Часть адвокатов создают кооперативы, наиболее близкий эквивалент западных "law firms", которые конкурируют с юрисконсультами за право вести юридическую сторону расширяющихся совместных предприятий.

В группу приехавших в США советских юристов входят научный работник Института государства и права Академии наук СССР Л. Афанасьева, профессор права МГУ И. Савельева, два юрисконсульта - К. Гаврилов, наиболее опытный из всех в вопросах совместных предприятий, поскольку он консультирует одно из них - электронное предприятие на Волге, производящее микроволновые устройства в кооперации с одной западно-германской фирмой, и В. Блюгер из Латвии, представитель известной латвийской певицы Лаймы Вайкуле, и адвокат Б. Плауде, тоже из Латвии.

Стивен Райкин, директор этой американской программы, говорит, что американским спонсорам предоставлена возможность быть абсолютно свободными в ведении этой программы, без какого-либо влияния или вмешательства с советской стороны и что советские участники делают пока свои первые шаги без какого бы то ни было видимого внимания со стороны советского посольства.

("Wall Street Journal", 6-7 сентября 1989)

Е. Лигачев предлагает новый план

СССР планирует меры по облегчению хронической нехватки продовольствия. В числе таких мер названы: снижение потерь при транспортировке и хранении сельско-хозяйственных продуктов, а также улучшение и расширение научных исследований. Об этом сказал в своем интервью, переданном по Всесоюзному радио и через ТАСС, секретарь ЦК, член Политбюро, ответственный за сельское хозяйство, Е. Лигачев, самый известный консерватор в Политбюро.

На состоявшемся недавно заседании Комиссии ЦК КПСС по сельскому хозяйству говорилось, что потери в годовом производстве сельско-хозяйственной продукции составили что-то от 35 до 40 миллиардов долларов. Потери производства включают 27 миллионов тонн собранного урожая зерна, почти 1 миллион тонн мяса и четверть урожая картофеля и овощей.

Согласно информации ТАСС, причинами сегодняшней ситуации в сельском хозяйстве являются дезорганизация, низкий технический уровень производства и недостаток высококачественного оборудования. ТАСС также приводит цитату Лигачева: "Советское сельское хозяйство вкладывает на 30% больше на единицу произведенного продовольствия, чем другие развитые страны".

Хотя, согласно отчетности, цифры урожая в этом году будут выше, чем в прошлом, уже на официальном уровне заявлено, что СССР начал проводить широкие закупки американского зерна. Заместитель директора Советского торгового агентства "Экспортхлеб" М. Агеев сказал 9 октября, что СССР недавно закупил около 4 миллионов тонн американской кукурузы. (Заметим, что в контексте закупок за границей название агентства - "Экспортхлеб" - звучит иронически - экспортная фирма, занимающаяся импортом.)

Эксперты товарной биржи говорят, что СССР совсем недавно начал продавать золото, чтобы оплатить закупки зерна и других сельско-хозяйственных продуктов.

Сам Е. Лигачев не один раз подчеркивает, что его предложения поведут к радикальным улучшениям в производстве продовольствия в ближайшие 5-7 лет. Причем он особенно настаивает на утверждении, что сельское хозяйство можно поднять, не изменяя существующих структур, что, конечно, находится в противоречии с тем, что последние несколько месяцев Горбачев и другие высокие официальные лица из его окружения проталкивают идею сдачи земли в аренду, расширение семейных ферм (подрядов).

(ТАСС 10. 10. 89 и "Wall Street Journal" 11. 10. 89)

СССР пытается продавать свою... технологию

В середине июля этого года шестеро советских официальных лиц, представлявших на проходившей в то время в Токио международной выставке советские космические достижения, совершили получасовой визит к своим японским коллегам в Национальном Агентстве по

космическим исследованиям (NASDA). Казалось бы, ничего особенного в этом событии не было, если бы советская сторона после короткого обмена вежливостями сразу не перешла к делу.

Гости заявили, что после первого спутника Советский Союз развил лидирующую в мире космическую программу. Не заинтересованы ли японские коллеги купить что-то из уже производящегося. После чего они перечислили специфические технологии, которые советская сторона готова продавать, включая обслуживание ракетных полетов и взлето-посадочные системы.

Директор японского космического агентства говорит, что они были удивлены и даже больше – шокированы, особенно если учесть, что еще всего два года назад СССР произвел международный фурор и скандал, закупив высокую тончайшую военную технологию у японской фирмы "Тошиба", тем самым поставив ее в "черный список" в США.

Сама идея продажи советской технологии Японии – лидеру мировой высокой технологии, может показаться насмешкой. Но представитель министерства Международных экономических отношений М. М. Шаповалов утверждает: "СССР в некоторых областях совсем не находится позади Японии. В рамках программы космических исследований "Космос" мы сумели разработать такие отдельные технологии, которых еще никто не имеет".

Под знаком перестройки в последние три года советские развили бурную деятельность в завязывании иностранных экономических связей по всему миру, включая и поиск новых экспортных рынков.

Через месяц после встречи с японскими коллегами по исследованию космоса представителем Кайданрена (Keidanren) – самого крупного делового объединения Японии – посетили Москву для изучения возможностей вложений в советскую экономику. И вдруг, совершенно неожиданно, Советская Торговая Палата вручила им детализированный перечень 59 (!) готовых к продаже технологий, которые могли бы заинтересовать японскую сторону, главным образом, в таких областях, как обработка материалов (включая оборудование для тонкой пайки) и медицинские технологии, явившиеся результатами космических экспериментов (включая искусственные кровяные клапаны).

Главный мотив этого шага СССР – заработать на продаже "know-how" твердую валюту. В дополнение к этому, поскольку советские не могут ожидать прямого притока технологии из Японии, они надеются выиграть от экспертного опыта японской тонкой индустрии. "Советский Союз имеет много технических достижений, но до сих пор было невероятно трудно наладить поточные мощности для их внедрения в производство из-за множества структурных проблем в экономике" – говорит М. Шаповалов.

На этом пути у СССР имеется много камней преткновения, и к тому времени, когда станет возможно убрать их с дороги, предлагаемые сегодня советские технологии могут устареть, особенно если учесть темпы развития высоких тонких технологий в Японии и США.

(Wall Street Journal, 17 октября 1989)

Возвращение Центральной Европы

М. СТРАНСКИЙ

Восточная Европа, как известно, понятие скорее политическое, чем географическое. Например, жителю Праги нужно отъехать на 400 км к востоку, чтобы оказаться в первой западной столице – Вене. Западный Берлин окружен Восточной Европой со всех сторон, умудряясь при этом оставаться частью европейского Запада. Европа – единственный континент, не имеющий видимой центральной части. Точнее, она была когда-то – обольстительно зрелая, процветающая Центральная Европа. Была, да сгинула на манер Атлантиды: Ялтинский передел и тесное противостояние танков не оставили для нее места. Она стала числиться Европой Восточной, синонимом советского блока. Вот почему бурные общественные процессы, проходящие нынче в странах этого региона, кроме внешнего социологического, имеют еще и глубокий исторический смысл: это очередная победа географии над политикой, это восстановление центральноевропейской преемственности. Процесс, конечно, не для всех стран региона единовременный и равно осознанный, но для всех одинаково неотвратимый.

Бывает так: в маленькой, частной проблеме, как в сколке, отражается уровень общественного развития целых цивилизаций. Такой индикаторной проблемой стало этой осенью отношение различных восточноевропейских государств к массовому бегству жителей ГДР.

БУДАПЕШТ

В течение нескольких недель на стыке лета и осени 1989 года из ГДР бежало – где в переносном, а где и в прямом смысле – более 50 тысяч человек. Массовый исход начался, когда Венгрия демонтировала свои западные пограничные заграждения, разъяла слесарными кусачками колючую проволоку на аккуратные 15-сантиметровые отрезки. Обвитые мадьярской триколорой, эти отрезки служат теперь венгерскому МИДУ недорогим, но презентабельным сувениром. В образовавшуюся брешь рванули тысячи восточных немцев, проводивших в это время отпуск в Венгрии или к югу от нее. Часть из них не решилась нелегально перейти венгеро-австрийскую границу и осела в лагерях для беженцев, организованных венгерскими и западногерманскими благотворительными обществами. Так неожиданно на головы венгров свалилась проблема восточногерманских беженцев – вдобавок к их многочисленным внешне- и внутривнутриполитическим проблемам.

К числу наиболее острых проблем Венгрии, наряду с высокой внешней задолженностью, относятся ее напряженные отношения с Румынией и Чехословакией. Конфликт с Румынией носит застарелый характер: это спор из-за венгерского меньшинства, населяющего историческое Семиградье (Трансильванию). Конфликт с Чехословакией-

благоприобретенный, отчасти идеологический, отчасти экономический. Летом этого года Венгрия, в нарушение договорных обязательств, приостановила работы по возведению гигантской ГЭС в районе Габчиково-Надьмарош, перейдя на позиции энвиронменталистов, по мнению которых плотина нанесла бы непоправимый ущерб уникальной дунайской пойме. Оба спора уже привели к появлению на территории Венгрии беженцев из некогда братских стран: здесь нашли приют свыше 20 тысяч граждан Румынии и несколько сот чехословаков венгерского происхождения, опасаящихся роста антивенгерских настроений у себя на родине.

Венгры из двух соседних стран бегут в Венгрию по тем же причинам, по которым немцы меняют Восточную Германию на Западную. В самом упрощенном виде эти причины сводятся к желанию жить свободно. По пути, ведущему в Европу, Венгрия зашла дальше своих соседей и, кажется, единственная из всех идет по нему планомерно и сознательно. Она восстановила и продолжает восстанавливать международные узы, разорванные 40 лет назад. Она стала членом большинства специализированных объединений западного мира (например, Международного валютного фонда) и присоединилась к большинству международных конвенций (например, к конвенции о беженцах). Осторожно и издалека, но с гонведским напором она начала вентилировать вопрос о перспективах вступления в Европейское Экономическое Сообщество, и устами спикера парламента Матяша Сюрёша дала понять, что считает свое членство в Организации Варшавского Договора анахронизмом. Она привела выездные и эмиграционные правила в соответствие с западной нормой: теперь любой венгр, если он не под следствием, имеет право на временный выезд или на постоянное проживание за рубежом.

Задолго до того, как они могли быть формально зарегистрированы, в Венгрии сложилась богато разветвленная система политических партий. Ударной силой оппозиции стал национально-консервативный, почвеннически ориентированный Венгерский Демократический форум. Во всех последних дополнительных выборах в Национальное Собрание (а они в этом году проводились в трех избирательных округах) ВДФ неизменно побеждал с большим перевесом. Таким образом, в парламенте страны уже действует небольшая, из 3 депутатов ВДФ, оппозиционная фракция. В основном либеральную будапештскую интеллигенцию объединяет Союз свободных демократов; радикальное студенчество представлено Демократической ассоциацией молодежи (известной больше под аббревиатурой ФИДЕС). Объявили о возобновлении деятельности некогда разогнанные коммунистами традиционные партии Венгрии: социал-демократическая и мелких хозяев.

Радикальным преобразованиям подверглась правящая, бывшая Венгерская социалистическая рабочая партия, она же коммунистическая. Без всякого, по крайней мере видимого, внешнего нажима типа уличных беспорядков, стачек и т. п., исключительно путем накопления внутренней реформаторской энергии эта партия подошла к мысли о необходимости политической метаморфозы, превращения из уродливой гусеницы коммунизма в легкокрылую бабочку социал-демократии. План в исторически сжатые сроки выковался в так называемой "кузнице реформ" – объединении реформистских кружков, лидеры которого – Имре Пожгаи, Режо Ньерш – в последние месяцы овладели центральным аппаратом партии. Неожиданно ак-

тивным союзником могильщиков коммунизма в руководстве ВСРП оказался премьер-министр Миклош Немет, начинавший полтора года назад в качестве протеже тогдашнего первого секретаря Кароя Гроса, но очень быстро выросший из ученических штанишек. Насколько стремительно шло перерождение венгерской компартии, хорошо иллюстрирует политическая судьба Кароя Гроса. Всего лишь полтора года тому назад, в мае 88-го, он занял пост первого секретаря ЦК ВСРП, вытеснив на пенсию быстро умиравшего и вскоре умершего Яноша Кадара. И уже год спустя сам Карой Грос лишился решающего слова и был оставлен в новообразованном президиуме партии в скромном качестве секретаря-протоколита, а на октябрьском съезде партии и вовсе выпал из руководства ВСРП.

Последний, октябрьский съезд компартии Венгрии, четырнадцатый по счету, был последним в прямом смысле этого слова: пятнадцатому не бывать. Реформаторы добились своего: ВСРП произвела политическое хакари. Ее правопреемницей объявила себя тут же созданная Венгерская социалистическая партия – партия классической социал-демократии. Партийный съезд был продолжен уже в качестве учредительного. Его лозунгом, начертанным на полотнище за трибуной президиума, было: "Демократия важнее социализма!". Его гимном, принимаемым к хорошему исполнению отныне и навсегда, взамен "Интернационала", стало традиционное докоммунистическое "Боже, благослови Венгрию!" Доводя свою Великую Октябрьскую революцию до логического конца, съезд ВСП предложил парламенту страны объявить 23 октября – день начала венгерского народного восстания 1956 года против коммунистического засилья и советской оккупации – национальным праздником, Днем памяти и примирения. Звезда коммунизма в Венгрии закатилась, и это потребовало своего материального выражения: Национальное Собрание приняло решение убрать до конца текущего года все красные звезды с общественных зданий в Будапешта, для начала обесточив этот чуждый символ на собственной крыше.

Проблема восточногерманских беженцев лишь ускорила процесс размежевания между Венгрией, торящей обратный путь в Европу, и консервативными режимами распадающегося на глазах блока. Венгрия в одностороннем порядке расторгла соглашение с ГДР, запрещавшее ей пропускать в третьи государства граждан Восточной Германии, не имеющих соответствующей выездной визы. Тысячи беженцев, скопившихся к этому времени в лагерях у Будапешта, получили возможность выехать через Австрию в ФРГ. С тех пор любой восточный немец, чудом получивший визу на поездку в Венгрию, имеет шанс продолжить маршрут на Запад, и в среднем около 500 человек в день не упускают этого шанса.

ВАРШАВА

Но получить визу на поездку в Венгрию жителю ГДР всегда было непросто. Поэтому немалая часть склонных к риску, преимущественно молодых восточных немцев, пыталась счастье, оседая в посольствах Западной Германии в Варшаве или, что было проще всего, в Праге. Придавая проблеме международный характер и измерение человеческой трагедии, они надеялись на ее наименее болезненное решение.

Отношение Польши к ненужной ей проблеме отличалось двойствен-

ностью. Амбивалентность вообще характерна для действий польского правительства на нынешнем этапе.

Начиная с сентября 89 года, Польшей руководит правительство национального единства, хотя назвать его так можно только по аналогии с другими государствами: в самой Польше о национальном единстве не может быть речи, и правительство предпочитает называть по имени премьера – Тадеуша Мазовецкого. По существу, это первое в послевоенной Восточной Европе правительство, не возглавляемое коммунистами. Его формирование можно было бы смело назвать вершиной нынешнего революционного процесса в Восточной Европе, если бы степень революционности определялась только партийной принадлежностью. Вот набросанная вчерне картина политической действительности сегодняшней Польши.

Т. Мазовецкий, возглавивший Совет Министров ПНР, – католический интеллигент, один из учредителей Клуба католической интеллигенции, близкого к церковной иерархии, советник "Солидарности" с момента ее зарождения, личный друг, но отнюдь не марионетка Леха Валенсы. В его правительстве двадцать пять министров с портфелем или без. После длительного и драматического перетягивания каната, все перипетии которого здесь нет смысла пересказывать, места в правительстве распределились следующим образом: коммунисты получили пять кресел, четыре выторговала для себя Объединенная Христианская партия, три – Демократическая, Гражданский комитет "Солидарности" выставил двенадцать министров.

Двадцать пятое кресло – последнее по счету, но не по значению, – кресло министра иностранных дел – занял формально независимый деятель, специалист по международному праву Кшиштоф Скубишевский. В прошлом Скубишевский – советник кардинала Глемпа, член Консультативного Совета при генерале Ярузельском, эксперт в области польско-германских отношений. Мы не случайно приводим в таких подробностях характеристику нового шефа польской дипломатии: этому ведомству отведена, на наш взгляд, особо важная роль в деятельности нынешнего правительства Польши. Пропорционально этому, как нам хочется верить, убывает значение Министерства обороны и МВД, которые, как воплощение преемственности, возглавляли старо-новые коммунистические министры, генералы Флориан Савицкий и Чеслав Кишак.

Решающими, с точки зрения всего начинания, однако, являются экономические ведомства, доверенные людям "Солидарности" (министр финансов – Л. Балцерович, промышленности – Т. Сырыйчик, председатель Экономического Совета – В. Тшечиаковский, Госплана – Е. Осетьньский). Эта команда во взаимодействии с министром труда (им не случайно стал ветеран борьбы за права рабочих Яцек Куронь) и должна взять на себя самую черную и неблагодарную работу: обуздать галопирующую инфляцию и тушить вероятные протесты населения против мер строгой экономии.

Народное хозяйство Польши лежит в руинах, и сегодня в такой констатации нет ничего оригинального. Правительству Мазовецкого от коммунистических предшественников досталось незавидное наследство: баснословная внешняя задолженность и инфляция, рекордная даже по мировым стандартам. В 1989 году она грозит составить десятки процентов, а пессимисты поговаривают о нескольких тысячах...

Меры, разработанные в пожарном порядке новым правительством, будут, как и ожидалось, малопопулярны. В их числе отмена послед-

них государственных дотаций на продукты питания, закрытие убыточных предприятий, массивированная приватизация национализированной промышленности и неограниченное привлечение иностранного капитала – но не в форме кредитов, а предпочтительно в виде смешанных предприятий и вложений в польскую экономику. В дальней перспективе это обещает оздоровление народного хозяйства, в ближней – новые лишения для польского населения. Питать иллюзии на этот счет Мазовецкий не рекомендует никому.

ПОРП в необычных условиях ищет необычные решения. Путь, который предложил партии М. Раковский и окружающие его реформаторы поневеле, многотруден, но не лишен будущего, как другие альтернативы. Открестившись от коммунистической фразеологии, партия должна попытаться объединить вокруг себя левые силы самого широкого спектра, не исключая и левое крыло "Солидарности". Только так, отступив на заранее неподготовленные позиции, партия сможет преобразоваться и через какое-то время, умело играя на трудностях и вероятных промахах малоопытного правительства "Солидарности", снова представить себя интересной для Польши социалистической перспективой. Тем временем, глядишь, и "Солидарность" разбредется по враждующим фракциям. Единство оппозиции всегда противоестественно и временно, размежевание – норма политической жизни.

В Польше у власти стоит оппозиция – в этом алогизме запечатлена вся нелогичность нынешнего переходного периода польской истории. Имея в виду предстоящие экономические катаклизмы, правительство Мазовецкого в области внешней политики ведет дела с гипертрофированной осторожностью. По любому поводу и без повода оно подтверждает свою верность союзническим обязательствам, вытекающим из Варшавского Договора, прося и даже требуя от Запада ощутимой материальной помощи, оно не забывает подчеркнуть свою особую, промежуточную позицию.

Эти особость и промежуточность проявились и в отношении Польши к проблеме восточногерманских беженцев. Те из них, кому удалось добраться до Варшавы и зарегистрироваться в посольстве ФРГ, не могли пожаловаться на условия: их зачислили на довольствие Международной Красной Крест и польские благотворительные организации. Те же из беглецов, кто пытался нелегально перейти "зеленую" границу и был без визы задержан на польской стороне, были без милости депортированы и сданы властям ГДР на скорый суд: и таких неудачников оказалось несколько сот человек. Польское правительство, в отличие от венгерского, в течение всей эпопеи последовательно отказывалось от любого решения проблемы, которое игнорировало бы волю руководства ГДР. Некоторые объясняют это страхом перед возможной ответной блокадой со стороны Восточной Германии, через территорию которой осуществляется вся железнодорожная связь Польши с Западом. Как бы то ни было, это лишь частное проявление общей линии "смешанного", коммунистическо-антикоммунистического польского руководства, смысл которой – избежать любых внешнеполитических осложнений, трансформировать государственное устройство Польши, никак не подрывая стабильности союзнических связей. Вот почему судьба немецких беженцев в Варшаве решилась лишь через три недели после того, как границу Западной Германии пересекла основная масса их земляков, избравших трамплином для своего побега Прагу.

Еще недавно ЧССР была единственной страной, для поездки в которую жителям ГДР не требовалось специального разрешения. Объяснялось это, несомненно, сродственным характером режимов, царящих в обеих странах. Нормализаторский режим Якеша-Гусака сегодня было бы неверно представлять наместничеством Москвы — за два десятилетия он, хотя и не стал народным представительством, все же прижился, оброс доморощенным аппаратом и сейчас стоит на собственных ногах. Это типично постбрежневский режим со всеми признаками политического и экономического упадничества. От других правящих (или правивших) компартий Восточной Европы КПЧ отличает полное отсутствие реформаторского крыла, выбитого чисткой 71-го года, и трезвое видение своих нулевых исторических перспектив. В отличие от соседних, чехословацкие коммунисты не обманываются в отношении своего будущего. Дело в том, что многие из нынешних чехословацких руководителей 20 с лишним лет назад уже проходили через реформаторскую фазу, каинова печать отступников заставляет их усердствовать, делом доказывая свою любовь к чистой власти. Такие стали особо свирепыми догматиками и не могут больше, не теряя лица, апеллировать к своему прошлому. Один пример за всех: Ян Фойтик, в 68-ом году разработчик Программы действий КПЧ, нынче — главный идеолог партии, чехословацкий Савонарола, в отчаянии огрызавшийся даже на московских еретиков.

Власть КПЧ зиждется на химически чистом и циничном насилии, практически не нуждаясь в идеологических оправданиях. Место священной идеологии в ЧССР заняла исходная и для всех очевидная ложь о контрреволюции 68-го года. На эту ложь и на производный от нее миф о братской помощи насильнический режим в годы своего начального динамизма заставил присягнуть почти все население страны, связав его круговой порукой. Это отчасти объясняет сравнительную стабильность режима. Еще больше способствует устойчивости нормализаторской власти ее сермяжный прагматизм в экономической области, давнее последовательное отделение политики от экономики. Сельское хозяйство в Чехословакии ведется достаточно рационально, страна самообеспечена продуктами питания. Теневая экономика, всегда терпимая, а ныне поощряемая догадливой властью, разнобразит сферу услуг и восполняет дефициты, производимые государственной промышленностью. Сказывается и редкостная мастеровитость чехов, и высокий цивилизационный уровень докоммунистического развития, создавшего жировой запас, который можно проживать годы и годы.

Но все же — не вечно. Среда обитания чехов и словаков разрушена до основания, их сказочное терпение подходит к концу. Либеральная выездная политика дает им возможность сравнивать свой уровень жизни с западным: по этому показателю, согласно официальной статистике, Чехословакия упала с 10 места в мире на 44-ое, соперничая теперь с Алжиром.

Режим Якеша-Гусака советскую перестройку встретил беззаботно, в уверенности, что ему удастся отшвейковаться, заболтать и обесмыслить реформу суеречивым повторением лозунгов. Но за эти годы вся Восточная Европа струнулась с насиженных мест, и ЧССР, зажата между Польшей и Венгрией, дрейфует к центру вместе с ними.

Проблема восточногерманских беженцев застала пражский режим не в лучшей форме. Оппозиционные движения, ободренные соседским примером, набирают силу. Последнее обращение объединенной оппозиции к народу "Несколько фраз" подписало уже свыше 33 тысяч граждан ЧССР, среди них немало культурных и научных авторитетов. Международное положение режима в самое последнее время стало опасно двусмысленным. Парламент Польши, Национальное Собрание и правительство Венгрии осудили участие своих армий во вторжении 68-го года в Чехословакию. Это осуждение собственного участия пражский офидиоз назвал "вмешательством во внутренние дела ЧССР" - по принципу "чем абсурдней, тем милей". Вопросом времени стала и советская переоценка чехословацких событий 68-го года. Отдельные органы печати - например, газета "Известия" - уже вступила в косвенную полемику с "контрреволюционной" версией событий того периода, советские политики с полуофициальным статусом уже установили деловые контакты с деятелями Пражской Весны в стране и в эмиграции.

Как уже было показано выше, пути к реформаторскому перерождению для КПЧ отрезаны или крайне затруднены, массового политического самоубийства или отставки скопом ожидать не приходится, остается одна-единственная реакция - повышение полемической злобности, наращивание агрессивности. В середине октября состоялся очередной пленум ЦК КПЧ, часть резолюции которого стоит процитировать: "В последнее время прямую поддержку антисоциалистическим группировкам у нас стали оказывать законодательные и правительственные институты бывших братских стран... ЧССР не может и не будет, сложя руки, наблюдать, как идет сворачивание социализма в этих странах". Эта прямая угроза не может не восприниматься без смеха: чехословацкие танки стреляют только в анекдотах. Якешу придется "через не могу" смириться с ролью пассивного наблюдателя, как мирится он с проявлениями старческого размягчения режима дома: в ЧССР уже ставятся пьесы ранее запрещенных авторов, возвращаются в библиотеки изъятые книги, идет братание казенной литературы с самиздатом. Вся внутренняя политика КПЧ капризна и непредсказуема, как настроение старой девы: она то разрешает в припадке либерализма неофициальные демонстрации, то запрещает их, то травит митингующих полицейскими собаками, то дает событиям свободный ход, то бросает оппонентов в тюрьмы, то досрочно освобождает их. Такой же истерической была реакция на появление в Праге беженцев из ГДР.

Официальная пресса и чехословацкое телевидение разыграли шовинистическую струну - всегда последнюю в запасе у тоталитаризма. Беглые немцы, ночующие под открытым небом в окрестностях Лобковицкого дворца, где размещается пражское посольство ФРГ, были представлены зрителю таким свинским сбродом, сборищем пьяной и наркотизированной сволочи, оставляющей после бой стекла и вытоптаннные газоны. Чехословацкое правительство не пошевелило пальцем, чтобы помочь этим людям, но за кулисами все это время нервно дергало власти ГДР, добиваясь, в обмен на свою верность, скорейшего разрешения невыносимой ситуации: ведь Лобковицкий дворец осаждало временами до 10 тысяч восточных немцев, возжелавших свободы. Взаимоприемлемое решение быстро нашлось: с 1 октября ГДР отменила для своих граждан безвизовое общение с ЧССР. Так Германская Демократическая Республика окончательно отгородил-

лась от быстро меняющегося мира Великой Берлинской стеной.

Чисто формально гедезеровское руководство решило гуманитарную проблему элегантно, без ущерба для своей консервативной репутации. Беженцы смогли выехать на Запад только через территорию ГДР, где их на ходу лишили гражданства и раздали выездные пропуска. Таким образом они оказывались как бы не беженцами, а лицами, выдворенными из рабоче-крестьянской республики за проявленный антипатриотизм. Но уступка, вынужденный характер которой был очевиден, породила беспрецедентное юридическое противоречие: за одно и то же уголовное преступление – попытку нелегального перехода границы – одни нарушители поощряются выдворением, в то время как другие отбывают тюремные сроки.

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЛИН

Повальное бегство из страны основательно подмочило 40-ю годовщину образования ГДР, задуманную как светлый праздник. Он должен был символизировать принцип совершенства, воплощенного в государстве, которое не нуждается в реформе. ГДР трудней других ступить на перестроечный путь по ряду причин. Одна из них – чисто физиологическая. У кормила государства стоят фактически его отцы-основатели, руководство СЕПГ состоит из старых или очень старых людей. Самому Хонеккеру 77 лет, его окружают ровесники. Этим долгожителям трудно переучиваться. Вторая причина и того важнее: ГДР запрограммирована как классовое государство. Это государство объединяет граждан не по национальному признаку и не в силу исторической традиции. Отнимите у него теорию классовой борьбы, и его существование станет призрачным. Перестройка лишает его точки опоры, ставя общечеловеческие ценности на почетное место классовой борьбы. Но ведь общечеловеческое – значит и общее с другой Германией, Западной. Чем оправдать тогда самостоятельное существование бывшей советской оккупационной зоны?

Чтобы избежать ответа на неприятный вопрос, руководство ГДР делало вид, будто перестройка не имеет к нему ни малейшего отношения. Идеологу СЕПГ Курту Хагеру принадлежит ставшее крылатым сравнение перестройки с обоями, которые нет нужды менять только потому, что это делает сосед. Но представлять ГДР страной осуществленного социального идеала, не знающей забот серьезней, чем коммунистическое строительство, было удобно, пока страна оставалась вне фокуса международного внимания, пока там происходило не больше, чем на кладбище, и любая непредвиденная гражданская активность подавалась локализации и хирургическому устранению. Конец этому комфортабельному состоянию положил массовый исход граждан в канун и во время празднования 40-летия ГДР.

К празднику Эриха Хонеккера выписали из больницы, где он управлялся после удаления желчного пузыря, и привели в выставочный вид. Едва появившись на людях, он пустился было в задорный спор с миром, дрожащими от слабости губами невнятно выговаривая проклятья в адрес западногерманских реваншистов, заманивающих восточных немцев в свои тенета, чтобы потом надругаться над их рабочими мускулами. Но что-то сломалось за время болезни и в самом Хонеккере, и в общественной системе ГДР. За летне-осенние месяцы оппозиция в стране резко активизировалась, несмотря на

постоянные кровопускания, умножилась в числе и в силе. Заявил о себе ряд дотоле неизвестных группировок: "Новый форум", "Демократия сейчас", "Демократическое пробуждение", Социал-демократическая партия ГДР. Первая из перечисленных группировок, по утверждению ее создателей, уже насчитывает более 10 тысяч членов; последняя, хотя в учредительном съезде и принимало участие всего 75 человек, весьма неприятна властям тем, что выставляет себя естественным партнером влиятельной на Западе СДПГ, в ущерб связям этой партии с СЕПГ. В оппозицию пришли разные, но в большинстве своем влиятельные, что называется именитые, люди: ученые, художники, популярные у молодежи певцы.

Массовое бегство из страны дало толчок к поистине тектоническим сдвигам в восточногерманском обществе. Словно спустили невидимый курок! Напрасно надеялся Эрих Хонеккер на то, что к моменту приезда высокого советского гостя пар из перегретого котла выйдет сам, пятьюдесятью тысячами недовольных будет меньше. Но горбачевские визиты не приносят легкого счастья. Сначала в Пекине, теперь в Берлине... В дни, когда М. С. общался с бодрыми стариками из Политбюро СЕПГ и наблюдал с трибуны за факельным шествием комсомольцев-синерубашечников, делая вид, будто разделяет их неслыханное счастье, страну сотрясали многотысячные демонстрации. Они охватили все крупнейшие города ГДР: Восточный Берлин, Дрезден, Лейпциг, Галле. В последние недели понедельничные уличные шествия в Лейпциге, стартующие после богослужения в городских кирхах, собирали по сто и более тысяч человек - это самые крупные выступления населения в ГДР после Берлинского восстания 1953 года.

Эхо демонстраций докатилось и до слуха советского президента в виде выкриков из толпы: "Горби, помоги!". Горби демонстрантам не помог, но ничем не помог и Хонеккеру. Они говорили, как два глухих, каждый о своем. Но, говоря о чем-то своем, Горбачев бросил в берлинскую пустоту вещие слова: "Тот, кто не прислушивается к велениям времени, бывает наказан самой жизнью". Чуткие восточногерманские аппаратчики среднего эшелона намек поняли, и в салонах СЕПГ в голос заговорили о необходимости реформ. В спину функционеров подталкивали уличные протесты, рок-концерты за демократию, всевозможные заявления заинтересованных групп: академии наук и искусства, союза журналистов и писателей, малых и до сих пор марionеточных партий и т. д.

Собственно, наиболее информированные и восприимчивые заговорили об этом с упреждением, недели за две до начала массовых демонстраций. Первым в пользу демократизации высказался отставной чекист Маркус Вольф, известный скорее под кличкой Миша Вольф. Создатель восточногерманской разведки, профессионал советской выучки и с обширными московскими связями, он мог себе позволить эту фронду, лучше зная настроения в стране, чем все партийные старейшины вместе взятые. Со взглядами "своего друга Миши Вольфа" солидаризировался не входящий в Политбюро СЕПГ первый секретарь дрезденской парторганизации Ганс Модров. Это заставило западных экспертов заговорить о нем, как о возможном преемнике Эриха Хонеккера, хотя ни для кого не секрет, что тот уже давно официально назначил своим наследником самого юного члена Политбюро, 52-летнего догматика Эгона Кренца.

Впрочем, о догматиках в ГДР сегодня и речи быть не может: за ночь все Савлы там обратились в Павлов. Даже Курт Хагер - тот

самый, что не желал переключивать обои — отправляясь в Москву вскоре после праздников, божился, что в душе всегда обожал реформы, но вынужден был до поры таиться. В стране и за ее пределами стали упорно муссироваться слухи о неотвратимой отставке Хонеккера. Западногерманская газета "Бильд", орган гамбургских бульваров, даже предсказала дату предстоящего падения генсека — среда, 18 октября 1989 года. Сам Эрих Хонеккер попытался было отшутиться, напомнив о недавних перешептываниях относительно его якобы состоявшейся кончины: "Кого заживо похоронили, тот будет жить долго." В физическом смысле дальнейшая жизнь Э. Хонеккера теперь становится его личным делом, что же касается политической жизни, то она закончилась, как и предсказывал "Бильд", 18 октября.

Бывший догматик, ныне убежденный реформатор Эгон Кренц, как это предусматривал партийный ритуал, принял из рук Хонеккера predetermined, но совсем не завидное наследство. Ему еще удалось сохранить за собой и другие, освобождаемые предшественником, государственные посты, но это скорее инерция стиля, не свидетельствующая о большом государственном уме Кренца. В реальных условиях нынешней ГДР собирание звучных должностей становится коллекционированием атрибутов власти, лишенных реального наполнения. В стране, изменившейся за последние недели до неузнаваемости, быстро складываются новые центры подлинной власти: это городские площади, секретариаты малых партий, оргкомитеты оппозиционных группировок, старые и новые независимые профсоюзы, низовые организации СЕПГ. К ноге Эгона Кренца, словно пушечное ядро, прикована вся его политическая биография, его аппаратное прошлое, полное преступных дел и компрометирующих его высказываний. Он несет личную ответственность за действия сил безопасности ГДР, которые он курировал в ЦК СЕПГ. Он имел неосторожность в самых резких выражениях приветствовать действия китайских партийных старцев по восстановлению небесного спокойствия на пекинской площади того же названия.

Общественные силы ГДР пока дают Кренцу возможность усердствовать на лоне реформ. Но все участники большой политической игры понимают, что ничто не забыто и уже не будет забыто никогда. Поэтому, вступая в свои многочисленные партийно-государственные должности, Эгон Кренц поступил бы мудро, если бы подыскал себе преемника.

Многие западные специалисты считают, что раз начавшись, реформы в ГДР могут оказаться более стремительными, радикальными и, главное, более успешными, чем в других странах Восточной Европы. В пользу такого предположения говорит близость ФРГ, ее готовность оказать реформированной ГДР массивную помощь.

*

Подводить итоги едва начавшихся преобразований так же бессмысленно и непродуманно, как пытаться определить победителя на старте скачек, по стати жеребца. Но направление реформ определить несложно — оно задано, как линия финиша. Это возвращение государств Восточной Европы в исторический, культурный, экономический и политический контекст Европы в качестве ее центральной части. Ведь столбик с табличкой "географический центр Европы" и сегодня высится, как высился при всех режимах, близ города Сушице, на западе Чехии.

Коммунистический вариант в КНР

В. РЫБАКОВ

В ночь с 3 на 4 июня в Пекине на площади Тяньаньмэнь китайские войска открыли огонь по демонстрантам, заполнившим эту самую большую площадь в мире. Затем по всей стране начались репрессии. Только на Тяньаньмэнь погибло до 3000 и было ранено около 15000 человек. В течение последующих месяцев тысячи людей были убиты, десятки тысяч арестованы, сотни тысяч отправлены в различные провинции "на перевоспитание" (см. "Посев" № 6, 1989 г.). Выяснение причин, вызвавших репрессии, тем более важно, что у нас от Львова до Владивостока люди задавали (и продолжают задавать) себе вопрос, который в "Московских новостях" от 15 июня 1989 года выглядит следующим образом: "Одновременно входит в моду и проекция событий в КНР на Советский Союз. 4-ое июня на Тяньаньмэнь будто бы доказало органическую несовместимость демократии с социализмом, какими бы "четырьмя модернизациями" или перестройкой этот социализм ни пытался себя обновить. А раз так, где гарантии против танков на Красной площади? Если Китай "повернул назад", можно ли быть уверенным, что СССР будет продолжать идти вперед?"

Китайская перестройка началась в 1979 году, советская - в 1985 году. В КНР руководство как будто сразу взяло быка за рога, а у нас экономическая политика продолжает культивировать свои патогенные факторы. В КНР начали с того, что коммуны (т. е. государство) дали 180 миллионам крестьянских дворов участки (приблизительно одинаковые) в аренду на 15 лет. Затем в 1984 была введена система контрактов. Если с 1980 по 1984 гг. крестьянин был обязан большую часть урожая продавать государству по государственной цене, то с 1984 года он мог уже торговаться с закупочной государственной организацией. Это заставило государство поднять закупочные цены более чем на 50%.

Скачок оказался великолепным: в 1984 году собрали зерновых на 100 миллионов тонн больше, чем в 1978 году. На практике это привело к тому, что перестали умирать от систематического недоедания до 200 миллионов человек ежегодно. Можно это легко себе представить, учитывая, что за годы китайской перестройки доход крестьянина вырос в среднем с 135 до 425 юаней в год. Параллельно крестьянам было разрешено заниматься подсобным промыслом. Сам Дэн Сяопин заявил: "Нежданно-негаданно появилось многоотраслевое товарное хозяйство, словно из-под земли выросли небольшие предприятия разных типов". В настоящее время в сельской местности, на которой проживает более 80% населения страны, открыто около 15 миллионов мелких предприятий, в которых работают до 100 миллионов человек. В городах развернулся частный сектор, в основном в виде семейных предприятий.

Одновременно государство создало специальные экономические зоны, открытые приморские районы технико-экономического развития, открытые приморские города, специальные внутренние районы.

В них работают 9 тысяч совместных, на китайском и иностранном капитале, предприятия, основанные только на иностранном капитале, а также совместные кооперативные предприятия, общий капитал которых перевалил за 20 миллиардов долларов.

Казалось бы, все идет к лучшему: как будто все в КНР, в том числе руководство, понимали, что для экономического успеха необходимо поднять демократизацию так называемых общественных отношений на уровень демократизации хозяйственной практики.

Внешняя путаница способствовала усилению оптимизма, росту иллюзий. Дэн Сяопин говорил и повторял, что неважно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей, там и сям шла критика не только маоизма, не только ленинизма, но и марксизма. Власти неустанно подчеркивали неизменность курса на расцвет ста цветов и соперничества ста школ, объявили о расширении процесса раскрепощения сознания. На это обращали внимание.

Однако вместе с тем различные заявления партийно-государственных чиновников, в том числе самого Дэн Сяопина, давали ясно понять: основная цель постамаистского руководства – резко поднять эффективность экономики, но не ценой возможной потери власти. Премьер госсовета Ли Пэн не раз утверждал: "Мы никогда не вернемся к старой экономической модели, связанной с централизованным планированием и контролем, но и не примем полностью частную собственность, которая отрицает социалистическую систему". Кроме того, к "четырем модернизациям" (перестройка промышленности, сельского хозяйства, научно-технического базиса и армии) прикрепили "четыре основных принципа": демократическая диктатура народа, руководящая роль партии, верность марксизму-ленинизму и идеям председателя Мао. Генсек Чжао Цзыян подчеркнул в октябре 1987 года на XIII съезде КПК, на котором главный акцент был сделан на перестройку политической системы: "Четыре основных принципа будут и впредь определять политическую линию партии, оставаясь основой основ государства", и все же после тяньань-мэньской резни премьер госсовета Ли Пэн потребовал ареста генсека Чжао Цзыяна и получил на то благословение Дэн Сяопина.

Неизбежный процесс

Вышеуказанное заявление Дэн Сяопина по поводу бешеного развития волостных, поселковых и городских мелких частных предприятий характерно для номенклатурщика, хотя было развитием естественным и неизбежным. Как и последствия развивающегося процесса становления частной собственности. Китайские экономисты пришли в 1988 году к выводу, что производственные возможности крестьянских наделов практически уже исчерпаны. Действительно, после рекордного урожая зерновых 1984 года в течение последующих лет обнаружилась четкая тенденция к понижению – крестьянин естественно соблазнился выращиванием более прибыльных культур, в основном овощей и фруктов. Искусственное повышение государством (втрое) закупочных цен оказалось недостаточно конкурентноспособным.

Ясно, казалось бы, что для обоюдной экономической выгоды (государства и крестьян) нужно разрешить и затем поощрить созда-

ние крупных хозяйств. Тем более, что крестьянские семьи, получившие землю в аренду на 15 лет, были заинтересованы в богатых урожаях, но не в капиталовложениях, необходимых для улучшения качества земли и сельскохозяйственной техники. Землю ведь могут отобрать. Поэтому крестьяне предпочли свою прибыль вложить в развитие кустарного или иного промысла. Результат: урожай зерновых беднеют, вызывая к жизни призрак массового недоедания, а то и прямого голода. Нельзя забывать, что рекордный урожай в КНР дал на душу населения зерна в два раза меньше среднестатистического советского уровня.

Остальной частный сектор также уткнулся в стену – границу реформы. Создание, и в особенности развитие, средних промышленных предприятий оказалось на практике почти невозможным. Во-первых, из-за всеисилия чиновников на местах (несмотря на административную реформу), сопротивлявшихся росту среднепромышленного и среднеторгового класса. Основное оружие в руках партийных чиновников – юридическая монополия и постоянно меняющиеся административные постановления, позволяющие свободно истолковывать те или иные ограничения или льготы. Даже мелкая частная собственность с трудом пробивала себе дорогу; более того, ей часто приходилось отступать. Например, в 1986 году частный сектор потерял около 700 тысяч человек. Во-вторых, почти все виды сырья являются государственной собственностью, что значительно затрудняет его покупку и доставку. В-третьих, даже самое незначительное семейное предприятие вынуждено платить минимум 18 разных налогов; по мере роста предприятия налоги непропорционально растут.

Та же ошибка

Вопрос о частной собственности стал центральным во внутривластных спорах, хотя цель "спорщиков" ("левых", "правых") оставалась прежней и общей: сделать коммунистический Китай великой военно-промышленной державой. Он тем более стал центральным, что национальный вопрос не играет в КНР такой роли, как у нас, по той простой причине, что среди 56 национальностей и народностей, населяющих Китай, 93% населения – китайцы (хань). В 1986 году граница частной собственности, казалось, имела перевес над "консерваторами", поскольку в ее рядах было едва ли не большинство членов Политбюро, а главное, к ним как будто благоволил сам Дэн Сяопин.

Однако в январе 1987 года "либеральный" генсек Ху Яобан был снят со своего поста, а новым премьером стал "консерватор" Ли Пэн. Были отменены готовящиеся реформы: продажа частному сектору нерентабельных предприятий, развитие финансового рынка, свободное ценообразование почти на всех уровнях, образование полноценного рынка труда, внедрение системы финансового обеспечения безработных и т. д. Вопрос: почему Дэн отступил? Ответ: потому что политическое положение в стране стало обретать угрожающие для власти формы.

Свободное передвижение товаров не может не вызвать свободного передвижения людей, а вместе с ними – и идей. Переполненные города оказались еще более переполненными 150 миллионами новоприбывших. Наладилась свободная связь между городами, между вузами, насчитывающими 2 миллиона студентов; между предприятиями с научной и творческой интеллигенцией, для которой гласность (пусть даже такая, как у нас, то есть половинчатая) стала необходимым орудием труда; между крупными предприятиями, на которых среди рабочих зрели зависть к богатеющему частному сектору и злоба к власти, не заботящейся о росте их жизненного уровня.

Результатом деятельности ограниченного частного сектора, финансово и административно зажатого государством, был рост цен на уже появившиеся, но по-прежнему недоступные товары: инфляция из года в год колебалась между 20 и 30%. Начали образовываться свободные профсоюзы. К тому же социальную катастрофу подогрели бродящие по дорогам в поисках работы 50 миллионов крестьян. Если в городах в 1988 году средняя покупательная способность граждан увеличилась на 22%, то рост цен, например, на мясо был порядка 40%, на овощи – 35%.

Для Дэн Сяопина основным сигналом тревоги были в 1986 году первые крупные демонстрации студентов, требующих не только борьбы с коррупцией партийных чиновников, не только повышения своего уровня жизни, но и политических реформ: свободы слова, прессы, ассоциаций и т. д. Тревожным сигналом был не только потому, что студенты открыто жгли на площадях экземпляры центрального печатного органа КПК "Жэньминь жибао", но и потому, что некоторые сотрудники этой газеты если и не помогали студентам, то явно симпатизировали студенческому движению. Но самым опасным был тот факт, что демонстрации студентов во всех городах получали поддержку со стороны рабочих. Назревала, по выражению некоторых китайских чиновников, польская ситуация: с одной стороны партийное государство, с другой – организованное гражданское общество.

Были приняты меры. Все они сводились так или иначе к одному: с одной стороны, не нужно было ломать уже существующие "либеральные" механизмы, к чему стремились "консерваторы"; с другой – нужно было не допустить, чтобы эти механизмы обратились против власти; нужно было не допустить усиления студенческого движения, но вместе с тем не проводить репрессий среди студентов – будущих кадров, без которых не будет возможности создать современное государство; необходимо было ограничить стихийно развивающуюся гласность, но не уничтожать ее, а заставить служить партноменклатуре. Дэн Сяопин, уволив радикала Ху Яобана, оставил обе фракции в состоянии приблизительного равновесия сил: во главе "либералов" стал новый генсек Чжао Цзыян, во главе "консерваторов" – премьер Ли Пэн. Борьба фракций продолжалась, вызывая, как и остальные полумеры, медленное гниение системы. В обществе создавалось впечатление, что бездеятельность власти непосредственно связана с ее слабостью: она не только не способна решить насущные проблемы (что правильно), но и не способна расправиться с оппозиционным движением, что, как известно, оказалось ошибочным. Поляки также допустили ту же ошибку в декабре 1981 года.

На площади Тяньаньмэнь

Но ошибка "Солидарности" вполне понятна, так как семь лет назад поляки смотрели исключительно в сторону границы, опасаясь советского вторжения и пренебрегая при этом внутренним врагом. В Китае гражданское общество не опасалось вторжения, однако оно не смогло организовать для наступления или деятельного сопротивления. На него же обрушился весь государственный репрессивный аппарат, применяющий крайние меры, которые как раз и заключались в том, чтобы обезоружить гражданское общество кровавой баней, кровавым террором лишить его воли к сопротивлению.

Для руководства КПК опасность была реальной; в столице и провинциальных центрах выступали миллионы людей, принадлежащих ко всем сословиям. Китайская тоталитарная власть считала себя терпеливой, поскольку отдавала приказы о подавлении оппозиционного движения с 16 апреля по 3 июня. Однако генсек Чжао Цзыян сказал уже 19 мая демонстрантам, которых защищал от расправы, вероятно, до конца: "Я пришел слишком поздно, слишком поздно..." Поздно уже было 17 мая, когда к демонстрантам примкнуло больше миллиона пекинских рабочих, служащих, журналистов (в том числе редакция "Жэньминь жибао"), официальных профсоюзных деятелей, технической, научной и творческой интеллигенции; когда забастовки распространились на всю страну; когда железнодорожники бесплатно доставляли из всех концов КНР в столицу все новые рабочие и студенческие делегации, по 40-50 тысяч человек в день. Не было только решено верхушкой, какой метод подавления необходимо применить. Ли Пэн, заявив, что целью "беспорядков" является свержение правительства и ликвидация руководящей роли партии, ввел военное положение. Нет сомнения, что Дэн Сяопин колебался, так как предпочел бы расправиться с оппозиционным движением, не нанося при этом особого вреда новым экономическим механизмам, которые во многом зависят, особенно в особых экономических зонах, от иностранных капиталов и технологий. Только убедившись, что часть военнослужащих 38-й армии, дислоцированной вокруг Пекина, начала братание с демонстрантами, Дэн Сяопин решился на резню; в провинцию перебросили "распропагандированную" 38-ую армию, а в Пекин ввели из провинции Хэбэй 27-ю армию, которой и приказали открыть огонь. Для Дэн Сяопина речь уже шла о спасении коммунистической власти, так что колебаться (по его собственному выражению - "отступить") он уже не мог. Кроме того, он и "консерваторы" считали простой разгон демонстраций мерой малозффективной, да и опасной, так как дубинки и слезоточивые газы могли только толкнуть оппозицию к радикальным действиям, а войска 27-й армии, не скрепленные круговой кровавой поружой, могли последовать примеру 38-й армии.

Утешение вождей

Расправившись с безоружной оппозицией, а заодно с "либералами" во главе с Чжао Цзыяном, Дэн Сяопин, став на время на

сторону "консерваторов", утешился, вероятно, мыслью, что Запад все проглотит и будет продолжать сотрудничать с КНР. В конце концов в свое время и в СССР, и в КНР гибли десятки миллионов людей. Китайскими коммунистами первая массовая резня была проведена в 1930 году в Футянье, за 19 лет до победы. А, например, в 1968 году в КНР убивали такое количество людей, что южные реки были забиты трупами: их находили по утрам даже на пляжах Гонконга. Разве это помешало Западу торговать с СССР или с Китаем? В Сирии президент Асад приказал уничтожить в 1982 году в городе Хаме 25 тысяч человек, позже президент Ирака приказал удушить газом несколько курдских деревень. Разве кредиты, получаемые этими странами у Запада, уменьшились? Что касается международных организаций, прежде всего ООН, то добиться в них осуждения КНР чрезвычайно трудно, так как влияние Китая в странах третьего мира чрезвычайно велико.

Дэн Сяопин заявил в 1986 году: "Несколько лет назад мы в соответствии с законом наказали некоторых сторонников либеральной буржуазии. Дискредитировало ли это нас? Нет. Лицо Китая не пострадало. Наоборот, престиж нашей страны постоянно растет". А на все обвинения Международной амнистии МИД КНР ответил: "Действия китайских властей полностью соответствуют законодательству страны, являются суверенным правом КНР, которое не должно нарушаться ни одной международной организацией или государством".

В Женеве на 41-й сессии подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств (рабочий орган Комиссии ООН по правам человека) 15 голосами против 9 была принята резолюция, в которой было "выражено беспокойство в связи с июньскими событиями в Пекине и их последствиями". А в это время в КНР продолжают репрессии: подлежащих расправе (в основном) намечено две группы, одна подлежит "наказанию", другая - "очищению". Первая группа в свою очередь распределена на 10 подгрупп ("связан с...", "распространял", "укрывал" и т. д.). Вторая - на 9 подгрупп ("оказывал помощь", "агент", "связан с иностранной..." и т. д.). Доносительство открыто провозглашается подвигом. Уже конфисковано более 11 миллионов книг "порнографического" содержания. Список долгов.

Экономические санкции Запада оказались, возможно, суровее, чем предполагал Дэн Сяопин, в особенности со стороны США. Президент Буш объявил о прекращении продажи в КНР американского вооружения, о прекращении визитов американских военных в КНР и китайских в США, затем приостановил встречи на правительственном уровне и заявил, что сделает все, чтобы международные финансовые организации отложили на время рассмотрение вопроса о предоставлении КНР новых займов. Япония также приостановила экономическую помощь Китаю. Другие высокоразвитые страны более или менее последовали примеру США и Японии, но ни одна страна не запретила частным фирмам продолжать сотрудничество с КНР. В Пекине санкциями, в общем, не очень встревожены, так как репрессии не коснулись экономических механизмов; более того, тоталитарные власти повторяют, что либерализация экономики будет, пусть медленно, но продолжаться. Иностранному капиталу будут даны новые льготы.

Китайское руководство уверено, что уничтожение большого количества граждан (тот факт, например, что на борьбу "за идеоло-

гическую чистоту" брошено 100 тысяч цензоров, что на Тяньаньмэнь войска двинулись в первую очередь на северо-восточную часть площади, где были разбиты палатки делегаций свободных рабочих профсоюзов, и убили почти всех находящихся там рабочих), — не помешает ему в будущем торговать с Западом, а Западу с Китаем, если торговля, экономическое сотрудничество вообще будут выгодны. Нужно лишь подождать, пока буря, поднятая на Западе средствами массовой информации и депутатами, зависящими от избирателей, уляжется, пока другие события в мире не заслонят собой китайские.

Вероятнее всего, китайское руководство не ошибается, и китайской оппозиции, загнанной в подполье, нужно будет в будущем рассчитывать только на свои собственные силы. А они есть, и десятилетнее становление гражданского общества будет не просто уничтожить. Тем более, если Дэн Сяопин и его наследники оставят в КНР существующие механизмы рыночных отношений, дающие гражданам определенные бытовые свободы, которые можно использовать с успехом для профсоюзной и политической борьбы. Китайская история показала, что общественные движения в этой стране набирают силы медленно, но зато упорны как нигде. Стоит напомнить, что в XX веке в Китае только гражданских войн было три и длились они в общей сложности 20 лет.

Задача же "консерваторов" будет не из легких. Дэн Сяопин, считая, что политика "либералов" стала слишком опасной для устоев существующей системы власти, расправился с ними, но только с верхушкой. Вряд ли у Дэн Сяопина останется достаточно времени для проведения настоящей чистки в партии. И в армии так же, как во время "пекинской весны", часть командования, в том числе и высшего, открыто выступила против "консерваторов". Пока 85-летний Дэн Сяопин жив, "консерваторы" сумеют, вероятно, проводить политику "демократической диктатуры". Но можно быть уверенным, что последэновский период начнется с резкого обострения борьбы гражданского общества против коммунистического партийного государства, а также усиления фракционной борьбы в КПК. Кровавый раскол может произойти и в армии.

Китайский вариант

После репрессий в КНР советская пресса откликнулась на события соответственно: корреспондент ТАСС Кириллов передал, что китайская металлургия перевыполнила свои плановые обязательства, другой тассовец, Томилин — что пекинские гостиницы ведут борьбу за сокращение финансовых потерь. Редактор "Правды" Афанасьев прямо сказал, отвечая на вопрос журналистов, почему в газете нет ничего о Китае, что, мол, это не наше, а их, китайцев, дело. Только свободные прибалтийские газеты и органы печати неформальных объединений и политических организаций, тираж которых чрезвычайно мал, правдиво осветили июньские события в Китае. Ложь гласности можно истолковывать по-разному. Можно с государственной, можно с партийной точки зрения. В первом случае можно заключить, что СССР не желает портить отношения с КНР, поэтому официальным средствам массовой информации было приказано молчать. Во втором

случае – что КПСС допускает при необходимости применение к советскому гражданскому обществу "китайского варианта", поэтому считает бессмысленным как критиковать, так и превозносить (пока) его. Но так как в СССР и в КНР не существует отдельно государства и правящей партии, а есть партийное государство, то можно считать, что обе причины сливаются в одну.

Не было, разумеется, со стороны советских средств массовой информации и попытки ответить на вопрос, важный не только для китайского, но и для нашего общества: могла ли власть избежать столкновения с народом? То обстоятельство, что меньшинство высшей номенклатуры во главе с генсеком Чжао Цзяном считало: паниковать рано, есть еще пространство для маневра, возможность найти общий язык с оппозицией, пойти на компромиссы, не рискуя при этом властью, указывает, что "либеральная" фракция в КПК считала возможным значительно расширить рамки китайской перестройки. Но ничто не указывало на то, что "либералы" собирались отказаться от этих границ вообще.

Освобождаясь, гражданское общество не может остановиться на полпути, стремление к рыночному хозяйству и к свободе неизбежно должно упереться в границы, очерченные тоталитаризмом, какими бы они ни были обширными и гибкими. Если бы в КНР взяли верх "либералы", столкновение произошло бы позже, но обязательно произошло. Победа гражданского общества в подобных условиях (в КНР и у нас) обуславливается степенью его организованности и целеустремленности, а также степенью гниения правящей системы. Мы не можем считать, что китайские "консерваторы" слишком рано спаниковали, слишком рано приказали открыть огонь. Они действовали согласно своей, коммунистической логике. Для большинства диктаторов репрессии – это акт самообороны, тем более для громадного большинства коммунистических номенклатур, хотя чаще всего для них кровавые репрессии есть "воспитание народа". Этого, кстати, Дэн Сяопин не скрыл, заявив: "Фактически, мы имеем дело не только с массами, которые не умеют отличить правду от неправды, но и с группой бунтарей, большим количеством подонков общества".

Поэтому "китайский вариант" – термин сегодня ходкий и понятный, но его следовало бы видоизменить на "коммунистический вариант". Спасаться от него можно только в том случае, если в кризисный час гражданское общество будет сильнее коммунистической системы. В КНР в июне 1989 года оно оказалось слабее: за внешней организованностью студентов и рабочих не было ясной программы, политической целеустремленности, общей политической платформы. Был стихийный порыв заставить власть уступить. Порыв, который почти всегда ведет к поражению, будь то в России или в Китае. Стихийный порыв может победить только тогда, когда система прогнила насквозь и готова развалиться от первого же сильного удара, или панически отступить, удара не дожидаясь, и вернуть обществу его собственность и свободу. Коммунистическая власть в КНР доказала, что ее голыми руками пока не возьмешь. В нашей стране китайские события тщательно анализируются компетентными органами. Оппозиции также следует это сделать. Так как весьма возможно, что на наших площадях в скором будущем также появятся танки не только в день парада.

По следам беды в Абхазии

Ростислав ЕВДОКИМОВ-ВОГАК

В середине июля 1989 г. национальные отношения в СССР потряс очередной конфликт.

В Абхазии погибли и были ранены десятки людей. Казалось бы, мы должны были уже привыкнуть к скандалам в советской коммуналной квартире. И действительно, большая часть мировой общественности поступила соответственно: повздыхала о погибших, осудила террор, выразила моральную поддержку национальному меньшинству (абхазам); в некоторых странах были отменены гастроли артистов-грузин.

Между тем у этих событий было несколько весьма примечательных и необычных черт. Во-первых, это уже далеко не первый серьезный удар, за короткий срок обрушившийся на одну из небольших "советских" республик - Грузию. Во-вторых, это пока единственный в СССР случай, когда первыми подняли оружие, применили насилие именно представители национального меньшинства. Считать в любых национальных конфликтах правым обязательно меньшинство - вредный предрассудок. Чаще всего действительно судьба меньшинств вызывает сочувствие. Но, чтобы не возбуждать страсти примерами из сегодняшней политической жизни, я напому лишь о действиях английских колонистов в Южной Африке в начале нашего века и о "проблеме" судетских немцев перед Второй мировой войной, когда ситуация была обратной.

I.

Обычно при рассмотрении прав тех или иных народов на какую-либо территорию приходится взвешивать два основных фактора: историческое право и нынешнее положение вещей. Ни один из них нельзя считать абсолютным. Если какой-либо народ насильственно был выселен или вытеснен со своей родины (чечены и ингуши, крымские татары, трансильванские венгры, греки-киприоты), он не теряет своих прав на эту землю, пока жив хоть один человек, не смирившийся с утратой. Но и наоборот, по прошествии столетий потомки завоевателей-колонистов могут приобрести не меньшее моральное право на созданную их трудом страну, чем потомки завоеванных. Так, нет, кажется, горячих голов, полностью отрицавших бы права европейских по происхождению народов на Америку, Австралию, Южную Африку, права арабов - на Северную Африку и т. д.

Территория нынешней Абхазии упоминается в письменных источниках, начиная с середины I тысячелетия до н. э. Ни у кого из авторов (Геродот, Страбон, позднее - Прокопий Кесарийский и другие) не вызывает сомнения, что эгры (мегрелы) и лазы, живущие на Черноморском побережье, суть потомки древних колхов. Лингвистические же исследования современных ученых показывают, что западно-грузинские племена жили здесь по меньшей мере за 2-3 тысячи лет

до Геродота. Но это - к югу от Сухуми (античной Диоскурии). Кстати, сегодняшнее название города происходит от сванского "цхуми", означающего "вяз". К северу население было смешанным.

Примечательно, однако, что о смешанном характере населения северной части Абхазии можно говорить уже с самой глубокой древности. Причем, если у самих абхазов сохранились смутные представления о приходе их предков на эту землю откуда-то издалека (видимо, из сегодняшней Адыгеи), то и для грузинского племени сванов, тоже упоминающегося в античных источниках в качестве народа, живущего выше Диоскурии, можно сказать, что отдельные его группы, там поселившиеся, пришли, очевидно, с юга.

С I-II вв. н. э. источники упоминают племена абасгов и апсидов. Их имена, созвучные самоназванию абхазов (апсуа) и родственным им абазинам и убыхам (после русско-турецких войн переселенным в Турцию), убеждают, что они действительно относятся к предкам сегодняшних абхазов.

Абхазия всегда была родиной сразу для двух народов - грузин и абхазов. Истории известны подобные примеры: основная часть русской равнины издавна была заселена вмеремешку славянскими, финно-угорскими и балтийскими (летто-литовскими) племенами; а Палестину нельзя не признать родиной как евреев, так и арабов. Что ж до Абхазии, то грузины всегда, насколько нам известно, были большинством, а абхазы - меньшинством ее населения, что, впрочем, примерно до XVII века никак не отражалось на их отношениях, ибо исповедовали они, как правило, одну веру, были носителями близких разновидностей одной, в сущности, культуры и на протяжении тысячелетий помогали друг другу в строительстве единого государства.

Некоторые сегодняшние крайние националисты (в любой стране мира) не склонны верить в возможность таких счастливых союзов. Но еще 6 тысяч лет назад в Месопотамии два совершенно разных народа - шумеры и семиты-аккадцы - в глубоком взаимном уважении жили гражданами одних и тех же городов-государств.

Что же случилось потом? В результате турецкой экспансии значительная часть абхазов, как, впрочем, и некоторая часть грузин, омусульманилась. Естественно, это вбило клин между двумя этноконфессиональными группами. Россия, всегда признававшая Абхазию частью Грузии и даже осуждавшая попытки некоторых ретивых ассимиляторов вывести абхазских христиан из-под юрисдикции Грузинского экзархата, после войны 1877-1878 гг. выселила в Турцию 50000 абхазов-мусульман, а за 10 лет до этого - 20000 человек. Эта акция, казалось бы, изменила соотношение двух частей абхазского народа в пользу христиан. Но она же вызвала ожесточение у всех абхазов не столько даже против России, сколько против местного христианского населения, которое, по их мнению, от этого выиграло.

Тем временем, основоположник абхазской литературы Дмитрий Гулиа, сам, кстати, по отцу грузин, усовершенствует совместно с грузином же Мачавариани первый абхазский алфавит, созданный за 30 лет до того на основе русской графики. Позднее тот же Дм. Гулиа совместно с А. Шанидзе и С. Джанашиа создает абхазскую письменность на грузинской основе. Но в рамках общей славянизации алфавитов в 1954 году абхазская письменность возвращается к первоначальному варианту.

Еще 120 лет назад культурно и политически активная часть абхазского народа недвусмысленно считала себя принадлежащей к грузинскому историко-культурному целому. Как же случилось, что за столетие с небольшим так сильно изменилась ориентация национального сознания?

II.

После советизации Абхазии в 1921 году Н. Лакоба и Е. Эшба выступили инициаторами создания "независимой" Абхазской ССР, мотивируя это необходимостью смягчить межнациональные противоречия. Так как любому коммунисту, исходя из самой марксистской теории, совершенно чужды интересы любой нации, грузинские большевики это предложение поддержали, не подумав даже посчитаться с тем, что в будущей "союзной республике" проживало менее 60 тыс. абхазов (17,6% населения), но почти 90 тыс. грузин. А так как "независимость" Абхазии сами Лакоба и Эшба воспринимали как клоунаду, о чем можно прочитать в многочисленных документах и речах Лакобы ("Мы сначала стеснялись называть себя "президентами" республики - наркомами и т. д., но проходит день-два-три, и застенчивость проходит..." - Н. А. Лакоба. Статьи и речи. Сухуми, 1987, с. 176), то для солидности к "Абхазской ССР" щедрой рукой прирезали часть Мегрелии (между реками Кодори и Ингури) с почти чисто грузинским населением.

Но все это жалкое шутовство ни к чему не привело. Столкнувшись с полной нежизнеспособностью новоявленной "союзной республики", ее главари уже через несколько месяцев сами запросились в федерацию с Грузией, а позднее поставили вопрос о придании Абхазии статуса автономной республики, что и было осуществлено в 1931 году.

В нынешней прессе можно найти весьма подробные рассуждения, одобренные целым ворохом цитат из партийных и советских документов, о правовой, экономической, политической и даже моральной целесообразности того или иного поворота в судьбе советской Абхазии. Между тем, все эти розыскания просто лишены смысла, ибо ни о какой законности не могло быть и речи с самого начала.

В феврале 1921 года кремлевские большевики (сами совершенно незаконно захватившие власть), проигнорировав только что подписанный ими договор с Демократической Республикой Грузия, поставили у власти в этой стране марионеточное правительство. Марионетки же (Г. Орджоникидзе, С. Кавтарадзе, М. Торшелидзе, Ш. Элиава) на совещании в Батуми 29 марта 1921 года, в свою очередь, с холопской претензией на самовластье вручают бразды правления своим друзьям с весьма темным прошлым. Причем здесь вообще законность? Откуда ей взяться?

Но даже по советским представлениям о законности требование самостоятельности Абхазии столь же обосновано, как попытка провозглашения независимой Дальневосточной Республики на том основании, что таковая существовала "на заре советской власти" и что в тех краях живет некоторая доля нерусского населения.

Впрочем, нынешняя вспышка агрессивности имеет под собой, кажется, значительно более прозаическую основу. В 1960-х годах на границе Абхазии и Краснодарского края РСФСР были сооружены шлагбаумы и поставлены своего рода пограничные укрепления с целью

воспрепятствовать вывозу из Грузии мандаринов и прочих "даров природы", политых, однако, потом и кровью крестьян. Даже в Сухуми на базаре мандарины теперь можно было купить, только соблюдая правила конспирации. Власти не хотели, чтобы жители Закавказья вывозили фрукты, цитрусовые, виноград на рынки России и Прибалтики в больших количествах, а потому – сравнительно дешево. Власти хотели отобрать у крестьянина весь урожай по смехотворным, символическим ценам (т. е. по ценам, символизирующим коммунистический способ властвования), а потом – благодетельствовать тем, что не успело сгнить в государственных хранилищах, 2-3 самых крупных города, в первую голову, конечно, Москву.

От отчаянья многие стали вырубать мандариновые сады и, что уж вовсе неслыханно для Грузии – виноградники, и засевать их кукурузой на корм скоту. Крестьянин-грузин страдал, конечно, так же, как его сосед абхаз, но ведь отобранное у людей добро шло в зачет госпоставок Грузинской ССР... И вот тут у не слишком искушенных в политике людей родилась мысль, что виной всему – грузины. А если Абхазия присоединится к России, то ведь по нормальной человеческой логике между двумя частями одной республики пограничных застав не останется.

Если речь шла о том, чтобы ограбить крестьянина и заставить умирать от голода Москву и Петроград, заставы, как известно, ставились на каждом перекрестке. Это называлось хлебной монополией и продразверсткой. Но откуда абхазским крестьянам было об этом знать? В 1968 году начались выступления за присоединение к Краснодарскому краю РСФСР, периодически повторявшиеся на протяжении десятилетия. Власти реагировали привычным способом. Свободную торговлю не разрешили, зато полстраны облетела мрачная шутка тогдашнего "хозяина" республики: "Насчет Краснодарского края – не знаю, но Краснодарский можно им устроить...". Что означает подобный юмор, помнят даже самые неграмотные из наших соотечественников. И остатки абхазской интеллигенции не преминули воспользоваться ситуацией, чтобы выдвинуть этнокультурные и кадровые требования.

Здесь необходимо напомнить, что реформы "надстроечные", культурные, согласно "руководящему учению" не столь опасны, как "базисные", экономические. Ну, а кадры, хоть и "решают все", так ведь зато и незаменимых людей у нас, как известно, не бывает. Поэтому, пытаясь унять головную боль, брежневское руководство пошло по наиболее простому, в его представлении, пути.

Школьное обучение (до 4 класса), издательская деятельность, делопроизводство в автономной республике всегда велись на абхазском языке, наряду с грузинским и русским. Но к началу 1980-х годов было заметно расширено радиовещание по-абхазски, создан абхазский телевизионный канал, на базе педагогического института в Сухуми в 1979 году был открыт университет. Абхазами было замещено большинство партийных, государственных и, что весьма существенно, милицейских постов – явно непропорционально по отношению к численности населения. Преподавать высшую математику и тому подобное по-абхазски оказалось невозможным. Преподавание шло на русском. К тому же ощущалась явная нехватка студентов. Между тем, большинство населения автономной республики, то есть грузины, оказалось дискриминированным, ибо для по-

лучения высшего образования на родном языке они вынуждены были ехать в Тбилиси, где и так мест в вузах не хватает.

Дискриминация ощущалась и в быту (возможность той же торговли), и в продвижении по службе. В результате многие грузины в своей родной республике стали менять национальность на абхазскую, а те, что считали для себя это недопустимым, включились в движение за равноправие грузин в Абхазии. Символом этой борьбы в значительной мере стал вопрос о возможности получения университетского образования на родном языке. К парадоксам абхазской жизни следует отнести и отсутствие грузинской секции в Отделении Союза писателей автономной республики.

Видимо, подобные ситуации объясняются тем, что лидеры абхазской общины понимают: их собственных сил для нормального функционирования ответственных структур не хватит, и, занимая ключевые посты в управлении, всячески стремятся сохранить интеллектуальный потенциал в Абхазии, так сказать, "неслиянно и нераздельно" в своих руках, дабы нежизнеспособность самостоятельного существования республики не была слишком очевидна. Только этим можно объяснить их нервозность в таком, казалось бы, вполне безобидном деле, как желание грузин иметь свой грузиноязычный филиал университета в одном из городов собственной страны, не посягая при этом на право абхазов лелеять Абхазский (пусть и русскоязычный) университет.

Быть может, грузинские националисты, пользуясь своей культурной гегемонией, втайне сдерживают языковое и интеллектуальное развитие автономной республики? Но нет. Выясняется, что грузинские "неформалы" и гуманитарная интеллигенция, напротив, давно предлагали свое содействие в разработке программ и создании абхазской научной терминологии для введения обучения по-абхазски в объеме полной средней школы, а затем и вуза. Однако абхазские лидеры на такое предложение, как ни странно, не откликнулись, лишь молчаливо дав понять, что они лучше обойдутся без средней школы на родном языке, но не допустят открытия грузинского вуза. "Пойду вырву себе глаз - пусть у моей тещи зять кривой будет", - комментирует такую логику русская пословица.

В этих условиях грузинское руководство приняло все же решение об открытии в 1989 году в Сухуми филиала Тбилисского университета для студентов-грузин с сохранением русскоязычного обучения для абхазов и прочих желающих. Разместился филиал на первых порах в помещении грузинской 1-й школы г. Сухуми. Но пробудившихся абхазских националистов, подогреваемых другими национальными выступлениями сегодняшнего дня и панисламистскими тенденциями во всем мире, такой компромиссный вариант уже не устраивал.

III.

Самое главное в оценке дальнейших событий то, что они были хорошо спланированы, что о них было известно заранее и что власти Абхазской АССР непосредственно участвовали в организации вооруженных нападений на грузин.

Напряженность росла со времени опубликования "Абхазского письма" от 17 июня 1988 г., обращения и постановления, принятого в с.

в с. Лыхны 18 марта 1989 г. С грузинской стороны можно отметить митинг в Гали 24 марта 1989 г., на котором люди возмущались тем, что район, дающий почти 50% доходов Абхазии, но населенный исключительно грузинами, не может построить школу и детский сад, ибо средства изымают сухумские власти и направляют в абхазские районы. А также митинг в Гантиади 1 апреля 1989 г., по окончании которого его участники-грузины были избиты и впервые раздались выстрелы.

Бросается в глаза, что действия грузинской общины сводились к реакции на вызов, брошенный абхазами. Более того, очень подозрительно выглядит зловещее совпадение: Абхазский обком партии обещал сообщить грузинам свою оценку нападения на них после митинга в Гантиади именно 9 апреля. В тот день люди, собравшиеся у обкома, вместо ответа узнали о резне в Тбилиси...

28 апреля 1200 студентов и свыше 300 преподавателей заявили о своем выходе из Абхазского университета. 14 мая Совет Министров Грузинской ССР принял решение об организации филиала Тбилисского государственного университета в Сухуми. 12 июля в газете "Советская Абхазия" была опубликована информация о работе комиссии Верховного Совета СССР, посчитавшей существование филиала ТГУ нецелесообразным. Грузинская часть населения потребовала опубликовать в грузиноязычном издании этой газеты ("Сабчота Абхазети") комментарий, поясняющий, что мнение комиссии не является окончательным решением вопроса и филиал продолжает функционировать. В течение этого и следующего дня у типографии неоднократно собирались попеременно абхазы и грузины, кажде со своими требованиями. Причем, в конечном итоге, типография была блокирована абхазами, и два дня газета не выходила.

По данным МВД Абхазии (того самого проабхазского МВД, которое 15, 16, 17 июля 1989 г. умудрилось не зарегистрировать ни одного правонарушения!) грузин всякий раз было гораздо меньше и они мирно расходились. Абхазы же еще 13 июля заявили, что если приемные экзамены в филиал начнутся 16 июля, то "ими будут приняты все меры по их недопущению" (Приложение к суточной сводке № 194 от 13. 07. 89 МВД Абхазской АССР). На следующий день первый секретарь обкома партии принял депутацию абхазских старейшин, которые объявили ультиматум, предупредив, что блокируют обком партии и что они "подготовили специальные бригады из числа молодежи, которые полны решимости противостоять грузинской части населения" (Приложение к суточной сводке № 195 от 14. 07. 89 МВД Абхазской АССР). Со стороны "грузинской части населения" никаких действий, даже отдаленно напоминавших подобное, не отмечалось.

Позднее, на митинге в Тбилиси 23 июля министр внутренних дел ГССР Ш. Горгодзе подтвердит, что о намерении абхазов пролить кровь было известно заранее. По его словам, он послал в Сухуми усиленный наряд милиции из Тбилиси и батальон милиционеров, вооруженных автоматами, из Болниси.

Однако 15 июля эти подразделения были разоружены. Кроме того, весь личный состав абхазской национальности МВД был одет в парадные белые сорочки, а грузины - в серые. В Абхазский обком партии была подброшена записка: "...Мы, группа молодежи г. Сухуми, ставим перед вами ультиматум: если до 13 числа не решите все наши проблемы, то мы превратим Абхазию в Фергану!".

15 июля в парке им. Руставели на безоружных грузин напала многократно превосходящая их по численности толпа абхазов, вооруженных кусками арматуры и холодным оружием. Затем в разных частях города возникли столкновения с применением огнестрельного оружия. В помещении школы № 1 были избиты 10 членов приемной комиссии филиала ТГУ, документы абитуриентов уничтожены, помещение разгромлено. В ночь на 16 июля сотрудники МВД Абхазии А. Гуния, В. Лагвилава, Г. Делба, В. Зухба и Цибульский стреляли из автоматов с автомашины КамаАЗ по грузинам, убив 19-летнего юношу и пассажира поезда. В это же время группа абхазов заняла Дом Советов, проникнув туда вслед за женщинами, которым, якобы, понадобилось там укрыться. Это мужественное деяние закончилось разгромом помещения, уничтожением съестных припасов на 118 руб., срывом флагов Грузии и Абхазии и водружением флага с надписью "ССРА".

Здесь приходится напомнить, что у большинства жителей Западной Грузии и Гальского района Абхазии (населенного грузинами) в Абхазии живут родственники. У тысяч и тысяч из них дети отдыхали в санаториях и пионерских лагерях на территории автономной республики. В этих условиях более чем понятна ярость отчаянья, охватившая людей при первых слухах о массовых нападениях на грузин. Из Зугдиди в Сухуми двинулись толпы.

После 4 апреля у грузин было отобрано охотничье ружье. Абхазы же, благодаря контролю над местной милицией, располагали автоматами и даже вертолетом ГАИ. Именно поэтому грузинами была захвачена тюрьма в Зугдиди, где заключенные в обмен на освобождение показали оружейный склад. Тем временем толпы абхазов заняли мост через реку Галидзга между Гальским и Очамчирским районами. Характерно, что гудаутские абхазы-мусульмане, руководившие операцией, блокировали дорогу не на официальной границе республики по реке Ингури, а в районе проживания абхазов христианской ориентации, сохранявших до той поры нейтралитет, спровоцировав таким способом их включение в войну против грузин.

В начале 20-х чисел августа поступили сообщения о возникших конфликтах между абхазами-христианами и абхазами-мусульманами, сопровождающихся сближением абхазов-христиан с грузинами. Причиной послужили слишком откровенно панисламистские действия мусульманской стороны. Кажется, это подтверждает мнение о внешнеациональных корнях абхазских событий.

На первых порах грузины еще пытались договориться мирным путем. По меньшей мере дважды выходили парламентарии с белыми платками. Однако по ним открывали огонь, и несколько парламентаров (в том числе один абхаз по матери) было убито. Ситуация накалилась до предела, ибо грузин, теперь уже вооруженных, было несколько тысяч, а на другой стороне моста появилось около 50 солдат, которые легко могли быть сметены разъяренной толпой. Чуть дальше, о чем люди не знали, располагалось крупное войсковое соединение, и после нападения на аванпост у моста последствия были бы катастрофическими. К счастью, около 14.00 подошли лидеры Общества Святого Ильи Праведного Мераби Костава и партии Национальной Независимости Грузии Ираклий Церетели. Ценой неимоверных усилий (в М. Костава даже стреляли, обвиняя в трусости, но кто-то успел выбить оружие и выстрел ушел в воздух) им удалось сдержать толпу.

С вечера 16 июля и до утра 17 июля из г. Гудаута на шести прогулочных катерах 7-ю рейсами было беспрепятственно отправлено в г. Очамчира около 900 абхазов, вооруженных помимо прочего автоматами Калашникова, пистолетами Макарова и мелкокалиберными винтовками. По данным расследования загрузка катеров "проходила в присутствии ответственных работников района" ("Молодежь Грузии", 12. 08. 89 - "До и после абхазской трагедии"). Там же опубликованы многие другие официальные документы, которыми я пользуюсь. - Р. Е.-В.).

По сообщениям грузинских неформалов этими и подобными действиями руководили и даже открыто раздавали оружие такие лица, как председатель Союза писателей Абхазии Гогуга, министр культуры Абхазии, 2-й секретарь Очамчирского райкома партии, 1-й секретарь Гудаутского райкома Озган (турок по национальности) и другие. Косвенно это подтверждается тем, что сейчас большинство из них снято со своих постов, а на некоторых заведены уголовные дела.

Как известно, борцы против "раскола Абхазского университета по национальному признаку" пытались достичь этой академической цели, обстреливая поезда и автобусы, детские учреждения и медицинских работников. По телевидению выступала русская медсестра, рассказавшая, как чуть не погибла под крики: "Убейте ее: она - христианка!" Ни от кого, даже от явно недоброжелательно настроенных по отношению к грузинам людей, мне не приходилось слышать ни об одном конкретном факте подобных действий со стороны грузин. Выводы напрашиваются сами.

Менее известно, что у абхазских террористов, по ряду сообщений, обнаружены израильские автоматы "Узи" и стрелковое оружие турецкого происхождения. Утверждают, что оно попало к ним вместе со стройматериалами, поступающими в турецкий строительный трест близ Пицунды. Турецкое правительство опровергает свою причастность к такой контрабанде, но ведь правительство никто и не обвиняет... Зато стало известно, что 7-8 августа несколько абхазов каким-то образом проникло к своим соплеменникам в Турцию, после чего там прокатилась волна погромов в грузинских деревнях (в Турции проживает свыше 130 тысяч грузин и близкородственных им лазов, по некоторым источникам - гораздо больше). Заверения в солидарности ("Братья абхазы! Не бойтесь - мы с вами!"), а заодно, похоже, и оружие наши борцы с "грузинским шовинизмом" получили и из Азербайджана - надо полагать, от тамошних борцов с "шовинизмом" армянским. Любопытно узнать: с чьим шовинизмом начнется подобная борьба завтра?

К сожалению, официальные сообщения не дают достоверных сведений о числе погибших. Это легко доказать цитатами из рубрики "МВД Грузинской ССР сообщает", взятыми наудачу из трех разных номеров республиканского офицоза "Заря Востока". Так, в номере от 21.07.89 МВД заявляет: "По уточненным данным, в медицинские учреждения республики обратилось за помощью 406 человек, на стационарном лечении - 94, из них 16 находятся в тяжелом состоянии. 17 человек погибло. Среди раненых - 31 сотрудник милиции и 7 представителей внутренних войск МВД СССР".

В номере от 29 июля сообщается: "Вновь прозвучали выстрелы. 27 июля в 20 часов 15 минут в селе Владимировка Гульрипшского района был убит человек. Ведется расследование".

3 августа в этой же рубрике опровергается сообщение "Московских новостей" о 32 скончавшихся: "Эти сведения неверны. По данным прокуратуры ГССР число погибших составляет 16 человек. Среди них 5 абхазов, 9 грузин, а также двое военнослужащих - русский и армянин".

Или в Абхазии творятся чудеса и воскресают покойники, или в пресс-группе МВД СССР не умеют к 17 прибавить хотя бы 1. Впрочем, чего еще ждать в государстве, которое до сих пор не сумело подсчитать точное количество погибших в лагерях, во Вторую мировую войну и даже в совсем недавнюю - афганскую.

Большинство грузинских неформалов, не располагая точными сведениями, видимо, из осторожности предпочитает говорить о примерно 20 жертвах, замечая лишь, что 5 погибших абхазов носили чисто грузинские фамилии и, видимо, принадлежали к семьям, ставшим абхазскими только по паспорту из конъюнктурных соображений. Но Звиади Гамсахурдиа, перед воротами дома которого в Тбилиси в ночь с 24 на 25 июля была взорвана граната-"лимонка", утверждает, что известны случаи, когда трупы убитых сжигали или скрывали иными способами, и что общее число погибших и замученных превышает сотню человек. Причем в любом случае, даже по официальным данным, грузин убито в два, а ранено - в три раза больше, чем абхазов.

Кстати, о численности населения. Утверждения авторов "Абхазского письма" о сокращении числа абхазов покоятся, увы, на чьей-то сознательной подтасовке. Автор фальшивки сравнивает численность абхазов в 1970 году с данными "Кавказского календаря" за 1916 год, находя убыль почти в 27 тысяч человек. Но в "Кавказском календаре" на 1916 год (Тифлис, 1915) в разделе "Пространство и население Кавказского края к 1 января 1915 года (по данным уездной администрации)" абхазы вообще не упоминаются. Приведенная в "Абхазском письме" цифра (111.780 человек) появилась путем сложения 51281 чел. из графы "Горцы кавказские: магометане и прочих исповеданий" и 60499 душ православных из графы "Разные азиатские народности". Хотя в абхазской школе преподавание ограничивается 4 классами, но те, кто продолжал обучение по-русски, должны понимать, что подобная арифметика употребляется только в советских сводках о ходе выполнения народнохозяйственных планов.

Принято говорить, что перед смертью все равны. Но слишком часто эта примиренческая формула звучит либо наивно, либо цинично. Нельзя приравнять зверски замученных в Сумгаите армян и тех нескольких азербайджанцев, что были убиты в ходе отчаянного сопротивления за полтора последовавших года. Точно так же простая человеческая порядочность не позволяет уравнивать соучастников терроризма и его жертв в нашем случае. Каждый человек бесценен, но только не тогда, когда он посягает на жизнь своего ближнего. В этом случае он сам назначает себе цену.

Кстати, полезно отметить, что мои грузинские информаторы постоянно стремились смягчить действия абхазской стороны. Они подчеркивали, что у сегодняшних абхазов нет другой родины, кроме Абхазии; они напоминали, что столетиями жили в тесной дружбе; они признавали, что за сто с лишним последних лет абхазский народ понес тяжелые потери. О событиях в Сухуми говорили, что погромами занимались не местные жители, а специально привезенные боевики из других районов. Не о шести катерах с 900 вооружен-

ными мужчинами (в официальных документах) рассказывали мне, а о 2-3 катерах с 200 человек... Все это слишком не похоже на то, как обыкновенно себя проявляет шовинизм.

IV.

Пора подводить итоги.

Умиляет трогательное единодушие, с которым ополчились на грузин западная общественность и советские политики, прекрасные московские либералы-демократы и злодеи-шовинисты в духе общества "Память". С чего бы это? Какой дирижер смог слить столь разные голоса в единый хор?

Проше всего объяснить это тем, что идеологи абхазского движения готовились к своему выступлению заранее и сумели провести мощную пропагандистскую кампанию, опередив несколько даже опешивших на первых порах грузин. Это, конечно, верно. Но ведь сама по себе агитация мало что дает. Надо, чтобы люди были готовы ее воспринять. Боюсь, что глубинная правда значительно печальней.

В действительности, всем поименованным общественно-политическим силам свойственно одно "слишком человеческое" качество: близорукость; одним, хочется думать, - от незнания, но большинству - от нежелания знать корни событий и от неумения предвидеть их последствия хотя бы на несколько лет вперед.

Хитрее всех ведут себя официальные советские власти. Они делают вид, что стараются соблюсти объективность, а сами инструктируют посылаемые в Абхазию войска, что их задача - спасти несчастных абхазов от разбушевавшихся грузин. В первые дни, действительно, охранялись абхазские села, которым, в сущности, ничто не угрожало, а на беззащитное грузинское население продолжались нападения. Впрочем, как простые солдаты, так, видимо, и офицерство быстро разобрались в истинном положении дел, и сейчас их отношения с населением можно назвать дружественным нейтралитетом. Средства массовой информации, отводя примерно равное место прогрузинским и проабхазским высказываниям, такой псевдообъективностью опять же ставят на одну доску агрессоров и потерпевших. Вряд ли Москва может всерьез рассчитывать на присоединение Абхазии к РСФСР, а надежды ослабить таким способом грузинское освободительное движение на удивление наивны: угроза национальному существованию и территориальной целостности - лучший способ сплотить любой народ. Если коммунистов можно понять, то невозможно переубедить, и уж совершенно не хочется помогать им советами - тем более непрощеными.

Западную общественность, как и наших родных демократов, похоже, искушает бес смешных банальностей типа: "любые национальные выступления в СССР (кроме русских) всегда справедливы", "СССР - большая империя, Грузия - малая", "слабый всегда прав". Но достаточно пожить в коммунальной квартире (вот он, недоступный западному человеку бесценный опыт), чтобы понять: очень часто именно самые слабые безнаказанно терроризируют всех вокруг.

И слово "терроризм" звучит здесь неспроста. Трезво мыслящие люди должны понять: нынешние абхазские события так же как Сумгаит и Фергана - это первые ученические бои целой армии завтрашних террористов, которые не ограничатся одним Советским Союзом,

но будут действовать единым фронтом с иранскими, ливанскими и прочими "фундаменталистами" во всем мире. И даже если исходить из сиюминутного политического расчета, надо знать, что еще до кровопролития абхазские старейшины на встрече с первым секретарем обкома партии 14 июля просили ввести в республике особое положение. Введения военного положения абхазская сторона постоянно требовала и в дальнейшем, в частности, в листовках, распространившихся в г. Гагра от имени Народного форума Абхазии "Аидгылара" (Приложение к суточной сводке № 214 от 02. 08. 89 МВД АССР Абхазии). Хотелось бы знать, с каких пор истинные свободолюбцы добиваются установления военного режима еще до открытых столкновений, которые сами же и развязывают? И в пользу каких сил введение войск в любой район страны, надеющейся перейти от тоталитаризма к авторитарному правлению?

Что же касается русских патриотов разных толков (а искренне считающие себя таковыми найдутся и среди демократов, и среди шовинистов), определенную их часть все же искушает, порой бессознательно, честолюбивая мечта осчастливить Россию субтропическими пальмами и обезьяньим питомником в Сухуми. Но древний принцип "разделяй и властвуй" в данном случае действует против интересов русского народа, ибо в союзники выбирается партнер заведомо неправый, слабый и духовно чуждый.

Вчера абхазские националисты ратовали за присоединение к Краснодарскому краю РСФСР (они еще и сегодня норовят подsunуть эту льстивую приманку некоторым простакам). Сейчас они требуют статуса "независимой" союзной республики. Ну, а где гарантия, что завтра они не запросятся в федерацию с Турцией? Разве это нужно России? России нужен надежный и дружественный сосед, с которым ее роднит история, культура, религиозная традиция и, между прочим, даже геополитические интересы, а не внутренне слабый, лукавый попутчик, всегда готовый перевернуться в совсем иной караван-сарай.

И это не говоря уже о нравственной недопустимости для нашего народа после всех выпавших на его долю PROVIDЕНЦИАЛЬНЫХ испытаний пытаться урвать себе кусок во время пожара в соседнем доме.

Грузины с абхазами, имея многовековой опыт, в конце концов, можно надеяться, найдут взаимоприемлемый вариант существования. Но нам такого духовного мародерства не простят ни те, ни другие, какие бы льстивые речи ни произносились сейчас.

И наконец ненадолго вернусь к тому, с чего начал. Грузины и сегодня, как тысячелетия назад, составляют аборигенное большинство в Абхазской АССР. Земля эта будет принадлежать им так же, как она будет принадлежать и абхазам. С чем же связана необычайно острая, вплоть до общенациональной забастовки (с 22 по 27 июля), до какой-то отчаянной решимости реакция грузинского народа на события, которые, в общем-то, почти регулярно случаются едва ли не во всех многонациональных странах?

За последние 2-3 года на Грузию обрушился целый поток катастрофических бедствий. Лавины, уничтожившие почти половину сел Сванетии; оползни и сели в Аджарии; выступления азербайджанцев, требующих автономии со столицей в Рустави (24 км от Тбилиси); волнения в Южной Осетии (которую осетины заселили лишь в XIII веке и где они учатся в школах на родном языке в отличие от коренной для них Северной Осетии с русскоязычным обучением); проб-

лема турок-месхетинцев, стремящихся поселиться на грузино-турецкой границе; печально знаменитая бойня 9 апреля в Тбилиси... Список можно, к сожалению, продолжить.

Народ, насчитывающий всего 3,5-4 млн. человек во всем мире, народ, проживающий в небольшой гористой стране, народ с древней культурой и государственной христианской традицией - действительно оказался перед опасной чертой. Но народы как люди: в тяжелых испытаниях либо гибнут, либо приобретают новое качество. Я не верю в духовную гибель грузинского народа. И не верю в случайные совпадения. Надо слишком плохо знать естественные науки и историю, чтобы не видеть за всеми ударами, постигшими Грузию в последнее время, особого смысла, особого вызова, напряжения, даруемого народам в переломные моменты их жизни.

Думаю даже, что к началу будущего века два христианских народа Закавказья - грузин и армян - ждет еще, быть может, не очень ясная, но яркая и важная для всего человечества судьба.

Август 1989, г. Рустави

...Все народы России равноправны; никто из российских граждан не может подвергаться ограничениям в правах вследствие своей принадлежности к тому или иному народу.

Законом пресекается пропаганда национальной ненависти, дискриминации отдельных народов и призывы к насильственному разрушению единства Российского государства.

Конституция Российского государства предоставляет каждому народу свободу развития самобытной культуры, изучения родного языка и употребления его в местных учреждениях, школах, театрах, в печати, на собраниях и т. д.

Все значимые права осуществляются свободно избираемыми органами самоуправления при планомерной поддержке союзного государства.

Народы, входящие в Российское союзное государство, обладают различной степенью государственной самостоятельности. В зависимости от численности, компактности расселения и удельного веса в местном населении, от исторических и культурных предпосылок, от уровня государственно-правового и национального сознания, они создают самоуправляющиеся единицы - от образований государственного характера до автономных образований.

...Население нынешних союзных республик СССР, путем свободного волеизъявления (плебисцита), само решает, желает ли оно быть в составе России или предпочитает жить в отдельных государственных образованиях. Эти государственные образования, свободным решением, могут продолжать свой исторический путь совместно с Россией, на началах конфедерации. Таким образом открывается перспектива для превращения нынешнего насильственного сообщества Советского Союза в свободное содружество наций - Российский Союз.

Россия - свободный союз свободных народов.

(Программа Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Глава 16. Основы национальной политики. Изд. 1975)

Международная ассоциация политзаключенных

Игорь ИВАХНЕНКО, Михаил МАЛИНИН

В 1987 году, после освобождения из мест заключения и ссылки многих, хотя и не всех, узников совести, было объявлено, что им, наравне с другими гражданами, предоставлены одинаковые права. Так писала газета "Известия" 11 февраля.

Действительность оказалась весьма далекой от этого и подобных утверждений. Защита прав репрессированных легла на плечи самих вчерашних узников, что, в конечном итоге, привело к созданию новых и расширению деятельности уже существовавших к тому времени групп: литовского Комитета спасения политзаключенных, Всеукраинского общества репрессированных, куйбышевского Общества бывших политзаключенных, тольяттинского Комитета за реабилитацию политзаключенных послесталинского времени и других.

Критика, последовавшая затем со стороны официальных средств массовой информации, была выдержана в духе "застойного" времени. Так, литовские газеты "Теса" и "Вечерние новости" писали в 1989 году о том, что акциями голодовок Комитет спасения политзаключенных якобы пытается сформировать тенденциозное общественное мнение о мнимой обоснованности своих требований об освобождении всех узников совести и их реабилитации. На самом же деле освобождение и реабилитация репрессированных были произведены властями в ответ на протесты в защиту политзаключенных.

"...Борьба за права человека, политические свободы, - писал по этому поводу бывший политзаключенный Гинтаутас Йешмантас, - является сердцевиной реализации демократии, сердцевиной самой перestroйки" (информационный бюл. "Возрождение" № 9, 1989).

Организация Американского общества советских политзаключенных и его объединение с другими такими же обществами, находящимися в Советском Союзе, в Международную ассоциацию логически завершает процесс объединения советских узников совести. Инициатива создания американского общества и его объединение в МАСП - Международную ассоциацию советских политзаключенных, была в свое время выдвинута бывшими политзаключенными. Имелось в виду создать максимальную гарантию со стороны узников за убеждения по предотвращению политических репрессий в будущем.

В прошлом, в царской России, открытых организаций политзаключенных, как известно, не было. Статус политзаключенного определялся гласно "Правилами о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов" от 16 апреля 1904 года, в частности, каждый политузник имел право на занятия умственным трудом. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, существовавшее с начала 20-х до середины 30-х и в основном за-

нимавшееся проблемами минувшей истории, так и не смогло выжить в эпоху большевистского террора.

Процесс гласности и политической перестройки, начавшийся в 1987 году, не изменил основополагающих принципов коммунистической власти и не устранил из теории и практики коммунистического государства преследования граждан за осуществление ими основных гражданских прав и свобод. Вместе с тем, несанкционированное массовое общественное движение сделало вполне возможными коренные демократические изменения в системе власти и управления в самом недалеком времени. В этих условиях Международная ассоциация советских политзаключенных берет на себя функцию защищать вчерашних и нынешних узников совести от новых политических преследований и оказывать им содействие в реабилитации и восстановлении нарушенных прав. В соответствии с этой основной целью в программу Ассоциации входит и ряд других требований.

Полная реабилитация

В первом пункте программы, принятой на собрании бывших узников совести 27 апреля 1989 г. в Нью-Йорке, содержится требование об освобождении всех политических заключенных, находящихся в местах лишения свободы и психиатрических больницах, и о полной реабилитации всех политрепрессированных во время "советской" власти. Для реализации этого положения потребуется выполнить два условия: составить точные данные о количестве неосвобожденных узников совести и потребовать от законодательного органа издать закон о всеобщей реабилитации политрепрессированных.

Ежегодный список политзаключенных в СССР, издаваемый в ФРГ Кронидом Любарским, — наиболее полный, хотя и не исчерпывающий, справочник имен советских узников совести. Для того, чтобы собрать исчерпывающие данные, потребуется обратиться к архивам суда, прокуратуры, КГБ и МВД, которые остаются пока закрытыми для общественности. Временно восполнить этот пробел, по-видимому, поможет анкетирование населения, проведенное через средства массовой информации.

Американское общество политзаключенных уже подготовило проект необходимых обращения и анкеты, которые, надо надеяться, будут опубликованы в крупнейших зарубежных изданиях на русском и других языках. Сходную работу проводит общество "Мемориал", однако анкеты, распространяемые им, относятся только к репрессированным в сталинское время.

Пользуясь случаем, мы хотели бы обратиться к читателям с просьбой поддержать инициативу по сбору данных о репрессированных. Собранная информация будет представлена Международной ассоциацией советских политзаключенных советскому правительству на предмет реабилитации, в особенности тех репрессированных, которые имеют отказ.

Репрессированные, то есть подвергшиеся незаконным и необоснованным гонениям, это не только политзаключенные, но и вообще лица, для которых закон явился воплощением произвола и насилия, угрожавшего духовным и материальным основам человеческой жизни и реально подорвавшего или уничтожившего для них эти основы. Такими решениями большевистского правительства о разгоне всенародно

избранного Учредительного Собрания, о создании концентрационных лагерей, о введении красного террора, который по существу не прекращался после 25 октября 1917 года, и так далее. Программа Ассоциации употребляет термин "политзаключенный". Это близко к последним десятилетиям советского времени, но не отражает начала репрессий.

На наш взгляд, в рамках реабилитации к понятию "политзаключенный" следует относить всех репрессированных по политическим мотивам. Если мы говорим о правах человека в смысле Всеобщей декларации ООН от 10 декабря 1948 года и о том, что эти права не соблюдались советским правительством после принятия Декларации, то разве в период с 1917 по 1948 годы нарушение основных социально-экономических, гражданских и политических прав не было нарушением по существу тех же прав человека? И, наконец, справедливо ли репрессированных по политическим мотивам делить на разные категории в зависимости от форм юридической ответственности, которая была им навязана?

Представляется, что требование об издании закона о всеобщей реабилитации должно быть выдвинуто по отношению ко всем репрессированным. Только в этом случае политическая реабилитация будет действительно полной.

Кого и как реабилитируют сегодня

Процесс реабилитации пострадавших от сталинского террора, начатый в 1953 году, как известно, зависел от смены политического курса и не преследовал цели искоренения источника зла, несмотря на огромные людские жертвы. Поэтому в годы Брежнева реабилитация продолжалась, хотя и в других масштабах, чем при Хрущеве. Курс десталинизации Горбачева придал реабилитации новый импульс, частично распространяясь и на диссидентов, осужденных в послесталинские годы. Новое руководство, как и предыдущее, не ставит себе целью реабилитацию всех незаконно репрессированных за все годы "советской" власти. В итоге за такое искусственное уголовное преступление, как, скажем, антисоветская агитация и пропаганда, суды безоговорочно отменяют приговоры по делам 30-х - начала 50-х годов, и пытаются доказать обоснованность осуждения, имевшего место в последующие годы.

Так, пленумом Верховного Суда Туркменской ССР в мае 1989 г. были рассмотрены протесты по делам в отношении лиц, необоснованно репрессированных в 30-х - начале 50-х годов. Было установлено, что подавляющее большинство этих лиц осуждено по обвинению в антисоветской агитации. В отношении всех этих лиц пленум признал, что в их высказываниях не содержалось призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, уголовные дела в отношении их производством прекращены и осужденные реабилитированы ("Туркменская искра", 9 мая 1989 г.).

Нет подобных решений в отношении лиц, осужденных до начала тридцатых и после 1953 года. Более того, при рассмотрении индивидуальных ходатайств о реабилитации суды пытаются отстаивать справедливость обвинений в антисоветской агитации и пропаганде, подчеркивая тем самым политический характер судебной расправы и ложные, конъюнктурные мотивы теперешней реабилитации.

В 1969 году студент Саратовского университета Александр Романов был арестован, обвинен в антисоветской агитации и осужден за участие в политических кружках коммунистической направленности, признанных судом "антисоветскими". Участники группы, в частности, распространяли письмо бежавшего на Запад советского дипломата Ф. Раскольникова Сталину. После открытой публикации в советской печати этого письма Романов обратился с ходатайством о реабилитации в Верховный суд РСФСР. Суд, несмотря на доводы А. Романова, ссылавшегося на открытую публикацию письма Ф. Раскольникова, признал приговор обоснованным, поскольку, по мнению суда, А. Романов входил в "антисоветские группы", которые "распространяли клеветнические измышления, порочащие советский государственный строй, а также распространяли и письменные документы такого же содержания" ("Новое Русское Слово", 28 июля 1989 г.).

Один из основателей Неформального Народного Фронта Латвии Инт Цалитис в 1958 году был осужден за "антисоветскую агитацию и пропаганду". "В 1983 году, - вспоминает И. Цалитис, - я спросил у майора (КГБ. - авт.) Рудзитиса, за что же меня осудили в 1958 году. Он ответил, что ничего "такого" в общем-то не было, просто тогда была такая политическая обстановка, в создании которой я не принимал участия" ("Атмода", 17 июля 1989 г.).

При партийных комитетах, обладающих реальной властью, и руководимых ими Советах созданы комиссии по реабилитации репрессированных в эпоху сталинского террора. Член политбюро А. Яковлев, возглавляющий партийную комиссию по реабилитации, отвергает саму идею полной реабилитации всех репрессированных, полагая, что их дела следует рассматривать "в обычном, индивидуальном порядке" ("Собеседник" № 24, 1989 г.). Скажем, так, как Верховный суд РСФСР рассмотрел ходатайство А. Романова.

Положение независимых общественных групп и наделенных широкими полномочиями официальных комиссий неодинаково, между тем все они выдвигают одно и то же требование о реабилитации. Положение людей, имеющих по сути одинаковое право на реабилитацию, оказывается неравным, что противоречит идее восстановления законности. Представляется, что при Верховном Совете СССР следовало бы образовать общегосударственную комиссию по реабилитации, которая рассматривала бы дела в зависимости от характера преследования, а не от времени, в течение которого оно происходило, по признаку отношения власти к гражданским и политическим правам человека. Такой подход позволил бы вывести процесс реабилитации из-под безусловного партийного контроля и направить деятельность судов по пути соблюдения принципа равенства граждан перед законом.

Реформа уголовного законодательства

Пункт 2 программы Ассоциации посвящен реформе советского законодательства в соответствии с международным правом, созданию условий, в которых продолжение политических репрессий стало бы невозможным.

Требование об отмене ст. 6 Конституции СССР, предусматривающей руководящую роль КПСС в обществе, выдвигается сейчас повсеместно как исходное положение для реформы всей юридической системы страны. Менее выяснены некоторые другие вопросы, например, о том, су-

ществует ли в советском праве принцип презумпции невиновности обвиняемого, искажается или затушевывается вопрос о назначении суда присяжных, предпринимается попытка не допустить возникновения независимого от властей профессионального союза адвокатов.

Казалось бы, что и без того ограниченное право обвиняемого на защиту, установленное в советском уголовно-процессуальном законе, позволяет отрицательно ответить на вопрос о том, есть ли в советском праве принцип презумпции невиновности обвиняемого. Но есть в законе статьи, создающие видимость демократической законности, наличие которых дает повод утверждать о якобы присущей советскому праву демократической основе, рассматривать судебный произвол и внесудебную расправу как проявление некомпетентности отдельных ответственных работников, а не как систему узаконенного произвола. Такова статья 160 Конституции СССР.

"Никто, — сказано в этой статье, — не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию, иначе как по приговору суда и в соответствии с законом". В советской литературе принято считать, что в ст. 160 законодатель закрепил принцип презумпции невиновности. Так ли это на самом деле и действительно ли советское уголовное право не нуждается в коренной реформе?

Допустим, что ст. 160 Конституции действительно выражает одну из основ советского уголовного процесса — презумпцию невиновности обвиняемого со всеми вытекающими отсюда последствиями для участников процесса. Тогда "соответствие закону", указанное в статье, означает необходимость проверки вынесенного судебного приговора на предмет его законности и обоснованности, то есть соблюдения ряда условий, в частности, обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 158 Конституции СССР).

Однако, когда приговор уже вынесен, писать о соответствии его закону означает: а) ставить под сомнение любой приговор, констатировать скептическое отношение законодателя к уголовному правосудию, или б) усматривать в решении суда какие-либо иные, помимо оговоренных в законе, основания для привлечения к уголовной ответственности. И то, и другое отрицает законный характер судебного решения. Следовательно, любой судебный приговор соответствует закону, иначе он не может быть вынесен. Значит, к уголовной ответственности можно привлекать по любому — законному или незаконному основанию. Отсюда вытекает, что презумпция невиновности обвиняемого в советском уголовном праве не существует.

Конечно, практически отдельные судебные решения пересматриваются и меняются. Более того, количество таких решений от общего числа велико (приблизительно две трети всех судебных решений), что, кстати, тоже связано с отсутствием законности. Мы же имеем дело с конституционными основами правосудия, которые не исключают, а дополняют друг друга, образуя одно единое целое — судебную систему, и не изменяются от того, отменяется ли старый приговор или провозглашается новый. В советском суде не приговор подлежит проверке законом, а наоборот, суть закона определяется содержанием судебной практики. Конституция СССР 1936 года, например, практически не менялась, хотя именно она лежала в основе как сталинского "большого" террора, так и хрущевской "оттепели" как основной закон страны.

В научной литературе стало традицией рассматривать порочную судебную практику в отрыве от законов, правил и предписаний государственной власти, как будто не власть виновата в произволе, а конкретный состав суда, конкретный чиновник, не исполнивший указания свыше.

Доктор юридических наук С. Г. Келина и академик В. Н. Кудрявцев в книге "Принципы советского уголовного права" (М., 1988) пишут, что даже в первые годы своего существования "советское" государство якобы "исключало возможность преследования за политические взгляды как таковые" (с. 72), как будто и не было ленинских указаний об учреждении в середине 1918 года концентрационных лагерей для "сомнительных", знаменитого декрета о красном терроре от 5 сентября того же года. По мнению обоих авторов, сталинский террор "противоречит природе социалистического общества".

"Это принципиальное положение, — продолжают они, — было зафиксировано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 июля 1946 года: "...по общему смыслу советского уголовного законодательства наказание может быть назначено судом лишь в случае признания подсудимого виновным в совершении определенного преступления". Авторы почему-то не учитывают, что само законодательство было террористическим: оно не только карало за идеологическое отступление, но и предусматривало принцип аналогии, в соответствии с которым практически любое деяние могло быть признано преступным и "виновному" в определенном таким образом "преступлении" назначалось наказание, что и делалось.

Можно перечислить и другие, не названные авторами судебные решения о "наистрожайшем" соблюдении законности в судах. Так, например, в постановлении пленума Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1930 г., пр. № 16, предлагалось "обратить внимание судов на абсолютную недопустимость расширительного применения ст. 58¹⁰ УК. По статье 58¹⁰ УК должны квалифицироваться лишь действия, содержащие в себе прямые признаки, предусмотренные этой статьей и носящие контрреволюционный характер".

Сколько же судей было уволено от должности за несоблюдение указанного постановления? В 1978 году пленум Верховного суда СССР принял нашумевшее тогда постановление "О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту". Почему бы тогда не называть время "застоя" периодом наибольшей законности?

Представляется, что презумпция невиновности имеет прямое отношение не к отправлению судебной власти, а к основным правам и обязанностям граждан. Например, в абзаце 2 ст. 27 Конституции Итальянской Республики сказано, что "обвиняемый не считается виновным впредь до окончательного осуждения". Ст. 27 расположена в части Конституции, определяющей права и обязанности граждан. Если бы новая конституция восприняла опыт Италии, то принцип равенства граждан перед законом и судом не мог бы быть нарушен судьями с той легкостью и безнаказанностью, как это есть и было до сих пор, когда указанное положение относится не к общегражданским, а судебным правоотношениям и по существу освобождает судей от обязанности уважать и соблюдать гражданские права обвиняемого, в том числе право на защиту.

Изменение судоустройства

Программа Международной ассоциации советских политзаключенных ставит задачей создание условий по предотвращению новых репрессий. К ним относятся и предложения по проведению судебной реформы.

Суд присяжных, упраздненный с установлением большевистской диктатуры, как известно, представлял собою гарантию объективного и беспристрастного судопроизводства. В демократических странах большинство дел рассматривается судьей единолично, и только в 2-4 процентах всех случаев - с участием коллегии присяжных заседателей. Мы считаем, что восстановление суда присяжных при рассмотрении обвинений в особо опасных государственных преступлениях должно быть признано обязательным. По остальным категориям дел - возможным.

По поводу введения заново суда присяжных высказываются предложения как "за", так и "против". Против коллегии присяжных выступает и только что избранный Съездом Советов на пост председателя Верховного суда СССР Е. А. Смоленцев. Свою точку зрения на присяжных он высказал на Съезде, затем повторил ее в интервью газете "Известия" 22 июля.

Председатель Верховного суда считает, что присяжные не могут дать ответа на вопрос о виновности подсудимого, так как, в отличие от профессиональных судей, они не подготовлены к "отысканию доказательств и точной оценке их".

На это можно возразить тем, что присяжные не являются и не должны быть профессиональными судьями, на них не лежит обязанность в отыскании доказательств и их юридической оценки. Профессиональный судья, как известно, решает вопросы права, то есть дает юридическую оценку действиям обвиняемого. Присяжные решают вопрос факта, не вдаваясь в юридическую квалификацию. Е. А. Смоленцев явно путает эти две совершенно очевидные вещи.

Казалось бы ясно, что народный заседатель как судья абсолютно ничего не стоит. Его присутствие на месте судьи опасно вдвойне. Его участие в процессе на месте судьи является фикцией, так как, не зная всех особенностей процесса и юридической стороны конкретного дела, он вынужденно бездействует. Не имея юридической квалификации, он вынужден поддерживать мнение профессионального судьи по юридическим вопросам. В лице народного заседателя в его теперешней функции мы имеем пародию на судью.

Председателю Верховного суда Е. А. Смоленцеву дело видится иначе. "...Если ввести институт присяжных заседателей, - говорит он, - то интересно знать, из кого бы они состояли? В основном из тех же юридически малоосведомленных людей! Значит, проблема в том, чтобы улучшить качественный состав народных заседателей". Другими словами, заменить их профессиональными судьями? Нет, Смоленцев такого не предлагает. Народные заседатели, по его мнению, должны оставаться народными заседателями. И даже более того, он предлагает увеличить их численный состав в судебной коллегии до трех-четырёх человек, прибавив к ним двух постоянных судей, чтобы мнение "малоосведомленных людей" не перевесило мнения профессионалов.

Но справедливо ли уравнивать просвещенного человека и невежду? И разве не заложено в самой идее приравнивания юриста к

дилетанту отрицания справедливости? Не есть ли такой состав суда – безответственная игра в правосудие? Нет ли в этом обстоятельстве одного из условий, способствовавших судебным расправам в недалеком прошлом? И о каком правовом государстве можно говорить, как говорит Е. А. Смоленцев, если сохранить нетронутой такую в корне несправедливую структуру суда?

Думается, что обсуждаемая реформа должна разделить функции профессиональных работников суда и лиц, приглашаемых в суд для участия в отправлении правосудия, без чего трудно надеяться на улучшение качества судебных решений.

В дискуссии юристов на тему о праве на защиту, организованной редакцией издающейся в Армении газеты "Коммунист", верно отмечалось, что руководители правоохранительных органов потому и выступают против восстановления института присяжных заседателей, что им придется резко повысить качество своей работы, работать так, как суды не работали уже семьдесят лет, и что сложившаяся за это время структура суда привела к тому, что многие специалисты обладают чрезвычайно низким уровнем правовой культуры. Суд присяжных поможет дисциплинировать процесс и обвинения и защиты, переосмыслит фигуры прокурора, адвоката, судьи, их роль и значение (11 июля 1989 г.).

Помощь для политзаключенных

В местах лишения свободы в СССР все еще есть политзаключенные, осужденные за осуществление ими прав человека. Так, в августе 1989 г. газета "Экспресс-хроника" сообщала о недоставке адресатам писем политзаключенного в тюрьме г. Горис Армянской ССР Эдуарда Александровича Крицкого. Он был арестован 1 мая 1980 г. за то, что вышел в Кривом Роге на Первомайскую демонстрацию с плакатом "Профсоюзам – свободу от КПСС, рабочим – мяса", и осужден на три года лишения свободы за хулиганство. В 1983 году, находясь в лагере, был осужден повторно по ст. 190¹ УК РСФСР за распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, в третий раз осужден за неповиновение требованиям администрации в 1986 году. В настоящее время Эдуард Крицкий находится на строгом тюремном режиме.

Всеукраинское общество репрессированных на учредительном собрании 3 июня 1989 г. потребовало немедленного освобождения из заключения узников совести Богдана Климчука, Сергея Бабица, Павла Камповая и Виктора Баранова. Освобождение из заключения Сергея Бабица последовало через несколько дней.

Побывавшие в пермском лагере ВС-389/35 американские конгрессмены Фрэнк Вулф и Кристофер Смит считают, что многие из осужденных, с которыми они встречались и беседовали здесь, являются политзаключенными. В частности, они называют имена Леонида Лубмана, обвиненного за описание биографий коррумпированных советских чиновников в измене родине, и вернувшегося на родину из-за границы Валерия Смирнова, также обвиненного в измене родине.

Политзаключенными люди становятся и в лагере. Директор Центра по изучению лагерей в СССР А. Шифрин рассказал о заключенном Викторе Николаевиче Зонове, который, находясь в лагере № 41 Иркутской области, осмелился заявить начальству о невыполнимости

норм выработки. За это В. Н. Зонов был помещен в специальную "психзону" в лагерной больнице, где его кололи галоперидолом, пока не наступил паралич. После этого его вновь привезли в лагерь, чтобы показать в назидание другим заключенным ("Новое Русское Слово", 18 апреля 1989 г.).

Программа Международной ассоциации советских политзаключенных учитывает, что пенитенциарное законодательство СССР не соответствует международным стандартам о правах и обязанностях заключенных. В программе содержится требование о расширении, в связи с международной практикой, прав заключенных в соответствии со Стандартами минимальными правилами обращения с заключенными, принятыми Первым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с нарушителями 30 августа 1955 года.

Одной из важных задач пенитенциарной реформы, по нашему мнению, должно быть прекращение всеобщего применения принудительного труда в местах лишения свободы, как это сделано в цивилизованных странах. Согласно международным обязательствам СССР в указанной области, практика применения принудительного труда в этой стране незаконна. Необходимо, чтобы в конституционных актах принципы наказания и ограничения прав осужденных были отрегулированы с исчерпывающей полнотой. Можно было бы, по примеру Конституции ФРГ, установить в разделе конституции об основных правах и обязанностях граждан положение о том, что "принудительный труд допускается только при лишении свободы по приговору суда" (ст. 12, абзац 3), что исключило бы злоупотребление правом наказания со стороны государства.

Политзаключенные, оказавшиеся на свободе, в большинстве своем совсем не чувствуют себя "вернувшимися к нормальной жизни", как утверждает председатель КГБ СССР В. Крючков ("Вашингтон пост", 8 сентября 1989 г.). Они по-прежнему не устроены в жилищном плане или по работе, а нередко снова попадают под арест за активную политическую деятельность.

По сообщению новосибирской газеты "Молодость Сибири", 23 апреля в Нарыском парке был задержан милицией и затем, без права на юридическую помощь, осужден к административному аресту бывший политзаключенный Алексей Мананников, которому на этот раз вменялось в вину участие в несанкционированном собрании, сведений о котором А. Мананников не имел и участия в котором не принимал. В знак протеста, после вступления решения суда в силу, А. Мананников объявил голодовку.

Предусмотренная программой Ассоциации организация помощи советским политзаключенным, находящимся в СССР и за рубежом, включает в себя оказание доступной материальной помощи и содействие в адаптации в новых условиях в случае эмиграции из страны; содействие возвращению утраченной жилой площади, восстановлению на работе, прекращению срока принудительной работы в трудовой стаж, предоставлению материальной компенсации политзаключенным и семьям погибших, восстановлению в гражданстве лиц, лишенных его по политическим мотивам; публичное расследование в отношении организаторов, инициаторов и исполнителей репрессий и привлечение их к ответственности без срока давности.

В работе международной организации советских политзаключенных заслуживает внимания издание серии мемуарной литературы бывших узников для того, чтобы попытаться создать для потомков

картину истории человеческих страданий, хотя, по определению А. И. Солженицына, "все, кто глубже черпанул, полнее изведаль, - те в могиле уже, не расскажут. Главного об этих лагерях уже никто никогда не расскажет" ("Архипелаг ГУЛаг", ч. 3, вступление).

В более полном исследовании нуждается и история правозащитного движения в СССР - предтеча сегодняшних перемен. Крупнейшей на сегодняшний день работой в этой области остается книга Людмилы Алексеевой "История инакомыслия. Новейший период", написанная по материалам бюллетеня "Хроника текущих событий" и выпущенная издательством Khronika Press в 1984 году. В Советском Союзе подобных исследований еще не было. Представляется, что сейчас самое время сделать эту тему предметом научных исследований, чтобы лучше понять происходящие перемены.

Согласно уставу, Международная ассоциация советских политзаключенных имеет такую организационную структуру: председатель, координационный комитет, казначей, информационная группа в составе координационного комитета, редколлегия журнала "Вестник МАСП" и юридическая служба. Высшим органом является съезд.

Общество имеет свою эмблему. По форме эмблема Ассоциации напоминает земной шар, разделенный на две части. В первой, левой части изображен земной шар, во второй части, справа, находится тюремная решетка. Первая часть символизирует международный характер Ассоциации, вторая - масштабы советской лагерной системы - ГУЛаг. Обе части соединяются между собой веткой вербы, символизирующей возрождение, то есть освобождение общества от политического террора и лагерной системы. Деление на две части означает, что Ассоциация состоит из советского и зарубежного отделений. Поверх изображения тюремной решетки и земного шара следует повторяющая их по форме окружность с надписями на двух языках - русском и английском: Международная Ассоциация Советских Политзаключенных.

Заботы новоявленного Сытина

Владимир БАТШЕВ

Осенью 1986 года, когда появились первые явные признаки гласности, когда, как грибы после дождя, стали появляться всевозможные *самодельные* объединения и литераторы при встрече вместо "что пишешь?" стали спрашивать друг у друга: "Ты, говорят, счет заимел?", я впервые вернулся к своей старой мечте.

На основании Положения о любительском (самодельном) клубе (объединении) вы считались таковым, если имели счет в банке и печать. Но не всем открывали счета. А тем более давали печати.

Писатели-сатирики Владимир Латушов, Сергей Ларионов, Виталий Скуратовский, Владимир Капианидзе, Сергей Лузан и Виталий Новлянкин объявили себя Московским клубом смеха, приняли соответствующий устав и стали искать организацию, к которой можно притулиться (ибо по Положению нужна организация-учредитель). Такая организация нашлась - объединение по интересам "Лефортово"

Калининского района Москвы (название объединения поначалу на- вевало грустные мысли, но позже выяснилось, что оно дано не от одноименной тюряги, а от прежнего названия района). Поначалу "Лефортово" было организовано при районном комитете физкуль- туры и спорта, позднее выделилось в экспериментальное хозрас- четное творческое объединение - странный гибрид государственного и кооперативного хозяйственных механизмов.

Что давало МКС (Московскому клубу смеха) "Лефортово"? Крышу. И возможность зарабатывать деньги. Сначала за выступление пи- сатель-сатирик получал 7 руб. 50 коп., затем - 15 рублей.

Вопрос об оплате очень важен. Особенно среди сатириков. Юмористический рассказ стоит в любой областной или республикан- ской газете от 3 до 5 рублей. В "Литературной России" - до 20 рублей, в "Литгазете" - до 30 рублей. Но центральные органы коррумпированы настолько, что прорваться на их страницы практи- чески невозможно. Латушов, к примеру, печатался в "Литгазете" в 1974 (два рассказа), в 1976 (рассказ), в 1978 (афоризм), в 1988 (рассказ). Это при том, что в других газетах и журналах им опубликовано около трехсот рассказов. (Вообще после ухода Ильи Сулова в 1973 из отдела юмора "Литературной газеты" отдел ка- тился по наклонной вниз, возглавляемый то запойным Виктором Веселовским, то выдвиженцем московского комсомола Андреем Яхонтовым - хорошим парнем, неплохим прозаиком, но занимавшим явно не свое место.)

Любой писатель-сатирик рассылает свои рассказы по провинции. Официально закон этого не запрещает, но существуют неписаные законы, запрещающие, например, печатать одни и те же произ- ведения, минуя "ступени", то есть - после районной газеты можно напечатать рассказ (очерк, стихотворение) в областной, потом в республиканской, потом в центральной, но не наоборот: сначала - в центральной, потом - в районной. Его просто не напечатают, а если напечатает и узнают истинное положение вещей, то больше вас пуб- ликовать не будут. Не принято - хотя нет запрещений! - печатать одни и те же произведения в сопредельных областях, ибо соседи обмениваются периодикой и могут высказать недовольство, что одно и то же произведение в соседних газетах.

Так что никогда я не посылал один и тот же рассказ во Вла- димирскую и Рязанскую газеты. Нет, если во Владимир, то уж - в Мурманск, или в Улан-Удэ, или в Магадан. Разумеется, по будням посылается в молодежные газеты, в партийные - только к празд- никам: к Новому году, 8 марта, 1 апреля, 1 сентября...

Стас Афанасьев из Иваново в лучшие годы обслуживал 250 га- зет и журналов Советского Союза - он только на машинистку тра- тил до 150 рублей. Но Стас - инвалид, у него было много времени для рассылки. А если ты живешь в Москве, то приходится бегать по редакциям. Первые экземпляры требуют теперь всюду, но когда Стас давал мне список "кормушек" в провинции, то против некоторых га- зет стояло "берут 2-е экз.". Это экономило время, а другим - деньги.

В лучшие годы при интенсивном рассылке я зарабатывал до 150 рублей в месяц. Это - в 1975-77, тогда каждая уважающая себя газета считала долгом иметь страницу юмора, как в "Литературке". Некоторые даже публиковали острые сатирические произведения. Например, рижская "Советская молодежь" (в ней юмором ведал Ев-

гений Марголин), "Советская молодежь", но в Нальчике (там хулиганил В. Котляров), и "Калининградский комсомолец". После юмористических хулиганств по решению свыше в 1978 году отделы юмора в этих газетах были закрыты.

Вообще в эпоху застоя, как ни парадоксально, юмору больше везло, чем в эпоху гласности. Сатире не везло никогда. Сергей Ларионов до сих пор держит в столе две сатирические пьесы - "Австралийская родственница" и "Переезд", хотя десять других - не сатирических - его пьес поставлены в разных театрах страны. Его сатирическая проза вообще не известна читателю. Повесть "Круг почета", написанная 13 лет назад, была отвергнута *всеми* литературными журналами. А сегодня, когда автору предложили ее напечатать (вспомнили!), он отказался сам.

Владимир Капианидзе безусловно один из лучших советских сатириков. Его беда (по советским стандартам) - мало эстрадности. Его надо читать, а не слушать, как популярных зубоскалов Жванецкого, Задорнова, Альтова, Мишина, Смолина. Я помню, когда я слушал сатирический рассказ "Сыны Отчизны" - о том, как человека пытаются в 37-ом году в застенках НКВД, я одновременно смеялся и плакал.

Виталию Скуратовскому, в общем, везло. Он изобретателен - ставит с ног на голову самые обычные жизненные ситуации. Бедноватость языка и сухость стиля компенсируются алогизмом обычного. Довольно часто публиковался, но лень мешала ему печататься больше. К тому же в 1985 году его посадили "за видео": при обыске нашли "Последнее танго в Париже" и припаяли два года, которые он отбывал в Ярославле. (Рассказать бы Бертолуччи!) Когда же Скуратовский вышел из тюрьмы, то попал в автокатастрофу и почти полгода пролежал в больнице в тяжелом состоянии.

Но вернемся к нашим баранам.

С мая 1987 до февраля 1988 года Московский клуб смеха довольно активно выступал в Москве: обслуживал предприятия, учреждения, организации. В обеденный перерыв или после работы выступали четыре-пять человек, из них один автор-исполнитель с гитарой. В феврале в клубе начались разногласия, и "старички" - те, кому было за сорок, - вышли из Клуба и образовали новое объединение - МОПС (Московское объединение писателей-сатириков), выбрав председателем С. Ларионова. Постепенно в МОПС перешли почти все сатирики, группирующиеся при Московском клубе смеха, а сотрудничать с МОПС стали и корифеи, известные писатели-сатирики А. Арканов, А. Иванов, актер и режиссер В. Шилковский и другие.

Но как у МКС, так и у МОПСа не было издательской базы. А возможность занять ее была. И есть. Но - нет издательских прав. Издательские права даются Госкомиздатом тем организациям и учреждениям, которые имеют на то право. Имел ли такое право литературный клуб? Никто не может дать ответа. Не просто сказать - "нет", а дать аргументированный и документированный ответ. Но не может сказать и "да". По всей вероятности, литературный клуб по закону имеет на то право, но этих прав не получит и никогда, ибо кроме закона существует масса подзаконных, а честно говоря - *незаконных* актов, инструкций, постановлений, положений, ликвидирующих любое благое законодательство. А без издательских прав вы ничего не сможете издать. Не имеете издательских прав - с вами не будут разговаривать в главлите, в мособлгорлите. А без

ЛИТА ни одна типография не примет вашего заказа, обещая вы им хоть золотые горы и кисельные берега в виде премий за быстроту выполнения заказа. Главлит страшнее КГБ. И, разумеется, сильнее.

Но была еще одна возможность реализовать написанное – кооператив.

Вес 1987 год шли разговоры и дебаты в печати о кооперативных издательствах. "Московский литератор" напечатал даже Положение о кооперативном издательстве при Московской писательской организации и проект ее Устава. В "Литературке" и "Известиях" велись споры. Я сочинил Устав книгоиздательского товарищества и пошел с ним в Моссовет к Лужкову, который велел кооперативами. Зарегистрировать Устав отказались по той причине, что по поводу кооперативов нет инструкций, да и закона о кооперации еще нет.

– Хорошо, подождем, – сказал я.

Закон обещали опубликовать зимой, а стояла осень. Но – вдруг, как по команде, все разговоры в печати о кооперативах прекратились. Оказалось, что есть закрытое письмо ЦК, в котором издательские кооперативы признаются ненужными. Пресловутое "есть мнение". Этого письма никто из кооператоров не видел, но о нем мне рассказал крупный чиновник Госкомиздата, с которым меня познакомили. Чиновник, кстати, сказал, что издательские права получить можно, но для этого надо сделать то-то и то-то.

МОПС нашел "крышу" в "Импульсе" – очередном хозрасчетном объединении, но при Севастопольском райкоме комсомола. Руководитель "Импulses" Михаил Чернышев оказался человеком широко мыслящим. Он прекрасно понимал, что писатели в хозрасчетном объединении (а "Импульс" занимался вычислительной техникой, строительными работами, досугом молодежи) придадут ему вес и популярность.

Но издательских прав "Импульс" не получил. Для этого нужно было отношение райкома комсомола, а отношение такой несерьезной организации как комсомол для Госкомиздата оказалось недостаточным. Я позвонил главному редактору кооперативного издательства (несуществующего) "Весть" Юре Ефремову и поинтересовался, как идет его дела.

– Добрались до помощника Горбачева, – обнадежил главный редактор меня и себя, – вручили письмо о наших проблемах...

"Весть" заявила о себе первой. В ней собрались известные писатели и публицисты: Каверин, Окуджава, Василь Быков, Чередниченко, а также не известные массам литераторы. Но и "Весть" в тупике, потому что закрытое письмо ЦК КПСС касалось всех кооперативных издательств.

Весной 1988 года вышел Закон о кооперации. На книгоиздательскую деятельность в нем запрета не было. Памятуя о принципе генсека – "все, что не запрещено – можно", – кооперативные издательства вновь зашевелились.

Мое – говорю мое, а не наше, ибо я его организдовывал, создавал, редактировал рукописи, перепечатывал у Жанны Николаевны, собирал сборники "Литературный календарь", – издательство "Товарищество литераторов" выпустит следующие книги (те, что готовы и отредактированы – наивно объявил, что в 1988 году, потом написал, что в 1988–89, позже – вообще не указывал срока):

1. В. Капианидзе. "Сыны отчизны". Сатирические рассказы.
2. С. Ларионов. "Круг почета". Сатирические рассказы и повесть.

3. В. Латушов. "Вещие сны". Фантастические повести и рассказы.
4. В. Карев. "Признание Трутня Королеве Пчел". Историческая повесть.
5. В. И. Сафонов. "Нить Ариадны". Книга о Неведомом.
6. И. Коротков. "Автономная группа". Исторический роман.
7. В. Скуратовский. "Бриллианты для Клавы". Юмористические рассказы.
8. Л. Губанов. "Всадник во мгле". Стихи. Воспоминания о поэте.
9. С. Морозов. "Ноготь". Стихи. Воспоминания о поэте.
10. А. Васютков. "Площадь Маяковского". Поэтохроника.
11. "Литературный календарь". Альманах.
12. "Пассажир". Дайджест для чтения в транспорте.
13. "Чудаки". Сборник сатиры и юмора.
14. "Жертвы Сталина" в 2-х томах. Составитель Д. Юрасов.
15. А. Горохов. "Грань". Роман.
16. Д. Драгунский. "Дядя". Повести и рассказы.
17. И. Гольман. "Два дня в конце зимы". Детективные повести.
18. В. Сальников. "Дьявол и генерал". Фантастический роман.
19. В. Лобов. "Без неба". Фантастические повести.
20. В. Карев. "Константин Селиванов: апология бриллиантового голубя". Историческая повесть.
21. "Литературный календарь". Альманах второй.
22. С. Ларионов. "Сталинский комсомолец". Сатирические рассказы.
23. В. Латушов. "Ничтожность". Роман.
24. Д. Калюжный. "В лоб и по лбу". Юмористические рассказы.
25. А. Пельтцер. "Пифагор". Исторический роман.
26. В. Карев. "Комикс в стиле лубка: перчатки из человеческой кожи". Историческая повесть.
27. А. Мещеряков. "Избранные стихи".
28. А. и Б. Стругацкие. Собрание сочинений. Том 1.
29. Е. Крохмаль. "Шинель". Сатирические пьесы.
30. В. Карев. "Лабиринт из будуаров". Историческая повесть.

И еще десять рукописей находилось в работе.

Как видите, в первый год я хотел выбросить на рынок в большинстве своем *коммерческие* издания - исторические романы, фантастику, сатиру и юмор, детектив, книгу телепата Сафонова, велась работа над трехтомником Ф. Зигеля об НЛО (Неопознанных летающих объектах). Со Стругацкими велись переговоры об издании их собрания сочинений.

Но не было издательских прав.

В 1988 году большинство полиграфических предприятий перешло на хозрасчет, и типографские услуги резко и сильно вздорожали.

Но я держался, и в голове созрел новый план. Дмитрий Калюжный, бывший фельетонист и сторож по совместительству, организовал кооператив. "Дедал" - гордо назывался кооператив, и Дмитрий Калюжный твердо уверен, что в отличие от неразумного сыночка Дедал долетит до цели.

"Дедал" - многопрофильный кооператив: он изготавливает элементы питания для электронных приборов, ведет строительство и ремонт, организует выступления артистов и писателей-сатириков, совершает закупки и пр. Я предложил ему заняться книжной торговлей. Организовать или арендовать книжный магазин для торговли книгами кооперативных издательств, машинописными сборниками молодых поэтов и - моя хрустальная мечта! - русскими книгами

зарубежных издательств. Мне казалось, что я даже внешне напоминаю господина Сытина, хотя никогда в жизни не видел давно почившего в бозе российского книготорговца.

Книжная торговля должна была стать ступенью к созданию своего издательства. "Дедал" заключил договор с "Международной книгой". Суть его состояла в том, что "Дедал" выполняет для иностранных заказчиков покупку, упаковку и отправку книг, которые не смогла купить, упаковать и отправить "Международная книга".

В ноябре 1988 мы приступили к работе. Если "Международная книга" из 2000 наименований лишь одного из множества списков смогла выполнить семь (за счет большого количества заказанных экземпляров социалистическими странами), то "Дедал" - 90, из которых 70 составляли заказы капиталистических стран, притом, в основном, единичные заказы (1-3 экземпляра).

По договору "Международная книга" платит "Дедалу" за услуги советскими рублями и лишь 5% валюты. Но эту валюту "Дедал" сможет получить лишь в 1990 году.

Я хотел заинтересовать зарубежные издательства и книготорговые фирмы (того же Нейманиса) экспортировать книги в Союз. Да, у нас только рубли. Увы! Неконвертируемая, никому не нужная бумага с водяными знаками. Вернее, нужная, но только в Советском Союзе, а не на Западе, и не на Востоке, Дальнем и Ближнем.

Но - мы предлагаем бартерные сделки! Может, вам нужны советские книги? Или металлолом? Или керамзит?

30 декабря 1988 года прогремел гром. Вышло постановление Совета Министров СССР о запрещении заниматься определенными видами кооперативной деятельности. Издательские кооперативы, равно как видео- и кинокооперативы, попали под него безоговорочно. 30 декабря я успел получить деньги за сценарий, по которому кооперативная видеостудия "Магика" снимала рекламный ролик о БЕЛАЗе. Человек, выдававший деньги, еще не врубился в постановление, я же понял сразу и молил Бога только об одном: пусть заплатит то, что причитается по договору...

Позвонил Дмитрий Калужный и сообщил, что "Дедал" также попадает под постановление. По разделам, касающимся издательской, кино-видеопроизводящей и прокатной деятельности и... книготорговой: ибо в группе 2 сказано, что "книготорговая деятельность возможна по договорам с организациями".

Вскоре мы вели переговоры с "Миром" и "Книгой" - издательствами, имеющими непосредственный выход на внешний рынок. Правда, они заломили цену за сотрудничество, но спорить мы не стали: прижатый к стенке бюрократической машиной, кооператив должен был остаться дееспособным.

Чтобы наладить экспорт в СССР русских книг, изданных вне Союза, еще более необходимой стала моя поездка за границу. Нужно было на зарубежной полиграфической базе договориться об издании книг "Товарищества литераторов".

Ознакомившись с каталогом Нейманиса, я понял, что 95% его наименований могут быть проданы в СССР с прибылью и для кооператива, и для издательств, выпустивших их, и для авторов, и для книготорговцев. Ведь в СССР за три года перестройки издана 1/10000 (одна десятитысячная) того, что может быть издано, что должно дойти до русского читателя!

Дай Бог, чтобы мне удалась моя миссия за рубежом!

Запоздалое признание

(Статистика преступности в СССР)

Александр ЮГОВ – Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

А. Ю. Еще недавно советские газеты писали, что Америка охвачена ужасом. Самая сильная, самая богатая капиталистическая страна мира трепещет от страха. Все – от школьников до полицейских – боятся преступников. Сегодня в той же "Правде" или "Литературке" читаем, что чудовищные, невероятные преступления совершаются у нас.

"Смотрю на телеэкран: убийство, рэкет, разбой... Читаю почту: убили, напали, еще убили... Звонят из Ленинграда: сын вышел из дома и не вернулся – нашли изуродованный труп через несколько дней. Звонят из Оренбурга: дочь возвращалась от подруги – изнасиловали, убили. Из Омска, Ташкента, Гомеля, Запорожья – все то же, все то же... Зачем подробности? О них пишут теперь едва ли не ежедневно" (Литгазета, 27. 9. 1989).

"Пост на Рязанском шоссе. Недавно бандиты убили здесь двух инспекторов.

22 часа 35 минут. На пикет "Абрамцево" обратилась гражданка А. и заявила, что в Абрамцеве двое неизвестных насилуют ее подругу. Прибыв на место происшествия, милиция обнаружила изнасилованную девушку и двух преступников, которые пытались скрыться. После предупредительных выстрелов мерзавцы задержаны.

22 часа 40 минут. Старший лейтенант милиции Александр Подобный вынужден открыть предупредительный огонь из автомата, чтобы остановить "Жигули" с пьяным водителем.

02 часа. Чуть не сбив старшего лейтенанта Василия Фирсанова, ВАЗ-2109 промчался на пересечении Балаклавского проспекта и Симферопольского шоссе. Офицер преследовал нарушителей. После предупредительных выстрелов они остановились. При осмотре задержанной машины обнаружены: наручники, молоток, обмотанный мягким материалом, нож, отмычки для вскрытия автомашин, резиновый шланг с металлическим наконечником. Что называется, набор для "джентльменов с большой дороги"... "Любимый город может спать спокойно"? (Правда, 11. 10. 1989).

Дошло до того, что 4 августа 1989 года Верховный Совет СССР принял постановление "О решительном усилении борьбы с преступностью". В нем сказано: "в стране резко возросла преступность". Созданы особые ВК, временные комитеты по борьбе с преступностью.

В чем же дело? Что такое вдруг с нами стряслось?

Получается, что преступность – это оборотная сторона гласности. Не было гласности, тишь и благодать царили в стране. Советская пресса писала о преступлениях как о случаях единичных. Давайте сегодня, Фридрих Евсеевич, поговорим о проблеме преступ-

ности. Более двадцати лет вы проработали в советской юстиции. Были, что называется, и в нападении, и в защите. Работали следователем прокуратуры, потом адвокатом. Как вы восприняли это необычное признание власти о национальном бедствии – разгуле преступности в нашей стране?

Ф. Н. Тишь да гладь, Александр Михайлович, царили на страницах печати, но не в жизни. В повседневной жизни мы, юристы, давно уже видели небывалый, пугающий рост преступности. Мы оказались невольными свидетелями как жестоких насильственных преступлений, так и изощренных преступлений корыстного характера. И все это в тысячном, миллионном тиражировании. Самое печальное: преступность у нас массовая. Нечего на Америку кивать, коль скоро у самих "рожа крива".

Давайте подсчитаем, сколько людей было осуждено в нашей стране с шестидесятих годов, со времени принятия ныне действующего уголовного законодательства. Цифра известна, 19 июля 1989 г. "Литературка" назвала ее: тридцать пять миллионов! Десять миллионов из них осуждены повторно, избрали нормой жизни преступную установку, то есть стали уголовниками-профессионалами. А скрытая от посторонних глаз так называемая латентная преступность экономического характера? Она, как и уличная преступность, тоже генерируется советским образом жизни. Метастазы ее распространились от Кремля до самых до окраин.

Злоупотребления, взятки, хищения, приписки к планам, мошенничество - вот что совершается повсеместно, ежечасно и в огромных масштабах. Все это - советская "беловоротничковая" преступность, о существовании которой никогда не говорится в советской печати применительно к СССР. В орбиту скрытой преступности в СССР втянуто не менее 20 миллионов советских людей. (Ф. Незнанский. Статистика преступности в СССР. "Посев" № 5, 1979 г.)

...в наши дни... эта цифра подошла к отметке - 30 миллионов... (Ф. Незнанский. Неразрешимые проблемы социализма. "Посев" № 2, 1987 г.)

Не люблю громких слов, но не покривлю против правды, если скажу, что именно эти обстоятельства – массовая преступность и несправедливость, царящая в сфере юстиции, и, как результат, бессилие честного юриста сделать что-либо толковое в этой бездарной советской юридической системе, – и были, наряду с другими, подлинными причинами моего отъезда из России. Бывало, я обивал пороги партийных и государственных учреждений, редакций, обращая внимание сильных мира сего на проблему преступности, но, как и многие другие, лишь расшиб лоб о глухую стену советской действительности.

Помню, я принес статью, поднимающую проблему наркомании, в одну из центральных газет. Известный журналист (сейчас он специализируется на проблемах права и, надо сказать, неплохо

работает) просмотрел мой материал и спросил с присущей ему иронией: "Где вы, товарищ следователь, видели в нашей стране хоть одного живого наркомана?" Я оторопел и указал на свой портфель, разбухший от толстого дела, по которому проходило тридцать спекулянтов наркотиками. Но солидный журналист лишь покачал головой и в свою очередь показал мне справочник Главлита, где черным по белому было написано, что "проблемы наркомании в СССР не существует".

Разумеется, не я один пытался обратить внимание партийной власти на проблему преступности, на ее ужасающий рост. Многие практики и ученые предупреждали о том же. И если бы Политбюро, Совет министров прислушались к нам, уверен, что до такого страшного разгула преступности, какой наблюдается нынче, не дошло. А ведь известно: от массовой преступности до хаоса один шаг.

Проблема преступности, с моей точки зрения, давно уже является одной из глобальных проблем нашей страны. Наряду с экономической и национальной. Об этом я писал в "Посеве" еще десять лет назад. По сути, сегодняшнюю Россию можно сравнить со страной, оккупированной врагом. Идет необъявленная война не на жизнь, а на смерть. Есть даже своеобразный комендантский час — многие ли из наших соотечественников решатся выйти из дома после десяти вечера?

А. Ю. Сейчас газеты и журналы заполнены письмами людей, обеспокоенных ростом преступности, зывающих о помощи. Возьмем одно из них, хотя бы вот это, письмо ткачихи Т. Мордашевой из Ярцева, опубликованное 18 августа 1989 года в "Труде":

"Страну, похоже, захлестывает волна преступности, на улицу по вечерам стало опасно выходить — могут избить, ограбить, изнасиловать. У наших доморощенных рэкетиров и мафиози современное оружие: слезоточивый газ, пистолеты, даже автоматы иностранного производства. У них — прекрасная физическая подготовка, знание приемов каратэ, дзюдо, боевого самбо. А что мы, простые граждане, можем им противопоставить? Просьбы, уговоры, крики о помощи? Работников милиции катастрофически не хватает, а преступный мир нагнет."

Ф. Н. Да, письмо неутешительное. Мордашева предлагает вооружаться:

"В печати сообщалось, что в Венгрии недавно разрешили продажу оружия самозащиты — имитацию (муляжи) боевых пистолетов, баллончиков со слезоточивым газом. А может, и у нас в стране пора выдавать разрешения на ношение хоть какого-то оружия (допустим, тех же газовых пистолетов) людям тех профессий, которые стали в последнее время наиболее рискованными, — кассирам, почтальонам, таксистам? И почему бы на телевидении не ввести показ самообороны? Понимаю, конечно, что такими методами с преступностью не справиться, что "вольное" распространение оружия недопустимо. Но по крайней мере многие из нас стали бы чувствовать себя не такими беззащитными".

А. Ю. Интересно узнать, знакомят ли у нас следователя или адвоката, так сказать, по долгу службы, с судебной статистикой?

Ф. Н. У нас не принято было оглашать абсолютные цифры. Судебная статистика подавалась в процентах, в сравнении с прошлым

годом. Но для внутреннего пользования на различных совещаниях и оперативках сообщались иногда абсолютные цифры: предположим, количество умышленных убийств по городу Москве или Московской области за прошлый год, число хулиганов по Краснодарскому краю по состоянию на первый квартал текущего года, сумма хищений по министерству торговли РСФСР за полугодие и т. д.

Официально же статистика преступности в течение 60 лет скрывалась не только от народа, но и от ученых-криминологов. А бороться с преступностью, не зная цифр, не проводя анализа, разумеется, нельзя. Во время вспышки эпидемии врачи ведь не только лечат больных, но и бьют по очагу инфекции. Мы же наблюдаем другое. На протяжении многих лет советская репрессивная машина ведет борьбу не с причиной, а со следствием. Поэтому-то ей и не нужна была уголовная статистика.

Советские официальные круги потому-то и не хотят публиковать статистику преступности в СССР... тогда пришлось бы признать, что преступность в Советском Союзе огромная, а анализ этой статистики неизбежно привел бы к выводу, что существование сокращения преступности в условиях социализма невозможно. (Ф. Незнанский. Статистика преступности в СССР. "Посев" № 2, 1979 г.)

А. Ю. Говорят, что статистика – служанка истины. Думаю, что именно поэтому партийная власть держала уголовную статистику под замком. Засекречивание или рассекречивание уголовной статистики – акции скорее политические, чем юридические.

Ф. Н. Вы правы. В 20-е годы статистика публиковалась. Указания на абсолютные цифры были последний раз даны в 1928 году в сборнике "Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917-1927" (Москва, 1928, с. 109). Там было сказано, что "в 1924 году в народные и губернские суды Союза поступило 2,5 миллиона дел, а в 1925 году число их сократилось до 1,4 миллиона". Но уже в начале 30-х годов Сталин покончил с этой "порочной" практикой. Тюрьмы и лагеря заполнились миллионами "зэков". Преступники в чекистской форме чинили над ними расправу.

А. Ю. Да, теперь даже КГБ признает, что за пять предвоенных лет в стране было арестовано около 20 миллионов граждан, 7 миллионов из них было расстреляно. Всего, полагают, в годы террора погибло от 30 до 40 миллионов людей. В этих условиях Сталин и засекретил уголовную статистику. Только секретность позволяла Сталину и его подручным поддерживать ложную видимость благополучия в состоянии преступности.

Но вот произошло событие, которое нам следует обсудить. 8 и 14 февраля 1989 года в "Известиях" впервые за шестьдесят лет были опубликованы данные о преступности в нашей стране. Статистика ошеломляющая! Министр внутренних дел В. Бакатин сообщил в своем докладе, что в 1987 году выявлено 1 миллион 286 тысяч лиц, совершивших преступления. А в 1988 году зарегистрировано уже 1.867.223 преступлений. Это на 68,7 тысячи, или 3,8 процента боль-

ше, чем в 1987 году. И Бакатин говорит, что преступность у нас, увы, продолжает расти.

Вот подтверждение: 11 октября 1989 г. "Правда" сообщила, что за девять месяцев 1989 года преступность резко возросла...

Ф. Н. Извините за то, что перебиваю. Но в действительности преступлений больше, чем огласил Бакатин. Главный информационный центр МВД СССР сообщает, что в 1988 году в органы внутренних дел и прокуратуры поступило около 4 миллионов заявлений и сообщений о преступлениях. Если быть точным, то 3 907 564 заявления.

А. Ю. Как вы восприняли эту опубликованную судебную статистику? Была ли эта информация для вас неожиданной?

Ф. Н. Нет. В пятом номере журнала "Посев" за 1979 год была опубликована моя статья "Статистика преступности в СССР". В ней за десять лет до советской публикации была раскрыта судебная статистика в нашей стране. Там были приведены абсолютные цифры по многим параметрам по состоянию на 1976 год.

А. Ю. Помню эту вашу статью. В то время я был ответственным секретарем редакции. Это была первая ваша публикация в нашем журнале, не правда ли? Помню, статья вызвала отклики. Некоторые читатели не были согласны с автором. Одни считали - статистика занижена, другие - завышена.

Ф. Н. Это естественно. В то время не было официальных данных. Я попытался приоткрыть занавес таинственности, показать некоторые цифры преступности в СССР. Их мне удалось получить в прокуратуре и милиции, так сказать, негласно. А некоторые приведенные данные я вывел самостоятельно, зная средние цифры различных категорий дел. Поясню. Я часто был дежурным следователем прокуратуры Москвы. Дежурство таких следователей проходит на Петровке, 38, в ГУВД (Главном управлении внутренних дел) Мосгорисполкома. В течение суток следователь выезжает на места происшествий, если поступает сигнал о насильственной смерти. Так вот в течение десяти лет приблизительно раз в месяц я выезжал на все убийства, самоубийства, случившиеся за сутки в Москве. Конечно, я мог вычислить средние данные об умышленных убийствах в столице.

После публикации этой статьи, где мною приведены таблицы как статистики судимости за 1976 год, так и статистики числа заключенных на 1 января 1977 года, у меня, как и предполагается в подобных случаях, были неприятности. Мне не верили некоторые западные ученые и особенно наши, отечественные диссиденты. А "доброжелатели" иногда и угрожали: закрой, гад, свой поганый рот, а то не доживешь до понеделника; не клевети на наш советский государственный и общественный строй, самый передовой в мире...

А. Ю. Теперь выясняется, что власти оказали медвежью услугу своей же системе правосудия, наложив табу на эту проблему. Чего они добились?

Ф. Н. Добились роста, невиданного зроста преступности. А также возникновения новых видов преступлений.

А. Ю. Интересно, понес ли кто-либо из кураторов органов правосудия ответственность за все эти безобразия: сокрытие статистики, рост преступности?

Ф. Н. По-моему, никто. Ни члены Политбюро, ни крупные партийные работники из государственно-правового (административ-

ного) отдела аппарата ЦК КПСС, ни руководители советской юстиции. Нынешние руководители органов Крючков, Сухарев, Павлов, Трушин и в брежневское время занимали ответственные посты в различных юридических ведомствах.

Что и говорить, публикация уголовного статистики в СССР — шаг прогрессивный. Среди проблем построения правового государства одна из основных — борьба с преступностью, обеспечение реальной безопасности граждан, борьба с коррупцией. Да и методы борьбы с преступностью сами должны быть безупречными с точки зрения их законности и обоснованности.

А что мы видим? Советские судьи во главе с председателем Верховного суда включены во временные комитеты по борьбе с преступностью! Но ведь судьи к борьбе с преступностью не призваны. Их дело вершить правосудие независимо от меняющихся установок директивного права. Ведь провозглашено Конституцией: суд независим и подчиняется только закону.

Хочу напомнить вам, Александр Михайлович, одно изречение Дизраэли: "Статистика является одной из форм лжи". Этим великий английский государственный деятель, видимо, хотел сказать, что мнение "статистика знает все" — преувеличение. Я считаю, что гласность лишь приоткрыла ворота наших знаний о преступности в СССР, но отнюдь не сказала всего. Не сказала, например, о том, что в нашей стране существует многомиллионная преступность экономического характера. Латентность, то есть скрытость должностных и хозяйственных преступлений, совершенных из корысти, а также хищений очень высока. В упомянутой статье я писал о том, что в орбиту скрытой преступности в СССР втянуто не менее 20 миллионов советских людей.

Сейчас я нахожу подтверждение этому в советской печати. "Известия" писали 8 февраля 1989 года, что взяток выявляется около 2%, хищений в торговле — 46%, в местной — 25%, в мясомолочной промышленности — всего 6 процентов. Мой бывший коллега по Мосгорпрокуратуре, ныне завсектором общих проблем криминологии ВНИИ Прокуратуры СССР, Азалия Долгова образно назвала опубликованную статистику "только верхушкой айсберга". В "Вечерней Москве" (6. 3. 1989) она сообщает о своем исследовании, оно было посвящено латентной преступности.

Меньше всего граждане сообщают о том, что у них вымогали взятку (25%), об обмане их в качестве покупателей (18%), о спекуляции (14%), о разного рода поборах (10%). А советские газеты пишут: "за девять месяцев нынешнего года преступность в сфере экономики снизилась на 2,6 процента по сравнению с тем же периодом прошлого года" (Правда, 11. 10. 1989).

Еще одно замечание: судить о реальных тенденциях в состоянии преступности по данным за два года невозможно. Криминолог должен знать цифры за десятилетия, чтобы оценить нынешнюю обстановку. Я хочу сказать, что необходимо от частичной информации переходить к более полной.

А. Ю. Давайте, сравним некоторые "ваши" цифры с "бакатинскими". К примеру, сколько умышленных убийств в СССР? Какие цифры вы указали тогда в "Посеве"?

Ф. Н. В своей статье я тогда писал, что "в 1976 году в Советском Союзе были убиты преступниками 15 879 человек, а в США — 18 780. Если исходить из коэффициента преступности, как это

делают статистики, то разница не слишком велика. В Соединенных Штатах Америки убивают 9 человек на каждые сто тысяч населения, в СССР – 6". Сейчас же читаем: "уровень убийств в СССР в расчете на 100 тыс. человек – 5,9 против 8,9 в США" (Аргументы и факты № 35, 1989, с. 8). Так что сами можете убедиться в том, что "мой" цифры соответствуют бакатинским.

Задача "догнать и перегнать Америку" ставилась партийным руководством не раз еще со времен первой пятилетки. Общеизвестно, что задача эта была выполнена по ряду показателей, например, по производству угля или цемента на душу населения. Гораздо менее известно, что задача эта грозит быть выполненной по показателям менее приятным - по числу убийств и, вероятно, ряду других уголовных преступлений... (Ф. Незнанский. Статистика преступности в СССР. "Посев" № 5, 1979 г.)

В "Известиях" от 14 февраля было сказано, что в 1987 г. в стране было совершено 14 651 умышленное убийство, а в 1988 г. – 16 710 убийств. Есть и более свежие данные. 16 сентября 1989 г. те же "Известия" опубликовали материал "Преступность в цифрах". За январь-август 1988 г. было зарегистрировано в стране 10 646 умышленных убийств, за тот же период 1989 г. уже 13 700 убийств. Это на 3 054 убийства (28,7%) больше, чем в прошлом году. Статистика тревожна. К сожалению, не приведены данные за 1976 г. Но если проанализировать эти цифры, то видно, что "моя" цифра количества убийств за 1976 г. соответствует истине.

Имеются сведения, что в течение шести лет – с 1979 по 1984 год количество убийств в стране увеличилось. Совершалось ежегодно около 20, а в некоторые годы – около 21 тысячи умышленных убийств. В 1985 году, к примеру, в стране было совершено более 20 тысяч убийств. Следовательно, я был прав, когда говорил о том, что СССР догоняет США по отдельным видам преступлений. Выходит, что по количеству умышленных убийств мы уже догнали Америку.

А. Ю. А как другие цифры?

Ф. Н. Сообщают, что в 1988 году общее число преступлений – 1,8 миллиона. Я указывал, что в стране в течение года совершается более двух с половиной миллионов правонарушений. Сейчас подтверждено: в 1983, 1984 и 1985 годах всего в стране совершалось ежегодно более 2 миллионов преступлений. Но все эти данные не стали в свое время достоянием общественности.

А. Ю. А что было бы, если статистика преступности, опубликованная в нашем журнале, стала бы достоянием общественности? Повлияло бы это на нынешний уровень преступности?

Ф. Н. Могло повлиять. Представьте себе, Александр Михайлович, такую фантастическую картину. Выходит статья в "Посеве". Советское правительство реагирует нормально, то есть подтверждает эти цифры. К проблеме преступности тут же приковывается внимание нашей общественности, прессы, юристов. Следует ответная ре-

акция и властей, и общества. В этом случае, безусловно, проблема преступности за десятилетие была бы уже наверняка смягчена. Не было бы такого разгула, как сейчас. Вот вам плата за страх со стороны тоталитарного государства, боящегося обнажить перед народом и миром свои язвы и проблемы...

Надо сказать, что мои данные относятся к судимости, в то время как опубликованные цифры, в большинстве своем, относятся к количеству преступлений, лишь часть которых доходит до суда. Кроме того, в приведенной мною таблице значатся обобщения, как говорят юристы, "виды преступлений": преступления против личности, хозяйственные преступления и т. д. А в советских статистических данных фигурирует более узкая классификация, как говорится, "отдельные составы преступления": грабеж, разбой, кражи личного имущества и т. д. Из-за этого возникают трудности в сравнении. Но оно все же возможно.

Поясню на примере. В своей таблице я указываю, что в 1976 году было осуждено 976,09 тыс. человек. Мы не располагаем официальными данными за этот год. Но у нас есть цифры за 1988 год. Проанализируем их.

В 1988 году поступило 3 907 564 сообщения о преступлениях. Из них 3 441 910 разрешены в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Из этого числа лишь по 37,1% заявлений возбуждены уголовные дела. Это - 1 278 141 дело. Но это не значит, что все эти дела закончились обвинительными приговорами в судах. Значительное их число было прекращено в стадии следствия. Это обстоятельство, к слову, и является важной особенностью современной криминологической обстановки в нашей стране. "Ножницы" между зарегистрированной преступностью и судимостью постоянно растут.

Доктор юридических наук В. Лунеев указывает ("Совгосправо" № 8, 1989), что в 1988 году было зарегистрировано 1 867 223 преступления, по которым выявлено 1 286 505 лиц, совершивших преступления. Нераскрытыми остались 463 306 преступлений (24,8%).

На стадии предварительного следствия были освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям еще 474,2 тыс. человек. В суд направлены уголовные дела на 736 тыс. обвиняемых (57,2% лиц от общего числа выявленных преступников). Количество осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, составило 679,1 тыс. человек. Судиами оправданы 4939 человек. В отношении 43,8 тыс. человек дела прекращены в суде. Таким образом, если сравнить не совсем сопоставимые показатели - число зарегистрированных преступлений и число осужденных в 1988 году, - то последние составят 36,4 процента от числа зарегистрированных преступлений. Следовательно, практически 2 преступника из 3 не понесли судебной ответственности!

Как видим, только треть зарегистрированных дел заканчивается наказанием преступников. В 1988 г. таких было 679,1 тыс. человек. В 1976 году - 976,09 тыс. человек. Что ж, сопоставление вполне корректно.

Или у меня есть графа - преступления против личного имущества граждан. В 1976 году было осуждено 151 934 человека по этому виду преступлений. В таблице, опубликованной в "Изве-

ствиях" за 14 февраля, указана графа - кражи личного имущества. В 1987 году, к примеру, их было совершено 401,5 тыс., а в 1988 году - уже 548,2 тыс. Казалось бы, несоответствие?

Во-первых, наблюдается небывалый рост краж. Во-вторых, милиция заставляет теперь регистрировать кражи, а раньше они часто скрывались от учета. В-третьих, в моей таблице речь идет о лицах, а в опубликованной - о количестве краж. А мы уже знаем, что 2 преступника из 3 не несут судебной ответственности.

А. Ю. Это как раз и настораживает. В 1988 году почти полмиллиона зарегистрированных преступлений остались нераскрытыми. Раскрываемость составила всего 75 процентов?

Ф. Н. Да. Бакатин сообщил, что в прошлом году не раскрыто по линии уголовного розыска и следствия 463 тысячи преступлений. Из них - 1 558 убийств (это только с прошлого года). А всего "багаж" - два миллиона нераскрытых дел в стране. Тот же Бакатин считает, что по сравнению с западными странами с высокоорганизованной полицией, где раскрываемость колеблется от 21% (США) до 70% (Япония), удельный вес раскрытых преступлений в нашей стране, если учесть недостаточные кадровые, организационные и технические возможности ведомств юстиции, можно признать удовлетворительным.

А. Ю. Вы согласны с такой оценкой?

Ф. Н. Согласиться с такой постановкой дела, разумеется, нельзя. Уже накопилось 2 млн. нераскрытых преступлений. Более того, мы хорошо знаем, что значительное число случаев, а это сотни тысяч дел, не регистрируется, а то и укрывается милицией. Система оценки работы милиции по уровню зарегистрированных преступлений (чем меньше, тем лучше работают) порочна, уводит от реальной борьбы с преступностью. Приведу интересный факт: два миллиона жалоб поступило за год на милицию. Половина из них, рассказывающая об укрытии преступлений, подтвердилась (Известия, 8. 2. 1989).

А. Ю. А как в других странах обстоит дело с регистрацией преступлений? Тоже скрывают?

Ф. Н. Не без этого. Соккрытие преступлений - общий бич и полиции, и милиции. Но в Японии, к примеру, считается, что полиция заинтересована в наиболее полном отражении преступности в учете. Это поощряется. Значит, суть в организации дела. К слову, статистика преступности в этой стране поставлена отменно. В Японии издаются статистические ежегодники полиции, прокуратуры, суда, пенитенциарных органов и органов службы защитного надзора (за условно-досрочно освобожденными, условно осужденными и др.). Научно-исследовательский институт министерства юстиции Японии обобщает эти данные и, снабдив комментариями, издает в виде "Белой книги о преступности". В сборнике 350-450 страниц, много таблиц и графиков. Кроме того, главное полицейское управление издает "Белую книгу полиции", в которой наряду с материалами, отражающими различные стороны деятельности полиции, содержатся и данные о преступности.

А. Ю. Это пример, достойный подражания. Я читал материал, опубликованный 18 сентября 1989 г. в "Известиях". Уголовная статистика августа, да и других прошедших месяцев, тоже тревожна. Темпы прироста преступлений продолжают держаться на уровне 40%, а удельный вес тяжких составил 80%. Если за восемь месяцев

прошлого года всего было зарегистрировано 1 140 264 преступлений, то за тот же период текущего года уже 1 518 647. Темпы прироста в абсолютном выражении 378 383 случаев, в процентном выражении - 33,2 процента.

Или вот более свежие цифры из "Правды" за 11 октября 1989 года. Отмечается снижение преступности экономического характера, но говорится, что "в целом оснований для оптимизма все же пока маловато. За девять месяцев этого года органами внутренних дел и прокуратуры страны зарегистрировано 1 750 794 преступления - на 33,3 % больше аналогичного периода прошлого года. Тревожит рост тяжких преступлений - на 42,4%, имущественных - на 54,1. На 77,1% выросла уличная преступность. Особенно распространены тяжкие преступления в Азербайджане и Грузии, Тувинской и Татарской АССР, Пермской, Кемеровской и Челябинской областях. На 46,5% возросли хищения оружия и боеприпасов. Сейчас в розыске находится 647 автоматов Калашникова и 1.998 "Макаровых". Отличаются темпами уличной преступности Эстония, Литва, Марийская, Татарская АССР, Камчатская область, Ленинград и Москва".

Ф. Н. Эта статистика подтверждает, что особо заметен рост преступности в тех регионах, где наблюдаются межнациональные конфликты: Азербайджан, Грузия, Эстония, Литва. Другое обобщение. Заметен рост преступности в тех местностях, где наше государство, используя паспортные ограничения, держит людей, в прошлом судимых. Это Тува, Татария, Камчатка, Пермская, Кемеровская, Челябинская области.

Поэтому понятно "почему" значительное количество преступлений совершается в городах и поселках городского типа. Так, в 1988 г. в городах совершено 1 337 760 преступлений. Каждые 3 из 5 убийств, 5 из 7 тяжких телесных повреждений, 7 из 11 изнасилований.

А. Ю. А как обстоит дело по республикам?

Ф.Н. Уровень преступности в стране (в расчете на 100 тыс. населения) составил 657,1 преступлений, что на 17,8 превышает уровень прошлого года. Существенный рост тяжких преступлений произошел в Молдавии (46,8%), Киргизии (21,8%) и Белоруссии (16%).

А. Ю. Является ли актуальной проблемой "пьяная" и "наркоманийная" преступность?

Ф. Н. Безусловно. На почве пьянства в 1988 году совершено 362 096 преступлений, в том числе 9 398 умышленных убийств. Зарегистрировано 26 054 хищения, незаконного изготовления, сбыта наркотических средств. В целом по стране выявлено 124 тысячи потребителей наркотиков, из которых 70 тысяч - лица, признанные большими наркоманиями. Но эксперты полагают, что число потребителей наркотиков в СССР в 5-6 раз больше. Наркомания прогрессирует. Число наркоманов, состоящих на учете в диспансерах, в 1988 году возросло на 12,8 процента.

Подобно колумбийской или американской наркомафия в СССР также похожа на спрута. Ситуация в Средней Азии, Амурской области, на Украине очень тревожная. В стране до сих пор нет общенациональной программы по борьбе с наркоманией. Нет единого органа, который координировал бы и контролировал всю эту работу в целом по стране. Нет также фонда для ее финансирования. К примеру, в США недавно выделено несколько миллиардов долла-

ров на борьбу с наркобизнесом. Если в США или ФРГ специализированные силы по борьбе с наркомафией насчитывают по несколько тысяч человек, то в МВД СССР таких профессионалов лишь около 900.

Индикатор черного рынка показывает резкое - втрое - повышение цен на гашиш, марихуану и другие опии. Цена 1 килограмма соломой опийного мака достигает 2 тысяч рублей, а 1 кг опия - 100 тысяч рублей. А всего 8 лет назад она не превышала 6 тысяч рублей. Недавно проведенная во всей Средней Азии и в Казахстане операция "Мак" выявила глубоко законспирированные межрегиональные связи торговцев наркотиками, каналы их доставки. Только за последние три года перед судами Туркмении предстало более 400 дельцов наркобизнеса. Дельцам наркобизнеса грозит до 15 лет лагерей, но это не гасит жажду наживы.

Не спадает волна хищений наркотических веществ из аптек и медицинских учреждений. Растет число потребителей сильнодействующих лекарств и психотропных средств. Главным образом это происходит в среде молодежи.

А. Ю. Да, особое беспокойство вызывает преступность среди несовершеннолетних.

Ф. Н. Посмотрите: в 1988 году 184 874 подростка в возрасте 14-17 лет совершили преступления, что на 18 315 человек больше, чем в 1987 году. А вот еще более тревожная цифра: 88 тысяч преступлений совершено подростками в группе, а это наиболее опасно. На 19 процентов увеличилась среди несовершеннолетних так называемая рецидивная преступность. Следовательно, речь идет о еще не полноценных гражданах, но уже о рецидивистах, совершивших повторно кражи, ограбления, изнасилования...

А. Ю. А сколько особо опасных преступлений совершено подростками?

Ф. Н. В течение 1988 года подростками совершено 478 убийств, 3 705 изнасилований, 12 589 грабежей, 15 388 хулиганских проявлений. Если за восемь месяцев прошлого года несовершеннолетними совершено 105 117 преступлений, то за тот же период 1989 года уже 128 254 преступлений.

А. Ю. Каков социальный состав молодых правонарушителей?

Ф. Н. Из общего числа правонарушителей-подростков 25,4% школьники, 29,0% учащиеся ПТУ. Обращает на себя внимание тот факт, что на 9,2% произошло увеличение числа совершивших преступления в возрасте 14-15 лет.

Еще недавно не только "Правда", но и "Советское государство и право" писали, что преступность в расчете на 10 тысяч населения за послевоенные годы сократилась в два раза. Особенно уменьшилась преступность несовершеннолетних.

Сегодня же мы читаем, что подростковая преступность огромная - 527 тысяч подростков стоят на учете в милиции, 100 тысяч осуждено за преступления с отсрочкой исполнения, на 10 тысяч несовершеннолетних в год выпадает 107 преступлений. Важной чертой криминологического неблагополучия в нашей стране являются более высокие по сравнению со среднестатистическими показателями (в 2,9 раза) темпы прироста преступлений несовершеннолетних.

Каждое десятое преступление у нас совершается подростками. А такие преступления, как изнасилование, грабеж, разбойные нападения, - практически каждое пятое. Преступная активность подрост-

ков в 2-3 раза выше, чем остальных граждан.

А. Ю. Рост этой самой молодой и самой "перспективной" преступности заметен во многих регионах. Все мы читали материалы о Казани. Там мафиозные группы состоят в большинстве из подростков. А "группировки" склонны к преступной консолидации, что умело используется организованными преступниками.

При проверке выяснилось, что около восьми тысяч заявлений пострадавших, получивших телесные повреждения, в Казани попросту не рассматривались местной милицией. Газеты приводят пример: парню выбили глаз, а в конечном результате он стал обладателем справки, что-де, мол, сам ударился о дерево. С одной стороны, скрыто чье-то преступление, с другой - хорошенькое же мнение сложилось у этого парня и его близких о справедливости отечественной юстиции!

Ф. Н. Мне хотелось бы обратить ваше внимание на особую дерзость и цинизм преступлений, совершаемых нашей молодежью. Я прочитал в газете "Молодежь Эстонии" за 17 августа 1989 г. статью корреспондента ТАСС Д. Копылова под названием "Страшная история, рассказанная в электричке".

...В подмосковную электричку вошла группа - человек восемь крепких ребят и девушка. Ребята сбросили со скамейки пожилую чету с ребенком. Девушка разделась догола, расположилась на освобожденной скамье, и один из парней вступил с ней, как говорится, в "интимные отношения"...

Когда "представление", происходившее на глазах взрослых и детей, было окончено, парни потребовали от пассажиров по десять рублей "за сеанс". Если в первые моменты и были попытки сопротивления со стороны молодого мужчины, то после нескольких ударов кастетом по его голове остальные пассажиры проявили "благоразумие"... Недостоящие до названной суммы рубли парни компенсировали золотыми вещами. Двигались они, как контролеры, - с двух сторон и минут через пять сошлись в центре. Ошарашенные и испуганные люди трясущимися руками выкладывали трешки, пятерки и рубли.

Из всех пассажиров, доехавших до Москвы, никто в милицию не заявил. Это известно точно. Лишь по воле случая журналист познакомился с Еленой С., которая и рассказала эту историю. Копылов побывал в управлении милиции на транспорте. Его начальник Е. Ромахов сказал, что на протяжении нескольких месяцев этого года его управление буквально атаковано письмами и звонками по поводу случаев разбойного нападения со стороны подростков в электропоездах. Например, милиция узнала, что поздно вечером в вагон химкинской электрички зашли трое и, угрожая автоматами, буквально до нитки раздели пассажиров, а дело было зимой.

А. Ю. Думаю, что вы напрасно особый цинизм и дерзость приписываете только подросткам. Скорее всего, эти трое с автоматами были вполне взрослыми людьми. Я считаю, что жестокость вообще присуща значительной части населения нашей страны. Это издержки коммунистического воспитания. Сообщало же ленинградское телевидение, что при опросе выяснилось, что более 70% людей не только за смертную казнь, но и сами готовы привести ее в исполнение.

Есть и такие, кто ставит под сомнение презумпцию невиновности. Сажать! Расстреливать! В одном из городов, кажется в Горьком, коллективы трудящихся на голосование ставили вопрос - обязать суд приговорить подсудимого к смертной казни. И что вы думаете: суд подчинился этому требованию! Что это такое? Это до жути знакомый сталинизм.

Или вот "кувинское дело". О нем сообщил корреспондент "Известий" А. Орлов в номере за 22 сентября 1989 года.

...Вечером 4 июня 1989 г., спасаясь от бесчинства толпы, уехали из своего кишлака в Кувинском районе Ферганской области О. Ломанов и другие. На дороге Ташлак-Кува их "Москвич" остановила группа местных жителей-узбеков. Вооруженные охотничьими ружьями, Турганов и Мирзаев вытащили турок из машины. К ним присоединились другие и стали избивать их.

Некто Акбазов поджег бутылку бензина и бросил в салон "Москвича". Преступники оставили избитых людей связанными на поле и ушли. Рано утром сюда пришли другие местные жители. Некто Жураев на поле изнасиловал М. Ломанову, а Парпиев держал ей руки. Явились остальные с бензином. Облили избитых, измученных, но еще живых людей, Парпиев бросил спичку. Не во времена инквизиции, а в наше цивилизованное время людей сожгли заживо! А в общей сложности в Ферганской долине было совершено в течение нескольких дней около трех тысяч аналогичных и иных преступлений.

Эти случаи более страшные, чем рассказанные вами. И эти преступления совершают не подростки, а взрослые люди. Говорят, что, мол, это - издержки порочной национальной политики. Но мне представляется, что относятся все эти ужасы не столько к национальному вопросу, сколько к проблеме нравственности. Я согласен с вами: нынешняя политическая система сама по себе генерирует преступность в нашей стране. Действительно, десятилетиями не решали накопившиеся насущные социальные и экономические проблемы. Но все же главное - это низкий нравственный уровень не такой уж малой части населения.

Ф. Н. В сводках роста преступности обращает на себя внимание постоянное соучастие во многих жесточайших покушениях на человека и человечность одного и того же действующего лица. Я говорю о преступлениях, совершаемых толпой. Вот озверевшая толпа растерзала двух следователей. А кто громил, жег, убивал и насиловал в Азербайджане, Армении, Узбекистане, в советских республиках, там, где согласно пропаганде, шло воспитание "нового советского человека". Какие масштабы должен принять разгул страстей, чтобы только в связи с событиями в Ферганской долине тягчайшие обвинения были предъявлены двум сотням людей. Это уже какой-то вид то ли организованного бандитизма, то ли неорганизованной преступности.

А. Ю. А как обстоит дело с авариями, преступлениями по неосторожности?

Ф. Н. В 1988 году на дорогах страны зарегистрировано 273 268 транспортных происшествий, в результате которых погибли 47 197 человек, из которых 5 011 детей, получили ранения 297 605 человек. В том же году было зарегистрировано 154 авиационных происшествия, в том числе 16 катастроф, в которых погибло 153 человека.

А. Ю. Вот мы с вами говорим о тревожном положении с преступностью. Этого, однако, не чувствуется из выступлений некоторых официальных лиц. Чаще они говорят об относительно благоприятной среднестатистической картине преступлений. Вот, к примеру, цитата из специального выпуска информационного бюллетеня: "Предпринятые усилия позволили добиться некоторых результатов. В июне в столице зарегистрировано меньше, чем в апреле, тяжких преступлений (на 8,5 процента)." (Известия, 16. 9. 1989).

Ф. Н. Желание показать "хорошие показатели" прямо-таки в крови у советских чиновников. Не удалось выйти сообщение об образовании временного комитета по борьбе с преступностью, как столичные власти спешат рапортовать: нами-де уже приняты меры. Эти самые московские городские власти буквально пудрят нам и населению мозги. Июнь они почему-то сравнивают с апрелем, а тяжкие преступления вырывают из контекста общего состояния преступности.

А. Ю. В связи с этой липой я лишь могу повторить слова из вестинга А. Иллеша из вышеуказанного номера этой газеты о том, что статистика - капризная дама, и безоглядная в нее влюбленность оборачивается рабской покорностью. В нечистых руках она может обосновать все, что угодно: был бы социальный заказ. Ведь не так уж и давно мы были свидетелями, как цифры демонстрировали наши героические свершения, уверенную поступь, ликвидацию организованной и профессиональной преступности, выполнение и перевыполнение планов, а страна на самом деле все глубже увязала в болоте застоя, все больше разрасталась раковая опухоль коррупции и все меньше доставалось советскому человеку на заработанный рубль. По цифрам мы обгоняли многие капиталистические страны, вместе взятые, а что было, так сказать, по жизни, знает каждый. Жизнь не вязалась с цифрами, а потому администраторы не принимали ее в расчет...

Что же делать? Вот в чем главный вопрос. Корни преступности, видимо, следует искать в нашей жизни, в затратной экономике, в ненормальной системе управления, в отсутствии духовных ценностей, в государственном атеизме...

Если выделить преступления, в большинстве своем обусловленные характером советского строя, - такие, как хищения государственного имущества, хозяйственные преступления, должностные, против порядка управления и т. д. - то мы увидим, что по крайней мере 1/3 заключенных отбывает наказания за проступки, обусловленные характером советского строя, проступки, которые в условиях нормального, открытого общества играют весьма незначительную роль. Как и в других областях, система тратит огромные усилия на то, чтобы преодолеть ею же самой созданные препятствия. (Ф. Незнанский. Статистика преступности в СССР. "Посев" № 5, 1979 г.)

По-моему, бороться с преступностью только репрессиями бессмысленно. Нужны кардинальные экономические, социальные и по-

литические реформы, о которых ясно сказано в резолюции Совета НТС "Не перестраиваться, а строить заново".

Ф. Н. Совершенно с Вами согласен. Преступность нужно понимать как социальное явление, на которое воздействует около 250 экономических, социальных, политических, идеологических факторов. Ведомства юстиции могут непосредственно влиять лишь на полсотни из них. Важно осознать, что экономические трудности следует преодолевать экономическими мерами, а политические - политическими, а не уголовно-правовыми. Надо шире использовать международный опыт борьбы с преступностью, накопленный в США, ФРГ, Японии. Борьба с преступностью - это единство трех направлений действий: аналитической деятельности и прогнозирования преступности, предупреждения преступности, деятельности по выявлению совершенных преступлений и привлечения к ответственности.

А. Ю. В заключение, Фридрих Евсеевич, думаю, надо поговорить о взрыве преступности именно за последнее время. Тревожит рост тяжких преступлений - на 42,4 процента, имущественных - на 54,1 процента, уличной преступности - на 77,1 процента. Количество тяжких преступлений возрастает на 1,7 раза быстрее, чем вся преступность. Число умышленных убийств - в 3,7 раза, краж государственного и общественного имущества - в 9,6 раза, грабежей - в 11,7 раза. Обратите внимание, какой убийственный рост преступности!

Ф. Н. Да, взрыв преступности небывалый. И это в период перестройки. А ведь совсем недавно никто из руководителей страны этого не ожидал. 13 апреля 1988 г. глава правительства РСФСР А. Власов (тогда он был министром внутренних дел) выступил перед публицистами. Он заявил, что уровень преступности в стране и тенденции ее динамики у него и его экспертов особого беспокойства не вызывают. Уровень этот А. Власов назвал "очень низким" по сравнению с США, ФРГ и даже Японией.

Мне же кажется, что ни Власов, ни Горбачев до конца не осознали опасность проблемы преступности. Это же национальная трагедия! Ведь этот небывалый скачок преступности (в десять, в одиннадцать раз!) сопряжен с невиданным насилием! Нужно же кричать во весь голос: такого еще не было в истории цивилизованного государства! А эта глобальная проблема даже еще не поставлена на разрешение парламента страны.

А. Ю. Думаю, что отчасти взрыв этот объясняется несбывшимися надеждами. Не произошло кардинальных преобразований в экономике, политике, социальной сфере. И эта вспышка преступности - результат отсутствия изменений. Ведь процесс в обществе не затухает, он тяготеет к скачку. И главное здесь - не констатация факта, даже не научный анализ, свободный от политической конъюнктуры, а изучение конкретики в резком изменении обстановки в стране.

Но я думаю, что о причинах преступности вообще и ее перестроенной разновидности в частности, появлении новых видов преступлений и новых сортов преступников, организации и степени эффективности борьбы с ними, а также о других проблемах, сопряженных с этими темами, мы поговорим в следующий раз.

Как прошла перестройка в Испании

В. ЛАМЗДОРФ

Перестройка в Испании фактически началась еще при жизни генерала Франко и продолжалась несколько лет. Из однопартийной диктатуры Испания превратилась в полноценную демократию, без всяких прилагательных. Как проходила испанская перестройка? Как отразилась она на разных сферах жизни Испании? Общественности нашей страны будет, наверное, полезно бросить ретроспективный взгляд на то, как проходило становление демократии в Испании.

Немного истории

До 1931 года Испания была королевством, более или менее конституционным (скорее менее, поскольку разъединенная коррупцией многопартийная система чередовалась с военными диктатурами, стремящимися "навести порядок"). После очередного такого периода на выборах в местные советы в нескольких крупных городах (в том числе в Мадриде) победили республиканцы. Хотя по суммарному числу голосов по стране победили монархические партии (и по общему количеству поданных голосов, и по числу регионов, где они получили большинство, и по сумме населения этих регионов), король Альфонс XIII предпочел отречься от престола и оставить страну. Была провозглашена республика (вторая по счету).

Республики в Испании "не удаются". Неизменно начинается разгул крайне левых партий, которые бросаются грабить "буржуев" и жечь монастыри и церкви. Так было и на этот раз. На первых же выборах народ возмутился и отдал победу коалиции правых. Но их вопиющая бездарность привела, в 1935 году, к новой победе левых - и все началось с начала.

Республиканская демократия проявлялась оригинально. Когда новый лидер оппозиции монархист Кальво Сотело произнес в парламенте речь, пришедшуюся особенно не по вкусу правительству, его в ту же ночь забрали и запросто расстреляли. Тут уж военные не выдержали и подняли восстание 18 июля 1936 года. В ответ правительство вооружило городские массы и призвало к "солидарности трудящихся всего мира". В Испанию хлынули добровольцы "международных бригад". Началась и затянулась на несколько лет гражданская война, очень похожая на нашу.

Теперь часто представляют, будто "путчисты" восстали против демократии, а "республиканцы" ее защищали. В действительности перед гражданской войной никакой демократии уже не было, в войну за нее не сражался никто. На стороне "красных" воевали, имея

собственные части, анархисты (противники всякого государства, принципиально не голосующие на выборах), правоверные коммунисты (естественно, по тем временам сталинской разновидности), троцкисты (которых к концу войны перерезали сталинцы), каталонские и баскские сепаратисты и, конечно, правительственная армия, в которой географически оказалось немало военных. Они, как правило, воевали честно, хотя доверяли им мало.

На другой стороне были испанские фашисты (тогда это было модно) из партии "Фаланга"; были традиционалисты на севере, главным образом сельские каталонцы и баски, во многом напоминавшие наше казачество: при широчайших местных свободах они резко противились всякому централизму, даже демократическому, поскольку при нем решали их проблемы не они сами, а остальные испанцы (зато их городская буржуазия, желая прибрать село к рукам, создавала националистские движения с централистской программой). Были, конечно, и военные, желавшие "твердого порядка", но без ясного представления, какого именно; многие из них были монархистами, но и те начисто исключали возвращение короля Альфонса, бросившего страну на произвол судьбы. А собственно демократов не было ни на одной стороне – разве что на правах присоединившихся (верующие, как правило, к белым, левые – к красным, но в обоих случаях "несмотря на").

Исход войны решили тылы. Красные ограбили всех "буржуев", сожгли все церкви, перестреляли все духовенство, а на крестьян напустили "аграрную реформу" с продотрядами. На второй и тем паче на третий год войны у них воцарился голод – что пагубно повлияло на мораль войск, особенно новобранцев. Многовластие и внутренние распри тоже содействовали противнику. Зато у белых проблема единовластия решилась сама собой: короля Альфонса не желал никто; у традиционалистов был свой претендент, но он скончался без потомства в самом начале войны; фалангисты не прочь были бы выдвинуть своего лидера Хозе-Антонио Примо де Ривера, но он оказался в красной зоне, где его, недолго думая, расстреляли; лидер военного заговора генерал Санхурхо разбился на самолете. Восставшим пришлось волей-неволей образовать генеральскую хунту, которую возглавил очень популярный генерал Франко. Хунта его назначила "главой государства" и "генералиссимусом сухопутных, морских и воздушных войск", а фалангистов и традиционалистов он объединил в единую партию, из которой "идейные" постепенно стали выбывать, а традиционалисты отошли с самого начала.

Но во время войны на эти "мелочи" никто не обратил внимания. Подъем был всеобщим, порядок – образцовым, экономика в тылу функционировала, и белые, начавшие войну в самых неблагоприятных условиях (у неприятеля оказались лучшие земли, вся промышленность, большинство населения, столица и крупные города, все вооружение и флот, гораздо большая иностранная поддержка), стали осваивать территории (и первым делом кормить голодное население).

После гражданской войны Франко остался у власти и показал себя твердым и дальновидным политиком. Он удержал Испанию от участия в мировой войне, а после нее наладил постепенно рыночную экономику. Испания заняла 13-ое место среди промышленных держав и превратилась в первую туристическую страну мира, благодаря климату, дешевизне, порядку и рекламе, прекрасно поставленной министром Франко Ирибарне.

Переход к демократии

Скончался генерал Франко в 1975 году, в преклонном возрасте, так и не оставив власть, но позаботившись о своем наследии: после его смерти взошел на престол король Хуан-Карлос I, внук Альфонса XIII; законодательная палата "кортесы" (вроде нашего Верховного Совета) послушно проголосовала "за".

И тут начались неожиданности. Все думали, что молодой король назначит премьером Фрагу, самого способного и популярного политика времен Франко. Но, к всеобщему удивлению, он назначил молодого, почти неизвестного Адольфа Суареса, заведующего парт-аппаратом. А Суарес распустил партию, обратил ее имущество в государственное достояние, издал закон, согласно которому кортесы при многопартийной системе выбирались общим, тайным и равным голосованием, и поставил этот закон на всенародное голосование.

Вся разношерстная оппозиция режиму Франко, "от монархистов до анархистов", громко именовавшая себя "демократической оппозицией", была застигнута врасплох. Голосовать "за" означало признать преемника Франко, а голосовать "против" - значило требовать продолжения его режима. Не видя иного выхода, они призвали бойкотировать референдум. Народ, тем не менее, на него повалил и подавляющим большинством закон утвердил. Но отметим: демократия в Испании была введена против воли коммунистов и всех партий, вошедших с ними в блок.

На первые выборы по новому закону записались сотни партий. По всеобщему убеждению, Фрага на них легко должен был взять верх над потерпевшими фиаско левыми силами. Но произошла еще одна неожиданность: Суарес наскоро образовал партию "демократического центра" и представился как "середина" между дискредитированными левыми и "правым экстремистом" Фрагой. При поддержке короля он выборы выиграл внушительным большинством голосов.

Выбранные кортесы объявили себя Учредительным собранием, выработали новую конституцию и после ее утверждения на референдуме самораспустились.

При работе над новой конституцией Суарес настоял на единогласии всех главных партий, и поэтому ее текст часто носит печать компромисса в виде недоговоренностей, двусмысленных выражений, ссылок на будущие законы и т. п. Может быть, это и не плохо: такая конституция ("резиновая", говорят в Испании) "вмещает все", и поэтому мало мешает законодательной работе при любом направлении последней. Для конституции - это известная гарантия долгой жизни.

Во всяком случае, по новой (действующей) конституции испанцы всенародным голосованием избирают кортесы, а те назначают главу правительства. Законодательная власть принадлежит кортесам, исполнительная - правительству. Судьям гарантируется независимость и неснимаемость по политическим причинам. Привоочия короля были урезаны до того, что его функции - чисто представительные. А привоочия государства распределяются, по предметам, между центральным правительством и национальными "автономиями".

Избирательный закон не вошел в конституцию (что тоже правильно). Вокруг него разразился спор: традиционно считается самой демократической пропорциональная система, при которой, мол,

представлены все мнения. Набрала твоя партия 15% голосов – получишь 15% депутатских мест. Противники этой системы резонно утверждают, что при ней невозможно управлять страной: при типичном исходе выборов одна партия не получает достаточно мандатов, чтобы формировать правительство. Оно вынужденно должно быть коалиционным: три-четыре партии делят министерства, как добычу. Но так как каждая из них постоянно ищет партнеров, обеспечивающих ей большую долю пирога, эти коалиции оказываются недолговечными, и в конце концов мелкие партии приобретают влияние, непропорциональное доверию, полученному ими от избирателей. Результаты выборов, таким образом, фактически фальсифицируются. А это что угодно, но не демократия.

Пропорциональной системе противопоставляется мажоритарная, при которой выборы проходят по округам: в каждом из них кандидаты, набравший большинство голосов, получает место в парламенте, а голоса, поданные за его оппонентов, "теряются". Тогда партия, набравшая 15% голосов в каждом округе, не получает ни одного места. Такая система поэтому оставляет место лишь крупным партиям (как правило, двум), стремящимся победить в каждом округе, а также региональным партиям, сильным в определенной местности. Но так как количество мест не пропорционально количеству набранных голосов, то часто выборы решает перемена мнения малого процента избирателей. Это заставляет партии очень чутко реагировать на желания населения.

В Испании спор между системами выборов тоже решился компромиссом: установилась пропорциональная система, но не по всей стране, а по каждой из 54-х провинций. А каждой провинции назначили количество представителей, пропорциональное населению. Так, провинции с миллионным городом посылают в кортесы по тридцати депутатов, тогда как другие выбирают лишь трех-четыре, которые, естественно, всегда принадлежат к самым крупным (или местным) партиям. Малые партии имеют шанс "пробить" депутата лишь в Мадриде и Барселоне. Но и там за них голосуют не особенно охотно: избиратель желает не иметь в кортесах одного бессильного представителя, но влиять своим голосом на состав будущего правительства. Так что на практике испанскую "пропорциональную" систему следует считать мажоритарной.

Жизнь по-новому

На первых выборах по новой конституции опять победил Суарес. То есть по сути победил, как это странно ни звучит, генералиссимус Франко. Действительно, единственной заслугой молодого, неизвестного Суареса было то, что его назначил премьером король, а единственной заслугой короля, тоже молодого и незнакомого, которого считали – несправедливо – не очень умным, было то, что его назначил Франко. Все признавали выдающиеся государственные заслуги Фраги. Но голосовать за него означало идти против воли короля и, следовательно, обрывать преемственность с режимом Франко. На выборах Фрага все же участвовал, но не набрал и десятка мест.

Однако Суарес, столь ловкий в маневрировании для удержания власти, оказался решительно неспособным управлять страной. В стране подпрыгнула преступность, взлетела инфляция, упала биржа, сбежали капиталы. Испанию захлестнула волна забастовок. Партия Суареса, собранная наспех из кого попало, оказалась конгломератом бывших номенклатурщиков из Фаланги, оппозиционеров, тщетно попытавшихся создать собственные партии, и вообще карьеристов, без малейшей идейности (да и кто может быть идейно "центром"?), но с весьма развитым властолюбием. В ней прочно воцарились коррупция, взаимное подсиживание и политической разнობой. Наконец, при общем развале, центристы решили прогнать Суареса как, якобы, виновника всех бед и выйти на следующие выборы без него. Однако поражение на выборах было столь сокрушительным, что они решили партию распустить. Голоса Суареса перешли к Фраге, который стал лидером оппозиции.

А победила социал-демократическая партия под предводительством молодого адвоката Филиппе Гонзалеса, которая при Суаресе стала первой оппозиционной партией. У власти она и по сей день, сумев, худо-бедно расхлебать кашу, заваренную Суаресом.

Коммунисты же, которых при Франко считали главной угрозой, никогда больше двадцати мест не набирали. А когда начали еще и ссориться между собой, то скатились до шести. Националисты прочно заняли позиции в Каталонии и в стране басков. От имени Фаланги выступил добрый десяток партий, но лишь одна из них провела одного депутата в Учредительное собрание, а потом лишилась и его. Анархисты, троцкисты, традиционалисты как политические силы сошли на нет. А Суарес теперь старается воскресить свое детище - новую партию центра, но без особого успеха.

Как же вся эта политическая чехарда сказалась на повседневной жизни испанцев - в области экономики, общественного порядка, культуры, труда, национальных отношений? На эти вопросы мы попытаемся ответить в последующих статьях.

В Испании действительно ликвидирована безграмотность, у нас - только на бумаге; в Испании разрешены не только все религии, но даже пропаганда атеизма, закон пресекает лишь недобросовестные приемы: клевету на священнослужителей или верующих. В Испании цензура на отечественную и ввозную литературу, сперва свирепая, постепенно сошла на нет вплоть до полной отмены. И, заметим, обязательной, как у нас, она никогда и не была... В Испании нет номенклатурных и простых смертных, как у нас, в Испании паспортно-прописочной системы не существует, живи где вздумается, а въезд и выезд из страны ограничивается лишь для подследственных и лиц призывного возраста, ни на одной испанской границе нет ни одного укрепления, хотя бы колючей проволоки, испанская граница так же малозаметна, как, скажем, граница между Московской и Калужской областями. Короче, берите любое право и результат будет один: испанский строй это право своим гражданам обеспечивает, а наш - в гораздо меньшей мере или вовсе нет. (В. Ламздорф "Может ли существовать «хорошая» диктатура?". "Посев" № 5, 1977)

О национальной государственности

Роман РЕДЛИХ

Национальное самоопределение

История - "это история классово́й борьбы," "насилие - повивальная бабка истории" - так учили своих последователей Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Согласно этому в статье "Национализм" в последнем издании "Большой Советской Энциклопедии" написано, что "пролетарское, коммунистическое мировоззрение несовместимо с любой националистической идеологией... Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм - вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того, два мировоззрения) в национальном вопросе" (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 24, с. 123). ...Коммунисты подходят к национализму с принципиальных позиций и оценивают его конкретно-исторически с точки зрения интересов революционной борьбы народов против империализма, интересов мирового социализма".

С перестройкой и гласностью эти ленинские оценки ускоренно изживаются, как изжито уже и сталинское учение о "культуре национальной по форме и социалистической по содержанию", на базе которого преследовался так называемый "буржуазный национализм". Для современного человека, даже советского - национализм оказался вовсе не буржуазным, а интернационализм вовсе не пролетарским. Так что же такое (не с точки зрения интересов мирового социализма, а на самом деле) национальное чувство, национальное самосознание, национальная принадлежность? Что есть национализм всамделишный, одушевляющий людей на жертвы и подвиги, но и толкающий их на кровавые погромы? Достаточно заглянуть в любой советский энциклопедический словарь, чтобы найти в нем справку примерно такого рода.

Стремление к национальной государственности проявило себя с особой силой, начиная со времен Великой французской революции. Требование национального самоопределения стало одним из важнейших революционных требований эпохи. На место суверенитета монарха выдвинулся суверенитет народа-нации, полновластного хозяина заселенной им территории. Понятие демократии, народоправства тесно связалось с понятием нации как самоуправляющегося демоса, революционным путем переносащего на себя прежние права монарха. На место династической державы становится национальное государство. Эта форма государственности господствует в современной политической жизни настолько, что и социалистические державы были вынуждены признать ее основой международных отношений.

В этом описании много верного. В силу краткости, однако, оно слишком уж узко и поверхностно. Национальные связи и националь-

ное жизнечувствие, без сомнения, существовали и до образования демократической государственности. Они присутствовали и в монархических, и в теократических государствах, а в своих особых формах также и в античных полисах и в средневековых городах-государствах.

Словом "национализм" следовало бы поэтому обозначать весь комплекс идей и чувствований, выражающихся в том, что принято называть политикой защиты национальных или государственных интересов, или политическим поведением, направленным на достижение государственных или национальных целей.

Национальные компоненты в жизнечувствии той или иной эпохи могут играть различную роль и нести различные функции. Отграничение соплеменников от инородцев имело место всегда, но формы его выражения бывали очень различны. В древнем мире, например, почти полностью отсутствовало стремление к национальной исключительности, государства строились без оглядки на национальный состав населения, и зачаток национального сознания в его современном понимании можно усмотреть разве что у евреев с возникшей у них идеей избранного народа.

Национальные привязанности Средних веков перекрывались христианским универсализмом и выливались главным образом в формы землячества и единоверия. Средневековый европеец — это в первую очередь дитя Божие, а потом уже немец, француз или итальянец. А русские того времени — это просто "народ православный".

Что же касается современного национализма и его связей с демократической и недемократической государственностью, то нам кажется очень верным наблюдение Хайса, изложенное в его книге С. J. H. Hayes "Evolution of modern Nationalism", N. Y., 1931. По Хайсу, национализм несамостоятельных, угнетенных и борющихся за свое национальное самоутверждение народов легко усваивает идеи народоправства, ратует за суверенитет народа и принимает динамический, прогрессивный и демократический характер, ища в то же время поддержки в идеях международной солидарности и даже космополитизма. Достигнув же устойчивой национальной государственности, национальное самосознание меняется. У сильных и активных народов оно легко становится высокомерным, увлекается жаждой величия и стремится к экспансии. У более слабых оно становится консервативным и ищет, как сохранить достигнутое. И в том и в другом случае понятие нации срастается с понятием государства, ради укрепления и величия которого можно пожертвовать интересами отдельных граждан и отдельных групп граждан, особенно там, где дело касается проживающих на той же территории национальных меньшинств.

И здесь хочется подчеркнуть одну очень существенную особенность нации-народа-племени как общественной группы. В отличие от любых общественных организаций, создаваемых для определенных целей и на основе определенных интересов, национальное единство складывается стихийно. *В народ не вступают, в нем рождаются.* В сознании национальной солидарности, как и в сознании привязанности к своей семье, лежит не только общность вкусов и интересов, но и *общность судьбы.*

Нация и национальная принадлежность, как и семья и принадлежность семейная, относятся к кругу интимнейших и прочнейших связей между людьми. Национальная солидарность, подобно семейной, сопро-

вождает человека всю жизнь. Отречься от своего народа, как и отречься от своей семьи, значит в какой-то мере отречься от самого себя. В известном сталинском определении нации, в деталях довольно правильном, не схвачено это основное и главное – элементарная общность бытия, отличающая семью и нацию от всех других человеческих сообществ.

В соответствии с этим, во введении к "Программе НТС" нация определяется как "органическое объединение людей, сознающих свое единство, творящих общую культуру, спаянных воедино общностью этой культуры, общностью духовных стремлений, государственных и экономических интересов, общим историческим прошлым и, главное, единым устремлением на будущее". Национальное творчество представляется "не только совокупностью творчества современников, но и творческим наследием всех предыдущих поколений", а "национальное чувство есть любовь к историческому облику и творчеству своей нации, вера в ее духовное призвание и воля к ее творческому расцвету. *Национализм отсюда есть система поступков, вытекающих из этой любви, веры и воли!*"

Национальная государственность

Рожденный в Европе в одно время с либерализмом, идейный комплекс современного национализма казался поначалу органически связанным с системой либерально-демократической государственности. Между тем национальное пробуждение вовсе не обязательно связано с государственной принадлежностью и правами граждан. Уже в странах средней и восточной Европы стало видно, что не государственная принадлежность, а осознание своей языковой и культурной самобытности легло в основу образования наций. И если для Франции, Швейцарии или Дании нация – это все население данного государства, то уже на Балканах дело обстоит иначе, и понятие гражданства вовсе не совпадает с понятием национальной принадлежности. Для жителя современной Югославии разговор о швейцарской нации вообще представляется беспредметным, а паспорт ничего не определяет. Рождение национализма идет здесь в ногу с осознанием своей этнической языковой и культурной принадлежности и сочетается со стремлением не к гражданскому, а именно к национальному освобождению. Свобода и самостоятельность национального бытия в этих условиях легко становится над гражданскими правами и над требованиями демократической государственности.

Можно поэтому смело сказать, что процесс образования нации начинается не с государственного устройства. Он стоит куда ближе к этногенезу, к образованию рас и народов, чем это было принято думать. И следует, пожалуй, вернуться к определению Неймана самой древней давности, согласно которому национальное сознание вырабатывает всякая "крупная популяция, сумевшая в результате своеобразной культуры приобрести общие черты бытия и быта, передающиеся из поколения в поколение на значительной территории" (F. J. Neumann. "Volk und Nation". Lpz., 1888, S. 74).

Спору нет, государство, охватывающее значительные массы граждан, создает у них общность и стимулирует образование из них нации. Но не оно решает. Решает то чувство солидарности, которое

вырабатывается в результате совместной жизни на общей территории, тот общий язык (не только в смысле грамматики речи, но и в смысле общих образов и понятий), то взаимное понимание, которое образуется в ходе взаимодействия между людьми. Государство — это в первую очередь организация. Задача государства — регулировать с помощью права отношения между гражданами. Нация — это не организация; зрелая нация стремится, конечно, организоваться и оформиться в государство, но ставить здесь знак равенства не следует.

На языке современной теории систем, — как хорошо выражено в книге Парсонса о структурных процессах в современном обществе, — "нация заключает в себе систему ориентации в окружающем мире, общую для всех, кто входит в нее" (Т. Parsons. "Structure and Process in Modern Societies". 1960, p. 172). Эта система ориентации не исключает, конечно, внутренних конфликтов, но представляет собой тот общий политический фундамент, на основе которого можно достигнуть согласия, несмотря на множественность структур и интересов. При этом национальное чувство вовсе не должно вести к единогласию. Понимаемая как открытая система, национальная общность выступает как предпосылка, как первоусловие возможности разрешения социальных конфликтов, а национальная государственность оказывается для этого очень удобной рамкой.

Не менее интересна и выработанная Дейчем функциональная теория нации, со своей стороны подчеркивающая значение общения и то взаимопонимание, которое устанавливается между соотечественниками. Для Дейча, книга которого не случайно называется "Национальность и социальная коммуникация" (K. W. Deutsch. "Nationalism and Social Communication". 2 ed., 1966), прогрессивная функция национальности заключается в том, что повышенное общение между сынами одного народа ведет к созданию общей системы символов и обозначений, к которым, наряду с языком, относятся и вторичные нормативные структуры: обычаи, традиции, нравственные оценки, художественные вкусы и т. д. На основе современной теории информации Дейчу удалось вскрыть ход образования тех образцовых представлений, тех идеальных моделей национального бытия, которые ложатся в основу взаимопонимания внутри нации и открывают возможность действительного и плодотворного обмена. Взаимопонимание и постоянный обмен предполагают, однако, взаимодополнение внутри охватываемого целого. "Эффективная коммуникация протекает, таким образом, на базе *социальной комплементарности*". Это взаимодополнение, эта постоянная потребность друг в друге преодолевает любые сословные и классовые барьеры. Общественное разделение труда предполагает взаимодополнение и требует повышенной коммуникативности, повышает взаимосвязь и взаимозависимость. А все это возможно лишь на основе солидарности надсословной и надклассовой, солидарности не с мне подобным, а с от меня отличным, с теми, кто дополняет меня, знает, чего я не знаю, и делает то, что я не доделываю.

Название "Организация Объединенных Наций" не случайно. В нем отражается руководящий принцип современного мироустройства. Территория нашей планеты представляется разделенной на ряд национальных государств на основе самоопределения народов. "Каждый народ, каждая нация имеет право на свое собственное государство. Раз человечество разделено на народы, значит и землю надо раз-

делить на такое же число государств. Каждому народу – свое государство”.

На самом же деле государств, населенных только одним народом, очень мало, а если подходить строго, то можно сказать, что их вовсе нет. Право каждой нации на самостоятельное политическое бытие тем не менее так же общепризнано, как и права человека. И оспаривать его – значит оспаривать самые основы господствующих политических представлений.

Замысел, принципиальное требование здесь совершенно очевидно расходятся с реальностью, желаемое – с возможным, а коренной пересмотр исторически сложившихся государственных границ исключительно согласно принципу самоопределения народов – явная утопия. Тем более, что в наш век в жизни народов все больше сказываются тенденции к интеграции в более крупные наднациональные сообщества.

Если судить по европейскому опыту, то история образования национальных государств прошла три фазы. В первой уже существовавшие государства – Франция, Испания, Португалия и другие – приняли национальный характер. Во второй фазе населенные одним и тем же народом более мелкие государства слились в единое национальное государство – Германия, Италия. В третьей фазе новые национальные государства возникли в результате распада многонациональных государственных образований – Австро-Венгрия и Турция.

Закономерно ли это развитие? Должны ли мы ожидать распада Советского Союза на самостоятельные национальные государства? Какова будет судьба многонациональной Индии? Нужно ли рассчитывать на слияние арабских государств?

Современная политическая мысль, разумеется, ищет ответа на эти вопросы, но дать здесь однозначный ответ оказывается невозможным. Прежде всего потому, что наряду со стремлением к национальной свободе и независимости в настоящее время резко усилились тенденции к экономической и культурной интеграции, преодолевающие даже языковые барьеры. Научно-техническая революция, увеличивая разрыв между передовыми и отсталыми странами, в то же время властно диктует создание не только объемных рынков, но и объемных исследовательских и производственных комплексов. А ведь и то и другое заведомо не под силу маленьким странам.

Задача национального самоопределения начинает отрываться от идеи национального суверенитета. Национальный суверенитет как фундаментальный политический принцип начинает терять свое значение. Образование общих рынков толкает к образованию политических конфедераций, а экологические проблемы настоятельно требуют мышления в плане больших географических зон, пренебрегая национальным составом их населения.

Устройство Земли как целого

Устройство Земли как целого стоит на повестке дня истории. Причем его нельзя сводить к экономике в узком смысле слова, к задаче размещения и пропитания на Земном шаре возможно большего числа человеческих существ. И красивая фраза о наибольшем ко-

личестве счастья для наибольшего числа людей здесь не годится. Антропологический утилитаризм не может лежать в основе устройства жизни на земле. Человек – царь природы, конечно; но если Земля создана для человека, то и человек, вероятно, создан для Земли. Полноценное хозяйствование в мире – и экономика, и экология – включает в себя не только регуляцию процессов мертвой природы, но и регуляцию биосферы (включая и самого человека), и регуляцию психосферы – области, почти полностью человеческой.

Раздел планеты Земля на множество национальных государств по числу населяющих ее народов возможен и нужен, только если эти государства перестанут, наконец, преклоняться перед словом "суверенитет".

Объяснимся: согласно энциклопедическим словарям, "суверен" – носитель верховной власти, лицо, никому не подчиненное, не признающее над собой никого, кроме Бога. Государственный суверенитет – это полная независимость верховной власти данного государства от власти какого бы то ни было другого государства – как во внутренних своих делах, так и в своей внешней политике. Абсолютизация суверенитета национального государства в XIX и XX веках исторически выросла из абсолютизации суверенитета монарха в XVII и XVIII веках, когда Людовик XIV мог заявить, что "государство – это я", а Феофан Прокопович писал для Петра "Правду воли монаршей". Суверенитет абсолютного монарха, а затем суверенитет национального государства стал с тех пор общепризнанным основанием международного права. Ныне он закреплен в Уставе ООН, несмотря на то, что уже начал превращаться в юридическую фикцию.

Основанный на взаимном признании суверенитета принцип невмешательства во внутренние дела также остается в силе, и даже нарушая его, правительства снова и снова стремятся заверить мир, что они ему преданы. В науку уже прочно вошло понятие "открытой системы", а международное право продолжает видеть в суверенном государстве некое замкнутое в себе самодостаточное сообщество, взаимодействия которого с внешним миром представляются как "внешние дела", выделяемые в ведение специального министерства и не связанные с делами "внутренними".

Пересмотр прочно установившегося понятия суверенитета – дело, конечно, не легкое. Но практически оно уже идет. Полноценным суверенитетом в настоящее время обладают только так называемые "сверхдержавы". Что же касается просто "держав", то степень их суверенности прямо пропорциональна их международному значению.

И здесь, пожалуй, не обойтись без экскурса в философию персонализма, в учение о личности, как ее понимают российские солидаристы.

Суверенность личности

К суверенности, если понимать под нею право и волю человека по собственному усмотрению распоряжаться собой и своими делами, стремятся всякая человеческая личность. Никакие внешние ограничения не должны, а по сути дела и не могут лишить ее внутренней самостоятельности. Личность по самой природе своей автономна, она смотрит на мир собственными глазами, располагает в нем соглас-

но собственным взглядам и не теряет этой самостоятельности, вступая в то или иное сообщество.

Суверенно и всякое человеческое сообщество, всякая ассоциация, всякий союз; но суверенны эти союзы ровно в той мере, в какой в них содержится личностное начало. Не меньше, но и не больше. Ибо мера эта хоть и трудно поддается определению, совершенно очевидно различна для разных сообществ даже тогда, когда за ними признается статус юридических лиц. Она выше всего у народа там, где он самоуправляется. Полная суверенность свойственна, однако, только законченной личности, каковой на земле является только "физическое лицо", то есть конкретный живой человек.

Суверенитет всякого сообщества, в том числе и государственного союза, по самой своей природе есть всегда суверенитет относительный и ограниченный прежде всего потому, что хоть всякий человеческий союз, всякое "мы" содержит в себе определенные элементы личности, никакое сообщество не представляет собой законченную личность. Соответственно этому и суверенитет всякого сообщества есть всегда суверенитет лишь "постольку-поскольку" и "отсюда-досюда". Государство и нация не составляют исключения, и абсолютизация государственного суверенитета есть ложная абсолютизация относительного, в которую, впрочем, впал уже и сам первоавтор учения о государственном суверенитете Жан Боден, выработывая это понятие в интересах ограничения суверенитета монарха и в пользу суверенитета народа (см. его "Шесть книг о республике", написанных в 1576 году).

Вывод из нашего философского экскурса прост: пересмотр сложившегося четырехста лет тому назад понятия абсолютного государственного суверенитета – дело законное, а в настоящее время и необходимое. Обособленное национальное существование уходит в прошлое. Никто не знает, сколько еще будут существовать непроницаемые границы, таможенные барьеры и иные разделительные рубежи, без которых не мыслили свое существование наши отцы и деды. Но хочется думать, что наши внуки научатся обходиться без них.

В то же время не только отдельные личности, но и народы, в меру содержащегося одушевляющего их личностного начала, не хотят терять свою индивидуальность, свою самобытность. Неуютно жить человеку вне привычного круга близких. Человеческое "я" неизменно ищет сближения с симпатичным ему "ты". "Мы с тобой", по комплементарности или по подобию, составляется из близких людей, из тех близких, которых мы любим.

Так сталкиваются две тенденции: унификации, объединения и обособления, расслоения. Нужно ли искать равнодействующую между ними, некий счастливый компромисс, который едва ли может быть статическим, а лишь динамическим, смещающимся? В пользу какой из тенденций? Или надо искать разрешения вопроса в разделении сфер влияния между этими двумя тенденциями? Так, едва ли можно избежать унификации в сфере науки, техники и экономики. Но, может быть, нужна известная обособленность в сфере языка, культуры, обычаев, вкусов, системы образования и художественного творчества? И в какой из этих сфер место политики?

Национализм и федерализм

В творческом поиске синтеза начал объединения и обособления в вопросе национальной государственности, нам кажется, пора отказаться от всякой абсолютизации и перейти к построению принципиально открытых систем. И здесь, убедившись еще раз в негодности социального атомизма, мы становимся перед необходимостью пересмотра таких, казалось бы, незыблемых утверждений, как "государственная власть – полный и безраздельный хозяин на своей территории", "ни одно суверенное государство не зависит от другого государства и не имеет права вмешиваться в его внутренние дела", или "свобода гражданина кончается там, где начинается свобода другого гражданина".

Нет, свобода, как и солидарность, нигде не начинается и не кончается. Она – то общее лоно, в котором живу я, живешь ты, живем мы все вместе. И никто нигде не абсолютный властелин. Идея национальной автаркии, самодостаточности, теория национального государства как замкнутой в себе системы должны быть отброшены и заменена пониманием нации как открытой системы, непрерывно взаимодействующей с другими нациями и выражающей себя именно в этом взаимодействии.

В пересмотре нуждаются не взаимоотношения суверенных национальных держав, а самое понятие суверенной державы. Это понятие не должно абсолютизироваться. Из новой европейской истории, создавшей национальную государственность, а вместе с ней и теорию равновесного сосуществования равноправных суверенных государств, надо сохранить не политику равновесия, а учение о личности – носителе прав и свобод как отдельного гражданина, так и объединений граждан.

С солидаристических позиций господствовавшие до сих пор в международной практике принципы абсолютного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и равновесия политических сил должны пересматриваться не с позиций патронализма (из которого ведь выросло понятие суверенитета), а с позиций федерализма.

Обдумывая эти позиции, надо направить мысль не столько на устройство власти, сколько на устройство права, потому что решить тут нужно не то, что должно делать правительство, а какой основной закон, какая конституция будет фундаментом федеративного государства. Конституция же должна составляться так, чтобы за каждым реальным человеческим сообществом, – а за каждым народом в первую очередь, – сохранялся объем суверенитета, отвечающий объему заложенного в нем личного начала.

Выработка неотчуждаемых правообязанностей человека и гражданина заняла длительный исторический период и выразилась в точных юридических нормах лишь с развитием правовой государственности. Суверенные права личности ныне уже не оспариваются. Так не пора ли разработать правообязанности человеческих объединений и в первую очередь наций как объединений, охватывающих практически все стороны человеческой жизни и деятельности?

Самостоятельность личности не теряется от того, что она входит в то или иное сообщество. "Я" не перестает быть самим собой, сливаясь с другими в общее "мы". Национальное "мы", мы – русские или мы – немцы или китайцы, связывает людей на всю жизнь.

Национальная солидарность – крепчайшая солидарность, и она не теряется от того, что тот или иной народ живет в сообществе с другими народами, составляет с ними союз, федерацию или конфедерацию.

В современной политической мысли, разделяемой и российскими солидаристами, федерализм рассматривается как доктрина, выдвигающая принцип союзничества в качестве структурной основы государственной жизни именно потому, что в самом понятии федерации или конфедерации содержится диалектическая пара: союзное начало толкает к конвергенции, к максимальному сближению, в пределе – к полному слиянию максимально однотипных государств-членов федерации. Начало автономии требует, напротив, сохранения и развития индивидуальных особенностей, отличающих друг от друга те же государства-члены. Внутри федерации устанавливается таким образом постоянная игра конвергирующих и дивергирующих сил, плодотворно влияющая на ход развития. Один из основоположников современного федерализма Франц уже больше ста лет назад отлично сформулировал это положение в словах: "Мы никогда не спрашиваем, как можно подавить ту или иную тенденцию, вместо этого мы спрашиваем, как найти для нее полезное место" (С. Frantz. "Der Föderalismus als das leitende Prinzip für die soziale, staatliche und internationale Organisation", Mainz, 1879).

В этом смысле федерализм (как и солидаризм) исходит из убеждения, что человеческое общество состоит в наше время не из отдельных граждан, а из общественных союзов, что с развитием культуры оно становится все более плюралистичным и естественно стремится к изживанию жесткой централистской государственности, а национальная принадлежность играет при этом чрезвычайно существенную роль.

Российский государственный союз

Соответственно этому в отношении России и населяющих ее народов российские солидаристы стремятся к перестройке советской псевдофедерации в союз свободных народов, в котором "самоуправляющиеся единицы государственного характера управляются на основе общественных, свободных принятых конституций, имеют свои государственные органы управления, свое законодательство и суд. Они переносят лишь часть своего государственного суверенитета, в соответствии с Конституцией Российского союзного государства, на центральное правительство России... Население нынешних советских республик СССР, путем свободного волеизъявления (плебисцита), само решает, желает ли оно быть в составе России или предпочитает жить в отдельных государственных образованиях" ("Программа НТС", глава 16).

Российские солидаристы, а нам кажется, и большинство украинского, белорусского и русского народа хотели бы жить вместе со всеми другими народами нашей страны в федеративно благоустроенном общем доме. Мы настойчиво призываем к этому, но готовы склониться перед собственной свободной волей каждого из народов России, как только эта воля сможет быть полноценно демократически выражена.

Задача для сталкера: "перестройка"

Михаил НАЗАРОВ

Ниже мы публикуем первую часть статьи Михаила Назарова "Задача для сталкера: "перестройка". Полностью эта статья напечатана в выходящем в Москве самиздатском журнале "Выбор" № 8 (редакторы - Виктор Аксютин и Глеб Анищенко). Журнал русской христианской культуры "Выбор" выходит уже третий год и завоевал растущий интерес своих "неформальных" читателей.

К истокам понятия

О том, что происходит в Советском Союзе и называется "перестройкой", можно писать по-разному.

Можно, например, взять точкой отсчета признаки правового государства и утверждать, что существенных перемен в СССР не произошло и не произойдет, поскольку партия настаивает на реформах "в рамках социалистической системы". Что происходит очередной обман народа и партия лишь хочет заставить людей лучше работать. Что ничего не изменится, пока существует однопартийная диктатура, ее монополия на средства информации и т. д. Можно добавить к перечню этих условий много других, столь же правильных, сколь и часто повторяемых.

Однако повторять лишь правильные перечни все же скучно. Время от времени хочется всмотреться в процесс "перестройки" и с другой точки зрения: написать не о том, чего не происходит, а о том, что происходит. Попытки такого рода я уже предпринимал (см., напр., "Посев" № 3/1987; "Вестник РХД" № 150). Эта статья - как бы продолжение тех размышлений, все еще не очень популярных. Однако, думаю, это не должно препятствовать их высказыванию: даже спорная гипотеза может полезно оттенять суть бесспорных явлений. Для лучшего понимания дальнейшего сначала вкратце повторю основные тезисы предыдущих статей.

Они исходили из предпосылки, что, конечно, только с независимой от партии активностью общества связаны надежды на оздоровление страны. Но поскольку в процессе перемен важна и официальная сторона, определяемая правящим слоем, - интересно рассмотреть поведение той его части, которая понимает необходимость демонстрации системы. Ведь всем, в том числе правителям, ясно, что причина кризиса - историческое банкротство коммунистической идеологии. Отказ от нее объективно необходим. Однако для партийных инициаторов "перестройки сверху" этот отказ от "единолично верного учения" невозможен, ибо оно - единственная легитимация их власти. "Ветхое тряпье" идеологии партия не может сбросить, чтобы не предстать перед народом голой. Кроме того, вся государственная система, как

крутящийся волчок, держится на собственной идеологической инерции, и если его остановить – он упадет вместе с реформаторами.

В этих условиях им не остается ничего иного, как поступить с идеологией по методу Колумбова яйца: реформами взломать скорлупу социалистической системы, продолжая еще длительное время называть разбитое яйцо целым и утверждать, что именно это и есть настоящий социализм, который хотел строить Ленин. По мере же приобретения авторитета "сталкеров", выведших страну из тоталитарной "зоны", у них, возможно, возникнет новая, практическая легитимация власти, которая заменит негодную старую.

Примерно такой ход мысли, возможно, присущ хотя бы части верховных реформаторов. В принципе он приемлем и для большей части народа, которому не так уж важно, называть ли более достойное человека общество все еще социализмом или как-то иначе – потопки разберутся. Не нужно быть лингвистом, чтобы согласиться с Шекспиром: "То, что зовем мы розой, и под другим названьем сохранило бы свой чудный запах"...

То есть в основе этой гипотезы лежит допущение, что – перед лицом государственной катастрофы – интересы и страны, и большинства ее новых правителей хотя бы в одном совпадают: осторожный безболезненный демонтаж системы лучше, чем быстрый обвал и хаос. Варианту постепенного оздоровления, даже при известных моральных издержках эволюционизма, здесь отдается предпочтение перед немедленным введением справедливости любой ценой по "варианту Алапаевска".

Конечно, как раз в этом и основное слабое место всей концепции: насколько правители готовы поставить интересы страны выше интересов сохранения собственной власти? Насколько они сознают, что только демонтажом тоталитарной системы можно предотвратить государственную катастрофу, неизбежную при их эгоистическом упорствовании? Могут ли они это осознать хотя бы постепенно, по мере неудачи половинчатых реформ?

На эти важные вопросы ни у кого ответа нет. Тем не менее, этот возможный вариант стоит доработать хотя бы теоретически – даже если на практике все произойдет совсем иначе. Мне кажется важным не столько настаивать на правильности своего анализа происходящего, сколько донести до сведения верховных реформаторов возможность для них этого пути.

На этот раз сосредоточим внимание на следующем:

1) есть ли признаки того, что в СССР идет демонтаж социализма? 2) как и в каком направлении этот демонтаж может быть легально проведен?

От 1848 - к "1984"...

Какой скукой еще недавно веяло от идеологических статей в советской прессе! Сейчас же именно эти темы – а не сенсационно-поверхностные разоблачения очередных социальных язв – определяют достигнутую глубину "перестройки".

Именно в идеологических публикациях, в подтверждение гипотезы демонтажа, за прошедшие два года можно найти немало новых трак-

товок социализма. Достаточно перечислить качества социализма искомого, которые, стало быть, до сих пор в СССР отсутствуют: "созидательный", "туманный", "народный", "с человеческим лицом", "нравственный", "провозглашающий приоритет общечеловеческой морали над классовый", который "надо наполнить всем богатством нашей культуры, философией, религией..."

Чтобы эти определения оценить по достоинству, следует обратиться к истокам понятия. Можно, конечно, его рассматривать по И. Шафаревичу – как одну из универсальных сил, постоянно действующих в человеческой истории: подсознательное стремление к примитиву, к разрушению более сложных уровней бытия. Но в данной статье целесообразнее ограничиться анализом социализма в его традиции XIX–XX вв. – как он ее формулирует сам, полагая в основу изданный в 1848 г. "первый программный документ научного коммунизма" – "Манифест коммунистической партии". (В предисловиях к английскому изданию 1888 г. и немецкому 1890 г. Маркс и Энгельс разъясняют, что лишь из политических соображений они не назвали его социалистическим манифестом: чтобы отмежеваться от ненастоящих социализмов, недостаточно радикальных.)

Вот какой смысл вкладывали в понятие социализма основоположники (цитаты по брошюре Госполитиздата, 1951 г.):

1). "Уничтожение частной собственности" (с. 48). Это достижимо "лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения": "отмена права наследования", "конфискация имущества", "обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий" (с. 55–56).

2). "Уничтожение семьи!" – сначала это цитируется как выдвигаемое коммунистам обвинение, от которого, однако, Маркс и Энгельс вовсе не отмежевываются: "Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно прикрываемой общности бедноты официальную, открытую" (с. 51–53). "Общественное и бесплатное воспитание всех детей" (с. 56). Как о положительной цели об "уничтожении семьи" говорится и в оценке "утопического социализма" (с. 68).

3). Уничтожение нации: "Отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества... Национальная обособленность и противоположности народов все более исчезают... Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение" (с. 53).

4). Уничтожение религии – об этом говорится мельком (с. 54–55) как о само собой разумеющемся, ибо "Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв... с идеями, унаследованными от прошлого". В дальнейших работах основоположники заклеили религию как "средство закабаления масс" и "опиум народа".

И чтобы ни у кого не оставалось сомнений: "Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя" (с. 71).

Как позже восторгался Ленин, в этом документе "с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни...", и метод осуществления: "теория классовой борьбы и всемирно-исторической роли пролетариата" (ПСС, т. 26, с. 48).

Надо ли доказывать, что ни один из пунктов этой "гениальной" программы не удался? Вот уже спорят и в советской прессе: осуществлен ли в СССР социализм или нет? Активист "перестройки" Ю. Н. Афанасьев считает, что нет. Редакция "Правды" (26. 7. 88) на той же странице утверждает, что несмотря ни на что - да: "Неужели Ю. Н. Афанасьев "забыл" о таких определяющих чертах нашего строя, как социалистическая система хозяйства, основанная на общественной собственности на средства производства, отсутствие класса эксплуататоров..?"

Наверное, не стоит спорить. Обе стороны правы.

Социализм в СССР *не осуществлен* - ибо в теоретически замисленном виде *неосуществим*. Потому что эта утопия не учитывает сложность мира и человеческой природы. Человек не укладывается в ее примитивные представления, и попытки ее реализации неизбежно требуют насилия. Отсюда логично оправдание коммунистами насилия уже не только против "класса-угнетателя", но и против "несознательных масс", которых следует вести к счастью вопреки их воле.

Но именно поэтому построенный в СССР социализм со всеми его жертвами *осуществлен* - как единственно возможный практический результат провозглашенных постулатов. То, что было с "гениальной ясностью" спроектировано в 1848-м, обнаружило столь же ясную логику превращения в "орвелловское" общество столетие спустя. Другого варианта воплощения эта теория не оставляет. Разве что подвергнуть ее постулаты ревизии, демонтажу. История практического осуществления социализма и представляет собой историю демонтажа его догм под натиском реальности.

(Поскольку социализм есть "первая фаза", - все сказанное выше следует отнести и ко второй: к коммунизму в целом. О том, что "Наша цель - коммунизм!", КПСС теперь, похоже, забыла, несмотря на то, что это определяющий термин в названии партии. Оставим его в покое и мы. Но подчеркнем: то, что получилось в СССР, есть и коммунизм тоже, "иного не дано", поэтому принятое на Западе название соцстран коммунистическими совершенно правильно.)

К истории демонтажа "завиральных идей"

В истории социализма не раз осознавалась утопичность его целей, что приводило к скандальным расколам и ревизиям. Крупнейшим, пожалуй, было бернштейнианство, уведшее за собой западную социал-демократию; в России - ленинский нэп, о котором теперь В. Селюнин пишет как о "стремительной эволюции" Ленина и немногих его соратников - от "завиральных идей" к трезвому восприятию реальности" ("Новый мир" № 5, 1988), а сотрудник ЦК КПСС А. Ципко считает, что "Владимир Ильич в конце жизни отказался от наивной веры в чистый социализм, чем сильно разочаровал большинство теоретиков партии" ("Наука и жизнь" № 12, 1988).

Сталин реставрировал донэповское понимание социализма. Но и в его период большевики под натиском реальности были вынуждены отказать от большинства пунктов "Манифеста". Ценность семьи была молчаливо реабилитирована еще до революции; А. Коллонтай, пытавшаяся

яся было развивать идею "общности жен", успеха не имела, ибо обобществлять своих жен на практике мало кому захотелось. Так же втихую, "до окончательной победы социализма", оправдали институт государства – когда сами распробовали вкус государственной власти. О национальных традициях вспомнили в 1940-е, когда потребовалось опереться на патриотизм в отражении внешнего врага.

И вот в 1980-е годы – под угрозой потери статуса военной сверхдержавы – в СССР заговорили о реабилитации рыночных отношений и частной собственности: эта "причина всего социального зла" все больше признается необходимым элементом здоровой экономики, а причиной зла и кризиса объявлена "священная корова" социализма – централизованно-директивная система управления...

Все это официально провозглашается как возврат к ленинскому нэпу. Однако, насколько тогда Ленин действительно отказался от "завиральных идей" и от "наивной веры в чистый социализм", и насколько это был тактический прием – идут споры даже в советской печати. Известный экономист Г. Попов пишет, что "нельзя делать однозначных выводов. По существу, в работах Ленина 1921-1923 годов заложены два возможных варианта развития: длительный, на основе нэпа, и тот, ускоренный, который был реализован на практике. И я, – пишет Попов, – вовсе не уверен, что он сам обязательно остался бы на позициях нэпа... Его упор на однопартийность, на запрет фракций, надежды на спасителя в виде контрольной системы и, самое главное, его забота об ускорении централизованного экономического строительства не исключали изменения позиции и отхода от пути нэпа (как это он уже сделал в начале 1918 года) в пользу «военного коммунизма»" ("Наука и жизнь" № 10, 1988).

Но оставим в стороне и этот спор: даже если Ленин перед смертью действительно "осознал" – вряд ли это теперь кому-либо важно, кроме партии, нуждающейся хотя бы в одном рукопожатном вожде.

Более важно другое: тезис о предсмертном "поумнении" Ленина есть признание "неумности" классической марксистской идеологии и свидетельство ее идущей радикальной ревизии. И, несомненно, ревизии даже большей, чем нэп, ибо опыт трагедии заставляет пересмотреть и мировоззренческие основы идеологии (см. дискуссию в "Вопросах философии" № 9, 1988), и ее отношение к религии (см. интервью антирелигиозного министра Харчева с верующим журналистом А. Нежным в "Огоньке" № 50, 1988). По сравнению с этим вызревшим идеологическим измерением нэп 1920-х годов выглядит действительно лишь сугубо экономическим тактическим ходом, и его упоминают сегодня, пожалуй, не как цель, а лишь для легитимации перестройки: как имевший место прецедент ревизии; как предначертанное (хоть и поздно, но "самим Лениным") направление поисков "истинного социализма".

К положительным идеологическим сдвигам следует отнести и то, что никто не берется уточнить, в чем "истинный социализм" заключается. Публицист Ф. Бурлацкий нашел безошибочное определение по методу "за все хорошее, против всего плохого": "Социализмом может быть названо только то, что в действительности обеспечивает благосостояние и культуру трудящихся" ("Лит. газета", 1988). Этот проект уточняет писатель А. Адамович: это будет "общественная структура, о которой сегодня никто и не догадывается. Она не будет результатом механического соединения прежних структур (сегодняш-

них Запада и Востока. - М. Н.), хотя и усвоит все лучшее, что в тех имелось, а станет качественно новым образованием" ("Дружба народов" № 6, 1988).

*

Таким образом, от первоначальных социалистических догм, ради которых загублены десятки миллионов людей, на практике не осталось ничего. Что бы ни говорил сегодня генеральный секретарь: "Больше социализма!" и т. п. - его социализм далеко не тот, который себе представляли основоположники. Растеряв все свое "вечное идейное богатство", социализм пронес сквозь свою историю лишь один стойкий признак, который основоположниками мыслился как временный: право на насилие. Это наследие социализма и представляет собой главное препятствие для его демонтажа.

Ибо сколь бы ни набирала размах "гласность", трудно забыть урок 18-месячной полусвободы в Польше в 1980-1981 годах. Тогда даже 10-миллионная "Солидарность", объединившая практически всех трудящихся страны, потерпела неожиданное для себя поражение, недооценив грубую силу власти. Эта сила пока не слишком проявляет себя в "перестройке", но она существует. Вполне возможно, что провал реформ или неконструктивный "разгул полусвободы" приведут и в СССР к диктатуре какого-то нового типа. Нового в том смысле, что откровенная "легитимация" власти силой сделает ненужной сохранение легитимирующего мертвеца в мавзолее. Будет ли эта диктатура трагедией для страны или шагом на пути к здравому смыслу - зависит не от жуткого звучания слова "диктатура", а от ее сущности и целей.

Возникнув на Западе почти одновременно и по сходным причинам (как ответ на необходимость перестройки социальных отношений капитализма в его первоначальном виде и на все больше проявлявшееся осознание взаимосвязи людей в обществе) и имея психологически одинаковую идеалистическую мотивировку, солидаризм и социализм пошли разными путями: одно учение - преимущественно религиозным, другое - материалистическим. Материалистический и враждебный религии социализм пришелся по духу исканиям эпохи, попал в материалистическую струю, берущую свои истоки с эпохи Просвещения. Солидаристическое же направление решения социальных проблем осталось уделом единичных ученых. И ему суждено политическое будущее лишь при том условии, если в человечестве произойдет духовный поворот от материализма - к религиозному осознанию смысла человеческого существования, общества, истории. И то, что в России, глубже, чем другие страны пережившей искушение социализма, такой поворот намечается, - дает нам надежду, что наше мировоззрение окажется близким тем людям, от действий которых зависит будущее нашей страны. (М. Назаров. "Основы строения общества". "Посев" № 3, 1981 г.)

Руководящая идея нашего века

Проф. Г. К. ГИНС

Статья профессора Г. Гинса "Руководящая идея нашего века" впервые была опубликована в журнале "Мысль" (изд. "Посев") в 1953 году. Несколько слов о ее авторе, теоретике и популяризаторе идей солидаризма в организации экономических отношений.

Георгий Константинович Гинс родился в 1887 году. Окончил Петербургский университет в 1909 году по курсу гражданского права. Участвовал в разработке правовых основ, регулировавших распределение оросительных вод в Туркестане. В 1916 году начал преподавательскую деятельность в Петроградском университете, но после захвата власти большевиками переехал в Омск, где преподавал гражданское право в политехническом институте. Участвовал в деятельности Сибирского правительства и администрации адмирала Колчака.

В эмиграции жил в Харбине, где преподавал право в русском высшем учебном заведении. В Харбине с 1925 по 1940 годы опубликовал ряд произведений по истории и праву. Из них отметим теоретический труд "На путях к государству будущего (от либерализма к солидаризму)", 1929 год. В том же году Г. Гинсу была присуждена степень магистра прав в Парижском университете.

В 1941 году переехал в США, где с 1945 по 1954 год преподавал в Калифорнийском университете Беркли. Позже, уже будучи пенсионером, читал курс "История русской мысли" в Институте иностранных языков в Монтерее (Калифорния).

Активно сотрудничал в "Посеве", а также в журналах "Мысль" и "Наши дни", которые издательство "Посев" выпускало в 1950-х годах.

I. Вырождение либерализма и его социалистический антипод

Современный мир полон сомнений, тревог и противоречий, свойственных периодам кризиса. С одной стороны, возводится гигантское здание сверхкапитализма, с другой – происходит попытки построить хозяйство без предпринимателя. С одной стороны, самосознание и личная требовательность развитой индивидуальности достигают высшего напряжения, с другой – распространяются учения, которые целиком подчиняют личность государству и служению нации.

Мир утратил руководящую идею, он разочарован в либерализме и не решается доверить свою судьбу социализму.

*

Либерализм наполнил собою целую эпоху. С тех пор, как один из крупных промышленников Франции на совещании, созванном великим опекуном французской индустрии и торговли Кольбером, сказал ему: "Laissez nous faire", т. е. предоставьте нам больше свободы, не вмешивайтесь в наши дела, эти слова стали догматом эпохи и еще до сих пор не утратили своей магической силы. Учение А. Смита и классической школы, обосновавшей экономической либерализм и сводившей к минимуму вмешательство государства в свободную игру личных интересов, наиболее отвечало потребностям времени и лучше всего характеризовало эпоху промышленного переворота, когда инициативой и творчеством частных лиц творились подлинные чудеса. Такое крупное сооружение, как система каналов в Англии, родилось благодаря инициативе ливерпульских купцов; без поощрения, без участия законодательства, каким-то стихийным образом возникла эксплуатация минеральных богатств северной Англии, выросли большие фабрики Манчестера и других городов. Все это выросло стихийно и слагалось из множества интересов отдельных личностей, действовавших в одном направлении, не боявшихся риска и увлекавшихся поставленной ими самими целью. Для этой эпохи характерны также неутомимые искатели вроде Аркрайта, который из парикмахера превратился в изобретателя и умер миллионером.

В соответствии с общим направлением государственной политики, либерализм в эту эпоху распространился и на внутреннюю жизнь государства. Законодательство охраняло неотъемлемые права граждан, признавая их свободу и равенство, а само государство рассматривалось как совокупность свободных личностей, управляемых согласно воле большинства.

Равенство прав и возможность участия в политике государства, вместе со свободой договоров и конкуренции, создавали наиболее благоприятную атмосферу для предпринимателя. Идеи либерализма были настолько жизненны, что они глубоко проникли в сознание, в доктрины, в законодательство, и до сих пор их влияние очень велико. Можно сказать, что они освещали путь человечества, вносили покой в его сознание, оправдывали несовершенства социального уклада и поддерживали государственный порядок, составляя основу конституций. И до сих пор учебники гражданского права повторяют азбуку либерализма, изображая частную собственность, свободу договоров, конкуренцию и наследование как непоколебимые основы гражданского общества.

А между тем в недрах либерального порядка назревали глубокие преобразования. Капитализм - дитя либеральной системы - вырос в сверхкапитализм. Гигантские организации капитала заслонили собой индивидуальное начало. Классовая борьба, развившаяся внутри капиталистического общества, заставила организоваться как рабочих, так и предпринимателей. Мощные профессиональные и предпринимательские организации становятся лицом к лицу, защищая общие интересы класса, а не интересы отдельных лиц. Индивида покрывают

теперь коллективные организации, и общество утрачивает таким образом свой прежний индивидуалистический характер, обращаясь в совокупность групповых организаций.

Принципы индивидуализма и либерализма пошатнулись.

По мере распространения индустриализации конкуренция становилась все более острой и создавала опасность потери прибыли и превращения дел в бездоходные. Предприниматели стали стремиться к ограничению конкуренции. Отсюда – происхождение трестов и синдикатов и поглощение мелких предприятий гигантскими. вновь возникшие промышленные гиганты требовали огромных капиталов. Их могли дать только банки. Таким образом экономическое могущество переходило постепенно к финансистам. Несмотря на значительное улучшение в положении трудящихся, контрасты в экономическом положении отдельных групп населения стали слишком резкими. Несмотря на свободу конкуренции, во всех важнейших отраслях промышленности стала господствовать монополия. Потребители оказались фактически во власти производителей. Основы хозяйственного строя подвергались таким образом существенному изменению.

В связи с этим государство не могло оставаться по-прежнему пассивным наблюдателем, "ночным сторожем", по выражению Лассалля. В период раннего капитализма оно сочувствовало экономическому соревнованию и предоставляло свободу классовой борьбе. Но, по мере усиления профессиональных организаций и возрастания могущества промышленных и финансовых магнатов, государство не могло уже оставаться только зрителем. Оно начало создавать свои предприятия, вмешиваться в борьбу классов, регулировать взаимоотношения предпринимателей и рабочих и направлять деятельность крупных предприятий согласно потребностям государства.

Таким образом активность и влияние государства в хозяйственной жизни повышались.

То подчиняя борющиеся силы принудительному порядку, то сосредоточивая в своих руках некоторые производства и контроль над промышленностью, торговлей и финансами, государство постепенно ограничивает экономическую свободу, а это, в свою очередь, вызывает необходимость обособления политической власти от влияния могущественных экономических групп, т. е. расширения государственной власти и придания большей авторитетности государству. Таким образом, кризис экономического либерализма затрагивает и политические проблемы. Вмешательство государства в хозяйственную жизнь неизбежно усиливает его властность вообще.

Новые течения были уловлены социалистами. Считая наибольшим злом современной системы несправедливость и неравномерность распределения народного дохода, большую долю которого присваивают себе те, кто, по их мнению, меньше всего трудится, они стали высказываться за уничтожение частной собственности на землю и орудия производства и передачу их государству.

Современная наука признает, что критика социалистами недостатков современного строя была во многих отношениях правильной, но положительные идеалы их и особенно средства их осуществления оказались плохо продуманными. Социалисты рассчитывали, что с переходом руководства хозяйством к государству последнее станет

значительно рентабельнее и таким образом возможно будет улучшить положение широких масс населения. Но это предположение ничем не обосновано.

Советский опыт осуществления коммунизма обнаружил слабые стороны государственного хозяйства, построенного по заданиям выработанного государством плана, и подтвердил правильность тех возражений, которые были много раз выдвинуты противниками социализма.

Государственные предприятия всегда стремятся к монополии; хозяйственный бюрократизм не терпит конкуренции; в соперничестве со свободным хозяйством он обнаруживает полную немощность. Содержание громоздкого хозяйственного аппарата пожирает всю экономию, достигаемую концентрацией, сокращением расходов на рекламу и на посредничество. Неудачные мероприятия и ошибки в государственном масштабе становятся равносильными катастрофе и аннулируют пользу достижений.

В то же время новая система не в состоянии удовлетворить трудящихся; переход предприятий в руки государства не разрешает жизненных для рабочего вопросов. Продолжительность рабочего дня, заработная плата и другие условия труда остаются на государственной фабрике теми же, что и на частной. Отдельный рабочий так же далек от управления государственной фабрикой, как и всякой другой; так же подчиняется дисциплине, исходящей от начальства, как и в капиталистическом предприятии, и даже оказывается в большей зависимости, так как государство могущественнее и властнее других хозяев и конфликт с ним безнадежнее.

А между тем современный сознательный рабочий добивается как раз права голоса в управлении промышленностью. Когда он, в лице своих представителей, участвует в этом наряду с капиталистами, он сознает свое равноправие; но если он сидит рядом с начальством государственной фабрики, его участие в управлении фабрикой — фикция.

Допустим, однако, что тяжелые условия труда на государственной фабрике — явление временное, что это — жертва, которая приносится во имя будущего. Но как только государство, вместо новых сооружений, осуществления мелиораций, постройки дорог, будет широко идти навстречу нуждам трудящихся — улучшать их питание, одежду, жилище, — тотчас же подымается другая грозная опасность: отпадает возможность накопления средств, т. е. возможность обеспечить дальнейший прогресс хозяйства. Здесь в жертву настоящему будет принесена будущность нации, как при выше описанной системе настоящее приносилось в жертву будущему. Система частной собственности и свободной конкуренции разрешает эти вопросы неизмеримо лучше, так как поощряет к бережливости и понижению расходов.

Крупная промышленность имеет свои преимущества, но принудительное объединение промышленности в крупные производства создает неудобства обслуживания мелких рынков крупным производством, может вызвать серьезные затруднения вследствие недостатка и трудности воспроизводства машин и подготовки квалифицированных рабочих и финансовые затруднения из-за недостатка капиталов. Полная концентрация и централизованность планового хозяйства осуществимы только в порядке насилия над жизнью. Каждая форма производства выполняет свои задачи и свои народнохозяйственные функции, каждая в известной мере нужна и целесообразна.

С психологической точки зрения всегда оставалось неясным, каким образом социализм достигает того, что все будут охотно работать непосредственно на общее благо. Для этого требуется длительное и постоянное восхождение от природного эгоизма к социальным склонностям, к новому правосознанию. Требуется воспитание новой правой психологии, характеризующейся сознанием обязанностей по отношению к обществу и необходимости солидарной работы в общих интересах.

От крайностей либерализма легко перейти к крайностям социализма, так как людям свойственно увлекаться противоположностями. Но когда социализм, в советском его варианте, показал свое действительное лицо и создал государство жестокое и требовательное, растворяющее личность в массе и жертвующее благом отдельных личностей во имя будущего, то наступило разочарование. И даже многие социалисты обнаруживают теперь склонность найти способы осуществления социалистических идеалов без революционной ломки существующего строя, в порядке реформ и эволюции.

Когда в порядке естественной эволюции и под влиянием критики социалистов либерализм утратил свой престиж, мир потерял руководящую идею. Социализм, по крайней мере в его советском варианте, не выдержал практического экзамена и не занял освободившегося места. Но жизнь не останавливается, и постепенно стал нарождаться новый порядок, который вытесняет слабые либеральные начала в капиталистических государствах.

Прежде всего классовая борьба и конкуренция создали, как уже указывалось, необходимость в организации разных групп населения. Объединяются рабочие, предприниматели и потребители, и государству уже приходится иметь дело не с распыленной массой независимых и не связанных друг с другом индивидов, а с могущественными тред-юнионами, союзами предпринимателей, трестами и кооперативами.

Изменилось строение общества, изменился и характер государства. Оно должно теперь связывать между собой эти отдельные группы, согласовывать их интересы. Каждую группу спаивает солидарность ее участников, сознание общности интересов и выгоды совместных действий. Государство согласовывает интересы всех этих групп и объединяет их во имя высокой национальной солидарности.

Второе существенное явление нашего времени – ограничение частных прав: преимущественно права собственности и свободы договоров. Современное правосознание не допускает, чтобы владелец земель оставлял их незапаханными, в то время как страна нуждается в продовольствии, или чтобы торговец скрывал товары или искусственно вздувал цены, когда почувствуется товарный голод, или чтобы банкир подрывал спекуляцией курс национальной валюты в период валютного кризиса.

Законодательство первой мировой войны подготовило всевозможные в этом отношении ограничения, которые превратились в сознание, что "собственность есть обязанность", как это было сформулировано в Веймарской конституции второго Рейха. Во время второй мировой войны ограничения частных прав пошли еще дальше, и после войны в ряде стран они остались в силе и стали основой ряда социальных реформ. Пропанганда социалистических идей подготовила благоприятные условия для восприятия новых идей и нового порядка, характеризующего отмирание либерального режима.

Полномочия власти и пределы ограничения частных прав должны соответствовать поставленной цели. Они будут неизбежно расширяться, пока не будет сформулирована руководящая идея нового порядка.

Такой идеей должен стать, по нашему мнению, солидаризм. Солидаризм рисует себе общество как сложное сооружение, поднимающееся от индивидов – через ряд всевозможных групповых организаций – к государственной вершине, все связывающей, но опирающейся на самостоятельность и самоопределение свободных индивидов и групп.

II. Философия солидаризма и ее истоки

Идея социальной солидарности стара как мир, так как солидарность и антагонизм являются вечными спутниками человеческого общежития. Признание начала солидарности основой общественной жизни мы видим уже у древних мыслителей, в басне Менения Агриппы, у ап. Павла и в философии Марка Аврелия.

В новое время значение общественной солидарности подчеркнул ранее других Бастиа. По его мнению, она обеспечивает ту гармонию, которая проявляется во всем мире, в механизме небесном и органическом. Жизнь сама по себе гармонична. "Предоставленные самим себе интересы тяготеют к гармоническим комбинациям, к возрастающему перевесу общего блага". Этим была как бы предвосхищена основная идея солидаризма, противопоставляющая классовой борьбе социальный мир и возлагающая на государство согласование всех разнородных интересов во имя общего блага.

Из социологов значение солидарности как связующего начала в общественной жизни особо отмечали О. Конт, Дюркгейм и Гиддингс – в Европе, кн. Кропоткин и М. Ковалевский – в России.

Конт и Гиддингс объясняли общественную солидарность единством идей, моральных принципов, вкусов, верований и понятий приличия. Дюркгейм ставил ее в связь с разделением труда. "Пока, – говорил он, – разделение труда проявлялось слабо, не было заметно антагонизма. Но, по мере того, как разделение труда стало широко применяться, перестала существовать прежняя однородность настроений и принципов, и общество распалось бы, если бы, с другой стороны, одна группа не нуждалась в другой именно в силу разделения труда и необходимости взаимного сотрудничества". Таким образом, разделение труда вызывает обособленность различных групп населения и создает антагонизм между ними, но в то же время делает необходимым их сотрудничество и "органическую", как выразился Дюркгейм, солидарность.

Кн. Кропоткин убедительно доказывал, что в жизни живых существ солидарность играет более значительную роль, чем антагонизм, а Максим Ковалевский в своей социологии показывал, что развитие социальной жизни заключается в расширении замиренной среды, т. е. круга людей и обществ, сознающих солидарные интересы и умеющих их согласовывать.

Идея солидарности являлась также базисом русского народничества, исходившего из сознания долга высших классов по отношению к низшим, за счет которых создано благополучие высших.

Но как бы ни были глубоки и содержательны учения о солидарности, их недостаточно для того, чтобы формулировать руководящую общественную идею. Для этого ей нужно придать значение принципа, которым должны руководствоваться государство и общество. Общественная солидарность как факт должна обратиться в систему солидаризма, т. е. в план организации общества и в юридическую систему. Солидарность, которая проявляет свою силу в отношениях частных лиц и отдельных групп, должна связать разделенное на группы население государства.

Попытки разрешить эту задачу принадлежат ряду французских ученых, которые рассматривали солидаризм как "официальную философию третьей республики".

Леон Буржуа занимает среди них особо видное место. Наблюдая развитие синдикализма во Франции, он высказал очень основательные мысли по поводу планов широкой реорганизации синдикатов и поручения им управлять предприятиями: "Синдикализм разрушит государство, — заявил он, — если не будет высшей солидарности всех социальных групп". Для того, чтобы синдикалистское движение не оказалось опасным для государства, он следующим образом определил его границы:

1. Синдикат не должен разрушать связи его членов с другими людьми и группами, так как член синдиката, прежде всего, является гражданином, а также семьянином, членом политической партии и т. д.

2. Каждая группа должна соблюдать высшую межгрупповую солидарность, все они должны помнить о государстве как о высшем объединителе и покровителе, т. к. с разрушением государства рухнуло бы и благополучие синдикатов.

Второе основное положение Буржуа относится к основаниям ограничения частных прав. Он выражает его в юридической форме, определяя существующую между людьми взаимозависимость как "квази-контрактное" отношение, немой договор, в силу которого люди должны делить между собой радость и горе. "Каждый человек, — говорит он, — рождается должником человеческого общества".

Согласно этому учению, ограничение частных прав предполагает общее согласие (*un consentement mutuel*). Согласно этому учению, государство не должно устанавливать таких ограничений и предъявлять таких требований, которые не могли бы быть поставлены самими заинтересованными. Но теория квази-контракта, т. е. предполагаемого соглашения между членами общества, означает, что свобода каждого ограничена его обязанностями по отношению к другим.

Одновременно с Буржуа те же идеи популяризировались другим писателем, Бугле. "Поддерживая идею социального долга, — говорил он, — солидаризм напоминает нам, что мы не можем претендовать на неограниченную свободу в том обществе, организацией которого мы пользуемся, и что, в частности, мы не можем обладать таким правом собственности, которое не испытывало бы никаких ограничений. Точнее: теория квази-контракта подчеркивает необходимость подчинить коллективному контролю договорную автономию отдельных лиц". Таким образом, учение солидаризма привело бы к признанию, что государство должно оказывать регулирующее влияние на частное хозяйство.

Два основных положения солидаризма: одно - относительно организации государства из взаимозависимых, руководимых центральной властью групповых союзов, и другое - относительно надзора за частным хозяйством со стороны государства - определились, таким образом, уже у основоположников учения о солидаризме.

Однако законченного вида ни у Буржуа, ни у Бугле, ни у их последователей и продолжателей теория солидаризма не получила. Странник солидаризма экономист Шарль Жид видел в нем только характеристику тех мер социальной политики, которые стали общим явлением современной цивилизации. А государствовед Леон Дюги обосновывал солидаризмом целесообразность двухпалатной системы, обеспечивающей представительство различных профессиональных групп.

Таким образом, построение теории солидаризма, предпринятое иностранными теоретиками, составляет еще не выполненное задание. Предложен удачный термин, дано общее направление, но законченного и обоснованного учения не создано. Между тем, это более чем когда-либо необходимо в наше время, когда прежние кумиры свержаются и человечество теряет руководящую нить.

Солидаризм представляет собой прогрессивное течение мысли, поддерживающее широкую программу социальных реформ, но теория солидаризма существенно отличается от социалистических учений в отношении подхода к разрешению острых проблем нашего времени. Социализм Маркса и Энгельса отводит этику на второстепенное и зависимое положение. Обосновывая свои идеалы философией экономического материализма, марксизм проповедует возможность улучшения условий общественной жизни мерами экономической реорганизации. Остальное придет само собой. Идея социального прогресса в этом освещении не только предельно упрощается, но и искажается. Прогресс измеряется в действительности не столько материальными, сколько этическими достижениями. Человек отличается от других существ своей духовной культурой. Общественные отношения характеризуются главным образом степенью моральной дисциплины, уважения к достоинству человеческой личности и готовностью людей к подчинению индивидуальных интересов общественным. В частности, основной проблемой нашего времени является не то, как повысить производительность, т. к. в этом отношении капитализм побил все рекорды, а то, как примирить противоположные интересы и организовать общественную жизнь на началах социальной справедливости. Ни в личной, ни в общественной жизни материальное благополучие не имеет решающего значения.

Как бы ни было велико значение материального благополучия, оно не обеспечивает человеку ни полного удовлетворения, ни прочного счастья. Духовная природа человека предъявляет свои запросы, которые не могут быть удовлетворены качеством пищи или степенью комфорта. Точно так же и в общественной жизни. Материальный прогресс значительно улучшает условия существования и расширяет возможности творчества, но если он достигается насилием над человеческой природой и средствами, пробуждающими звериные инстинкты, то моральный вред, причиняемый такими методами, не только обесценивает материальные достижения, но значительно ухудшает социальную культуру, воспитывая злостные человеконенавистнические эмоции. Материальные условия существования зависят притом не только от человека и не могут быть вполне гарантированы ре-

организацией производства и распределения. Стихийные силы природы никогда не были полностью подчинены человеку, и возможность бедствий не может быть всецело исключена. В условиях же бедствий становятся ясны все преимущества этического прогресса перед материальным. Но и в обыденности улучшение условий социальной жизни находится в прямой зависимости от уровня этической культуры, и материальный прогресс достигается не только техническими и организационными мероприятиями, но и способностью людей к сотрудничеству и преданностью общественным интересам. С этой точки зрения современный мир нуждается больше всего в новых этических принципах.

Солидаризм отвечает этим требованиям как продукт передовой, более высокой этики, чем индивидуализм. В то же время солидаризм свободен от принудительности, которая грозит человеку в условиях социализма. Едва ли можно найти другую руководящую идею для правовой системы будущего, которая, не устраняя и не подавляя личного начала, в то же время не препятствовала бы укреплению социальных принципов и корпоративной организации общества.

Психологически солидаризм представляет собой благороднейший эгоизм; юридически – это система норм, подчиняющих индивидуальные права ограничениям во имя общего интереса, или укрепляющая высшим авторитетом самоограничение объединяющихся лиц и организаций – в обоих случаях не только в интересах организованной группы, но и в интересах отдельных лиц.

Система солидарности должна быть проникнута особым этическим сознанием, соответствующим психологии солидарности. Хотя сама по себе солидарность стара как мир, но она проявлялась до сих пор в менее широком кругу явлений общественной жизни. Система же солидаризма предполагает, что весь государственный и хозяйственный строй отношений проникается идеей солидарности.

III. Этическая основа солидаризма

Между солидарностью и солидаризмом такое же различие, как между социальностью и социализмом. Солидарность существует искони: с тех пор, как существует общество. Но солидарность, даже в очень широких масштабах ее проявления, не означает солидаризма как системы национального хозяйства и как организации общественных взаимоотношений в государственном масштабе.

Для обоснования солидаризма нет надобности прибегать к каким-либо искусственным формулам. С психологической точки зрения он отвечает исконному и естественному предрасположению человека к сотрудничеству и солидарности.

Люди руководствуются в своих взаимоотношениях не одним только эгоизмом или альтуризмом. Человек – "существо общественное", и у него, как и у других живых существ, есть общественные инстинкты. Одним из проявлений их являются действия, руководимые солидарностью. Хотя это все не представляет новости и давно принято во внимание как в этике, так и в социологии, даже со специальными названиями: "мютюализм", "ассоциационизм", но обычное противоположение эгоизма и альтуризма так прочно укрепились в со-

знании, что оно предопределило ряд ошибочных выводов и построений, особенно в юридической литературе.

Так, например, юристы, характеризуя различные системы общественного порядка, противопоставляют индивидуализм, проникнутый эгоизмом, универсализму, в основе которого должен лежать альтруизм. Они же делят право на два вида: частное и публичное, из которых частное право защищает частный интерес и, следовательно, отвечает эгоистическим стремлениям, а второе – публичный интерес, т. е. подчиняет интерес личности интересам целого.

Из тех же идей и представлений о мотивах человеческого поведения исходит характеристика двух систем хозяйства: централизованной и децентрализованной. Это может быть изображено графически таким образом:

Эгоизм	Альтруизм
I	I
Индивидуализм	Универсализм
I	I
Частное право	Публичное право
I	I
Децентрализованное хозяйство	Централизованное хозяйство

Таким образом, противопоставляются два типа поведения, две системы общежития, два правопорядка, две системы хозяйства.

Но человек, как уже отмечено, руководствуется в своих отношениях к другим людям не только эгоизмом или альтруизмом, но и солидарностью, которая не может быть отнесена ни к эгоизму, потому что солидарность связывает нас с интересами других лиц, ни к альтруизму, потому что солидарность предполагает сознание взаимной пользы, а не только пользы или сознания общего блага. Поэтому, приняв в основу человеческого поведения солидарность, мы на этом психологическом основании можем построить и особую систему общежития. Назовем ее солидаризм, и перед нами открывается особая система права и хозяйства. Право, которым будет скрепляться система солидаризма, можно назвать координирующим (согласительным или регулятивным) правом, а хозяйство – солидаризованным или координированным хозяйством.

Тогда наша система получит более сложный вид:

Частные интересы	Солидарность	Публичные интересы
Индивидуализм	Солидаризм	Универсализм
Частное право	Координирующее право	Публичное право
Децентрализованное (свободное) хозяйство	Координированное или солидаризованное хозяйство	Централизованное (плановое) хозяйство

Итак система солидаризма основывается на признании того несомненного факта, что поведение людей в их взаимоотношениях безусловно не укладывается в рамки двух направлений: эгоистического и альтруистического. Помимо поведения, характеризующего себялюбием (эгоизм), и поведения самоотверженного (альтруизм), наблюдаются постоянно поступки, основанные на сознании солидарности. Их можно назвать эго-альтруистическими, т. к. они выражаются в уступках, компромиссах, согласованных не для пользы одних только посторонних лиц, но и для взаимной пользы. Всякая уступка, всякое подчинение основывается не на жертвенном служении другим лицам или обществу в целом, а на сознании, что подчинение личного блага общему приносит общие выгоды, а потому и совершается в целях и в пределах этой выгоды.

Разумно понятный личный интерес научает человека соблюдать и интересы общества, в котором он живет. В том случае, когда выгода целого является в то же время выгодой отдельного лица, оно готово поступиться своими частными интересами, чтобы добиться главной цели. На этой почве вырастает психология соподчинения или солидарности, психология эго-альтруистическая.

Сообразно этому неправильно характеризовать устройство человеческого общежития только с точки зрения преобладания в нем индивидуалистических или альтруистических начал. В первом случае отдельная личность рассматривается как высшая ценность. Тогда общество подобно груде камней, в которой отсутствует органическая связь между его составными частями, и значение целого недооценивается, распадается. Но зато в этом случае личная свобода ограждается во всех ее проявлениях, государство подходит к ней предупредительно и осторожно и проявляет свою власть в узко очерченных границах. Во втором случае государство господствует над личным началом, и тогда все отношения складываются противоположным образом. Общество в его целом поглощает тогда часть, личность поступает в распоряжение государства, и, в противоположность индивидуализму, наступает господство коллективизма.

Но так как в области взаимоотношений людей не все исчерпывается эгоизмом или альтруизмом, то и между описанными двумя крайностями индивидуализма и коллективизма тоже возможна промежуточная форма. Эго-альтруизм, или психология солидарности, может быть основанием этой новой формы общественных отношений, которой мы присваиваем название солидаризма. Солидаризм не связывает личности тех целей, которые чужды ей, и не приносит индивидуальные интересы в жертву "общему благу", поскольку эта жертва не вознаграждается выгодами для отдельных групп или лиц. Но, с другой стороны, сознание того, что индивид не в силах в современных условиях обеспечить свои интересы без деятельного участия общественных и государственных сил, заставляет его подчиняться тем требованиям общественного порядка, без соблюдения которых он оказался бы беспомощным в борьбе за существование. Эта идея является основой всякого общественного порядка, но в качестве проявления солидаризма — она воплощается в особых правовых началах, обеспечивающих, во-первых, объединение и совместную защиту интересов противоположных групп, а во-вторых, такое согласование интересов противоположных групп, чтобы отдельное лицо или отдельная группа лиц, подчиняющаяся общественному союзу, членами которого они являются, находили в подчинении союзу отражение своих

прав от притязаний государства, а в подчинении государству — защите от деспотизма общественной организации.

Трезвая, отвечающая действительным условиям общественной жизни оценка соотношения общества и личности, отсутствие крайностей индивидуализма и коллективизма — составляют сущность философии солидаризма. Несомненно, что развитие общественной жизни, социальные прогресс достигаются, с одной стороны, силами отдельной личности и с другой — взаимодействием, которое существует в условиях общественной жизни. Выдающиеся люди, способные отступить от шаблона, создают всевозможные усовершенствования — технические и организационные. Общество закрепляет их успехи и бракует неудачи, отбирая, при посредстве коллективного опыта, наиболее пригодное. Чем шире и разнообразнее взаимоотношения, тем скорее происходит развитие, потому что чем больше умов конкурирует, чем больше голов критикуют и испытывают, тем больше шансов на поддержку при удаче и тем быстрее обнаруживаются дефекты.

Стоит только устранить инициативу отдельной личности, и прогресс останавливается. Но если разъединить людей и прервать их сообщение или преемство в достижениях, то усилия отдельных личностей ослабнут и утратят плодотворность. Таким образом, весь ход общественной жизни определяется характером взаимоотношений личности и общества. Они должны определяться и уважением к самоопределению личности, вносящей творческое начало, и признанием ценностей общественной организации для закрепления индивидуальных достижений, для благополучия отдельных лиц и для успеха общества в целом.

Таковы этический пафос и социальное мировоззрение солидаризма. Ему отвечает идея нового права, которое уже названо было выше координирующим или регулятивным.

IV. Новое право и хозяйство

1. Право координации

Различают обычно два вида права: право частное и право публичное. Юристы полагают, что всякая норма права относится либо к праву частному, либо к праву публичному. Третьего еще нет.

Однако признание иной психологии, кроме эгоистической и альтруистической, и возможности иного порядка, кроме основанного на индивидуализме или коллективизме, приводят к пониманию и иного права, кроме частного и публичного. Психологии солидаризма соответствует *право координации*, согласительное или регулятивное право. Оно требует согласования действий и интересов, причем не только определяет границы свободы, как это принято в частном праве, но и подчиняет частные интересы общим, возлагая в связи с этим на отдельных лиц положительные обязанности. К добровольному самоограничению право координации присоединяет некоторые дополнительные требования, пределом и условием которых являются выгоды самих участников. Поэтому право координации не подавляет личности, не растворяет ее в массе, не подчиняет навязанному порядку.

Оно согласовывает, а не подчиняет; регулирует, а не регламентирует.

В качестве примера такого рода норм права можно указать на полицейские правила, регулирующие уличное движение. Они отнюдь не устраняют свободы передвижения. Они только согласовывают движение таким образом, чтобы один вид движения и одно направление не препятствовали бы другому.

Таковы же задачи права координации (регулятивного) и в других областях его применения. Оно согласовывает разнообразные частные и групповые интересы (различных групп производителей и торговцев). Цель этого регулирования – такое разграничение и согласование частных интересов, которое наиболее отвечало бы интересам и возможностям каждой стороны. Публичный интерес обслуживается здесь только косвенно, подобно тому, как он достигается при охране собственности, при обеспечении свободной хозяйственной инициативы и конкуренции. Но, с другой стороны, в этом случае нельзя говорить и о защите частных интересов в том же смысле, как в отношении гражданского права. Здесь имеются в виду интересы большой группы лиц, благополучие которых небезразлично для государства в целом. Оно не может относиться без внимания к тому, как охраняются интересы рабочего класса, предпринимателей разных видов, купцов определенной категории и т. д.

Право координации (регулятивное) отлично и от публичного, и от частного права.

Отличие от публичного права:

1. Публичное право основано на сознании обязанностей по отношению к государству, как, например, при воинской повинности или уплате налогов. Поэтому требования публичного права категоричны.

Право координации (регулятивное) исходит из признания прочности и непоколебимости существующих прав и только подчиняет пользование ими некоторому контролю в интересах общества или третьих лиц. Таковы, например, правила эксплуатации промышленных предприятий общественного значения: средств сообщения, электрических сооружений и т. п.

2. Публичное право противопоставляет целое части, т. е. государство – подчиненной ему личности.

Право координации противопоставляет одно лицо или одну группу лиц – другому лицу или другим лицам и другой группе.

Поэтому,

3. Все ограничительные нормы публичного права должны быть приводимы в действие представителями власти самостоятельно, по их инициативе, в порядке административного распоряжения или взыскания.

Что же касается права координации, то многие нормы этого права обычно осуществляются только тогда, когда об этом просят заинтересованные лица или группы, как, например, при принудительном арбитраже, который может назначаться по просьбе одной из сторон.

Отличие от частного права:

1. Частное право основано на сознании индивидуальных интересов и личной свободы (свободы собственности, свободы договоров и наследования). Право координации прививает сознание солидарности (необходимости согласования и соподчинения).
2. Решение по гражданскому делу имеет силу только по разрешенному делу; решение, относящееся к праву координации, равносильно инструкции для всех подобных дел.

Основная идея координационного (регулятивного) права, отвечающая и его названию, заключается в том, что государство не может навязывать частному хозяйству те цели, которые ему чужды, и приносить индивидуальные или групповые интересы в жертву общему благу иначе, как в порядке исключительных законов, оправдываемых исключительными обстоятельствами. Оно может допускать только такие ограничения, вернее, такое соподчинение или согласование прав в интересах общей выгоды, которые приносят одновременно выгоду тем, кто подвергается ограничениям.

Координационное право, отличаясь от права публичного, подерживает уважение к частным правам и становится оплотом против опасных тенденций централизации и социализации хозяйства. Как в организации хозяйства, так и во взаимоотношениях отдельных групп общества, принудительное начало должно быть применяемо, как уже сказано, только в крайних случаях. Работники умственного и физического труда являются соучастниками одного общего народного хозяйства, вследствие чего их действия и интересы должны, по возможности, согласовываться добровольно.

Применение координационного права в системе народного хозяйства придает последнему организованность, но организованность, достигаемую не путем подчинения единому принудительному праву, а путем согласования интересов отдельных участников хозяйства. Такая система хозяйства может быть вызвана солидаризированным хозяйством.

Солидаризованные группы землевладельцев будут совместными силами производить разные улучшения в хозяйстве, как это делается теперь в области водопользования; при совместном пользовании общей оросительной сетью, при распределении воды из общего водоема, при ограждении от наводнений и т. д. Солидаризованные группы промышленников будут содействовать улучшениям условий производства и сбыта, совместному обследованию новых рынков и организации торговых агентств. В некоторых случаях подобные организации могут прибегать к ослаблению конкуренции, к закрытию некоторых предприятий, концентрации производства, распределению заказов. Такие меры, осуществляемые теперь современными картелями, трестами и синдикатами, подобно операции удаления больных зубов или аппендицита, могут временно предотвращать болезненные экономические процессы и смягчать кризисы.

Солидаризация хозяйства может быть достигаема при участии и, когда нужно, при поддержке и даже давлении государства.

* См. Г. К. Гинс. "Новые Идеи в Праве", т. 1, стр. 260, 272-276.

Нельзя упускать из внимания, что возникновение одной сильной группы вызывает появление другой. Объединение предпринимателей усиливает рост профессионального движения среди рабочих. Союз промышленников способствует возникновению союзов торговцев или производителей сырья. Союзы предпринимателей и коммерсантов способствуют возникновению союзов потребителей.

В конце концов население распределяется между рядом если не враждебных, то во всяком случае борющихся за свои интересы групп. Государство не может при таком положении оставаться "ночным сторожем": опасности могут возникать и "днем". К тому же группировки экономических интересов все более приближаются к группировкам партийным. Экономика ищет опоры в политике, а высшее политическое руководство остается за государством.

Экономические интересы не без труда объединяют однородные группы. Но здесь солидаризация происходит все же легче под влиянием сознаваемой выгоды объединения. Солидаризация враждующих групп — дело несравненно более трудное. Но и здесь появляется сознание предпочтительности мира, а не борьбы. Но, подобно тому, как международная солидарность связывает большей частью ненадолго и лишь родственные нации, особенно нации, исторически тяготеющие друг к другу и вступающие в союзы, направленные против других, так и отдельные независимые друг от друга группы внутри государства солидаризируются большей частью на основе интересов для совместной борьбы с другими.

Государство не должно препятствовать соперничеству групп, отстаиванию каждой из них своих интересов. Это естественно, неизбежно и даже необходимо для прогресса. Но государство не может оставаться безучастным. Оно не должно допускать таких форм борьбы, которые вредят государству в его целом и, следовательно, в конечном результате вредны и для враждующих групп. В этих случаях вмешательство государства необходимо.

Таким образом возникает необходимость в специальных общегосударственных органах по регулированию хозяйственной жизни, взаимоотношений предпринимателей и рабочих, кооперативных союзов и т. д. В этих государственных органах должны принимать участие сведущие лица и представители заинтересованных групп. Новая структура экономических и социальных взаимоотношений должна найти отражение и в организации государственного аппарата.

*

Современное государство, в сущности, уже давно отступило от принципа "laissez faire". Достаточно перечислить министерства любой страны, чтобы стало ясно, насколько широко участие государства в хозяйственной жизни.

Министерства Торговли и Промышленности, Земледелия, Труда, Транспорта входят в тесную и непосредственную связь с производительными силами народного хозяйства. Другие, как, например, Министерство Финансов, Внутренних Дел, Здравоохранения и пр., имеют косвенную, но все же существенную связь с ними. Обеспечение порядка и правовых гарантий, неприкосновенности собственности, независимого суда, ненарушимости прав изобретателя, охрана права

на фирму и на товарные знаки – все это издавна составляет обязанность государства, и все это необходимо для обеспечения развития хозяйственной инициативы и предприимчивости.

Современное государство не ограничивается такой чисто охранительной деятельностью. Оно принимает на себя заботы о социально слабой стороне. Там, где при свободной конкуренции сил создается значительный перевес на стороне экономически сильных, государство вносит уравнивающее начало. На этом построено все т. н. социальное законодательство (защита труда, страхование от безработицы и т. д.).

Дальше начинается прямое содействие хозяйству. Железнодорожные тарифы и таможенные пошлины, торговые договоры с другими государствами, казенные субсидии и концессии, выдача вывозных премий для поощрения экспорта (демпинг) – вот арсенал общеизвестных средств, с помощью которых достигается поощрение отдельных видов промышленности.

Государство идет затем еще дальше: оно начинает руководить развитием хозяйства. Так, например, создаются органы по содействию рационализации промышленности. Во многих государствах организованы учреждения по психотехнике применительно к целям рационального использования труда.

Государства принимают на себя также содействие распространению сельскохозяйственных машин, улучшению кустарных производств, поощрению огнестойкого строительства и т. д.

В целях борьбы с безработицей государство составляет план общественных работ, осуществление которых приурочивается к периодам промышленных кризисов. Государство может также составлять широкие планы согласования производств для наиболее целесообразного распределения и использования труда, считаясь, например, в аграрных странах с сезонами сельских и городских работ. В индустриальных странах государство может пытаться предотвратить перепроизводство посредством финансовых мероприятий, оказывая влияние на систему кредитования расширением или сокращением кредита.

Таким образом, хозяйственная роль государства становится все более значительной. Из сторожа, каким было оно в эпоху экономического либерализма, государство превращается в орган активного содействия хозяйственному благополучию страны. Оно принимает на себя инициативу и руководство. Не покушаясь на независимость частных лиц, государство старается дать их деятельности направление, наиболее отвечающее общим интересам народного хозяйства.

Однако возвращение к началу контроля и частичного вмешательства в стихию частного хозяйства дает только толчок к осуществлению более радикальных мер. Как обыкновенно бывает, недовольство каким-либо порядком рождает стремление к противоположности, а первый шаг к ограничениям создает соблазн к дальнейшим, еще более решительным мерам в том же направлении. Такими попытками и характеризуется переживаемое нами время. Полную противоположность либеральному (правовому) государству представляет собой коммунизм, взлелеянный не только социалистическими доктринами XIX века, но и опытом военного хозяйства.

Коммунистическое государство, нашедшее осуществление в СССР, является прямой противоположностью государству либеральному (правовому). Оно полностью подчиняет себе все народное хозяйство и растворяет человеческую личность в государстве.

В фашистской Италии и нацистской Германии связь с принципами либерального хозяйства не была так резко порвана, но резко было выражено расхождение с демократическим направлением социально-политического государства. Уделяя, по крайней мере в своих программах, большое внимание заботам о поднятии благополучия и культуры широких масс, эти государства коренным образом порвали с демократическими формами управления и пренебрегли конституционными свободами. Власть авторитарного государства не выборная, она сосредоточивается в руках "вождя", представляющего господствующее настроение нации, как он сам его понимает.

Фашистское государство столь же тоталитарно, как и коммунистическое. И то и другое допускают господство только одной партии. И то и другое антидемократичны и, следовательно, колеблют основы правового строя, потому что сущность демократии не в ее формах, а в правовых гарантиях гражданских и политических прав. Наконец, и одно и другое организуют хозяйство, вытесняя частное право и расширяя применение права публичного; но только коммунистическое государство делает это решительно и по отношению ко всему народному хозяйству в целом, а фашизм — только частично.

Различие между фашистскими и коммунистическими типами тоталитарного государства главным образом в том, что коммунизм интернационален, а фашизм националистичен. Отсюда различие в направлении международной политики. Коммунизм стремится разрушить другое государство посредством революции, поддерживая или разжигая революционные движения, а фашизм — посредством завоевания соперничающих стран и подчинения их своему господству. В коммунистическом государстве нет принципа расового преобладания, но ничто не мешает и интернационалу превратить свои интернациональные идеи в орудие империализма, хотя и своеобразного типа, или использовать националистические чувства для обеспечения торжества интернациональных планов.

В коммунистическом государстве нет деления общества на классы, фашизм сохраняет принцип классовых интересов, но и здесь следует отметить, что, поскольку государство принимает на себя примирение классовых противоречий, это различие тоже сглаживается: в нацистской Германии классовое деление было почти вовсе устранено.

Дальнейшее и более существенное различие заключается в том, что советский коммунизм убил собственность и конкуренцию, а фашизм сохранил им жизнь, хотя и в суженных рамках. Но и этого было достаточно, чтобы создалось глубокое различие в их экономической структуре. Наконец, было различие и в идеологии. Коммунизм насквозь проникнут материализмом, фашизм ставит политику выше хозяйства и допускает идеалистические настроения.

Среднее место между коммунистическим и фашистским государствами, с одной стороны, и либеральным государством прежнего типа, с другой, занимает эволюционирующее социально-политическое государство. В основе своей оно сохраняется еще в Англии, Франции и Италии, но более органично развивается в США, выражаясь в ряде мероприятий, направленных в сторону улучшения положения народ-

ных масс. Власть в государствах этого типа, не покушаясь на свободу собственности и договоров, только ограничивает их, поскольку это необходимо в целях сохранения интересов трудящихся, и не приписывает себе роли руководителя хозяйственной деятельностью населения. Но государство этого типа не отказывается от контроля над хозяйством, поскольку это необходимо для согласования частных и общественных интересов. Так как идейной основой устанавливаемых ограничений и контроля является стремление к согласованию интересов или солидаризации их, то нарождающийся тип нового государства можно назвать солидаристическим. Он имеет наибольшие шансы стать господствующим типом государства будущего.

2. Политическая программа солидаризма

Солидаризм не дает государству права регулировать хозяйство, не превращает хозяев в чиновников, не уничтожает собственности и конкуренции. Но государство перестает быть только политической силой. Оно определенно ставит своей задачей содействовать производительным силам страны и согласовывать интересы предпринимателей, рабочих и потребителей.

Однако расширение хозяйственных задач государства требует и расширения полномочий его исполнительных органов, и в этом таится серьезная опасность. Если в одних и тех же руках сосредоточиваются нити не только политического, но и хозяйственного управления, то правительства становятся вершителями судеб народа в полном смысле слова. Власть государства нового типа обнаруживает склонность к авторитарности и антидемократичности. Она добивается устойчивости и широты полномочий; она не только исполнитель, но и законодатель; она не придает значения выборному началу и противопоставляет ему организованность и единство.

Во избежание этого извращения основ демократического строя вмешательство государства в действия частных хозяев и предпринимателей должно быть строго ограничено: оно допустимо либо в случае расхождения частных интересов с интересами государства, либо в случае такого конфликта между интересами отдельных производительных групп, который они не могут разрешить собственными силами. Солидаризм отрицает и пассивность либерального государства, и самоуверенную претенциозность государства социалистического.

Солидаристическое государство все же более властно, чем либеральное и так называемое "культурное" или "социально-политическое" государство.

Видоизменяя не только хозяйственный, но и государственный строй, солидаризм рекомендует создание - наряду с парламентом - представительства различных хозяйственных групп населения. Но сущность солидаризма не во внешней организации общества, а в изменении взаимоотношений предпринимателей и рабочих, а также других общественных групп с противоположными интересами, и в соответствующем изменении функций и характера государственной власти.

* См. Г. К. Гинс. "Новое Право и Предпринимательство". Харбин, 1940.

Вопрос об организации власти в солидаристическом государстве – не легкий. Организация власти находится в зависимости от культурных, исторических и даже географических условий. Создавать ее по одной теоретически разработанной схеме, одинаково для всех народов нельзя. Если срок полномочий определен в несколько лет, то это уже дает власти устойчивость. Что касается полномочий носителя верховной власти, то они могут расширяться, но при непременном обеспечении ответственности и законности. Если Палата Представителей будет обладать правом отмены, или заинтересованные группы – правом обжалования формально неправильных или нецелесообразных ограничений хозяйственной свободы, или неоправданного вмешательства в хозяйственную жизнь, то этого будет достаточно, чтобы власть не могла злоупотреблять своими полномочиями. Если в государстве будет независимый и авторитетный суд, этого будет уже достаточно, чтобы оградить право от произвола.

Авторитарность власти вовсе не требует однопартийности, как это было установлено в государствах фашистского типа и в Советском Союзе. Запрещение политических организаций означает боязнь оппозиции, а существование одной только политической партии приводит неизбежно к деспотизму. Многопартийность, ставшая политической традицией в некоторых странах, – несомненное зло, но наличие организованной в партию политической оппозиции является лучшей гарантией от произвола, лучшим средством для воспитания сознательности и, может быть, даже предохранительным средством против революции, поскольку оппозиция может рассчитывать на приход к власти легальным путем.

Солидаризм противопоставляет классовой борьбе социальный мир. Можно сказать, что он является антиподом марксизму с его теорией классовой непримиримости. Но для того, чтобы устранить или смягчить классовую борьбу, вовсе не нужно запрещать ее. Надо прекратить то, что разжигает классовую борьбу, и следовательно:

1) обеспечить трудящимся возможность защищать их интересы, не прибегая к вредным для государства способам – забастовкам и саботажу;

2) улучшать, насколько возможно, материальные и культурные условия жизни трудящихся, установить некоторые принципы повышения заработной платы и пенсионного обеспечения в соответствии с ростом цен и увеличением прибылей;

3) поставить предпринимателей и рабочих в равное положение перед законом как с точки зрения защиты их интересов, так и в смысле подчинения авторитету закона и власти.

В коммунистическом же государстве власть принадлежит выразителям идеологии одного класса и обеспечивает осуществление своей программы физическим истреблением всех инакомыслящих.

В демократическом государстве власть, созданная всеобщим избирательным правом, может быть классовой, поскольку носители ее принадлежат к какой-либо господствующей партии. Но в силу существования оппозиции и политического соперничества, критики в

парламенте и печати, влияния общественного мнения, она не может не считаться с интересами нации в целом.

В солидаристическом государстве власть надклассовая. Пафос ее выражается в сотрудничестве классов в интересах общей пользы. Задача солидаристического государства – не подавлять один класс другим и не покровительствовать одному классу за счет другого, а содействовать согласованию их интересов, как равно и согласованию интересов этих классов с интересами общества в его целом.

Практически политика солидаризма должна находить выражение в широкой программе мероприятий, направленных на улучшение жилищных и культурных условий жизни трудящихся, на содействие их образованию и развитию в целях повышения их квалификации и культурного уровня, на удовлетворение духовных нужд, улучшение санитарных условий и медицинской помощи. Все это составляет обязанность государства, если оно действительно стремится к смягчению классовой борьбы и укреплению доверия всех классов общества к государству.

Заботы о трудящихся не должны идти в ущерб предпринимательству. Либеральное государство предоставляло широкий простор предпринимательству, и эта свобода оправдывала себя. Но либерализм, как уже пояснялось, сам себя изжил. Вместе с тем повысилась хозяйственная активность государства, и таким образом создалась угроза частной предприимчивости. Фашистское государство подчинило ее тяжелой опеке, а коммунистическое – вовсе упразднило. Солидаристическое государство не должно предписывать, что частные предприниматели должны делать, но только указывать, чего делать нельзя.

Запрещение или ограничение некоторых видов предприятий, контроль над приемами торговли и конкуренции, ограничение дивидендов – меры, которые при известных условиях могут встретить сочувствие со стороны самих предпринимателей. Но только при условии, что они не затрагивают свободы хозяйственной деятельности и торговых соглашений, а ограничиваются борьбой с нездоровыми явлениями и злоупотреблениями свободой. Если государство вправе и обязано бороться с вредными приемами борьбы рабочих организаций против предпринимателей, то оно обязано в той же мере бороться со спекуляцией, искусственно вздувающей цены и расстраивающей рынок, или подрывающей нормальное денежное обращение. Где есть риск, там должны быть и шансы обогащения. Недобросовестность и хищничество не могут быть смешиваемы с естественным стремлением предпринимателя к прибыльности дела.

Солидаристическое государство – это эволюционирующее социально-политическое государство нашего времени, расширяющее свое влияние в области хозяйства и одновременно свою социальную политику. Будучи связано с исторически предшествующими формами государства, оно коренным образом отличается от фашизма и коммунизма, которые родились в ненависти и вражде к существующему государству и поэтому увлеклись крайностями. И фашизм, и коммунизм следует рассматривать как явления преходящие, вызванные исключительными обстоятельствами.

Укрепление начал солидаризма в хозяйстве, социальных отношениях и государственном устройстве предполагает соответствующее воспитание молодых поколений. Каждый тип государства создает

свой тип школы. Сословное государство организует для привилегированного класса один тип школы, для низших классов — другой. Либеральный режим воспитывает индивидуальное соревнование. Школа нашего времени должна стать маленьким социальным миром сотрудничества. Если предметом забот педагогов являются не отдельные ученики, а команда, класс, школа в целом, то это не может не оказывать соответствующего влияния на учеников. Они проникаются духом сотрудничества и групповой солидарности. Поддерживать репутацию своей школы, своего класса значит учиться взаимопомощи и проникаться духом единства, который так нужен теперь в государственном масштабе. Выделяя лучших, наиболее талантливых учеников, надо прививать им сознание, что они должны содействовать и отстающим.

Социальная психология учит нас, что поведение людей зависит от влияния на них общественной среды вообще и социальных организаций, к которым они принадлежат, в частности, особенно государства, гражданами которого они являются. Если воспитание не подготавливает людей к тем условиям жизни, в которых они будут работать и бороться за существование, то это будет вредить и им, и обществу. Социальная культура нашего времени нуждается в человеке, понимающем значение общества и государства, в которых он живет. Культурные цели и задачи воспитания меняются в зависимости от места и времени. В свое время был понятен лозунг индивидуальной свободы и покровительства эгоизму. Теперь воспитание должно быть проникнуто новым духом. Нашей эпохе больше всего соответствует синтез индивидуалистической и социальной культуры, при котором начала общественности охраняются, прививается сознание ценности общественного сотрудничества и значения государства, но в то же время поощряется свободное развитие личности, проявление ее индивидуальности, и предоставляется каждому совершенствовать его способности и обогащать себя духовно и морально.

Влияние школы обычно дополняет то воспитание, которое дается в семье. Семья, как и государство, может быть построена на различных началах. Можно представить себе семью как свободное сожительство независимых членов семейства, хотя и связанных узами родства и общности домашнего хозяйства, но сохраняющих широкую самостоятельность и независимость. Это — семья либерального типа, воспитывающая индивидуализм, легко рассыпающаяся.

Иного характера семья, состоящая из лиц, связанных не только родственной близостью, но и духом солидарности, скрепленной авторитетом родительской власти и требующей согласования поведения и интересов, при посредстве авторитета родителей и "семейного совета", в целях общей выгоды всей семьи. Такой именно тип семьи наиболее отвечает задачам солидаризма.

Этические основы солидаризма, если они утвердятся в мире будущего, обещают преобразовать отношения людей и общественных организаций. Начало этому преобразованию положат отдельные государства, которые усвоят новую идею права в своем внутреннем законодательстве.

* Г. К. Гинс. "Социальная психология", Харбин, 1936, стр. 186-197.

Может ли эта же идея быть принятой в сфере международных отношений? Солидарность, связывающая отдельные нации, не имеет еще юридической санкции. Над государствами нет пока такого авторитета, который мог бы принудить к подчинению, когда действия одного из народов противоречат международной солидарности. Организация Объединенных Наций является лишь переходной ступенью. Как и ее предшественница Лига Наций, эта новая организация является по преимуществу форумом, который дает возможность дипломатам разоблачать опасные тенденции международной политики и располагать общественное мнение в пользу определенных предположений. Но все же Организация Объединенных Наций представляет значительный шанс вперед, и если бы не существовало непримиримости между миром, придерживающимся принципов права, и миром, руководящимся только этикой революционного насилия, то эта новая международная организация могла бы положить прочное основание международному солидаризму.

Международные отношения определяются в значительной степени общим уровнем социальной этики.* Когда люди и общественные группы научатся в интересах взаимной пользы ограничивать себя и подчиняться требованиям единства, тогда станет осуществимой и более тесная солидарность народов. Когда солидаризм укрепитя в жизни отдельных наций, он подчинит себе и отношения народов. Не столько сила реальных политических интересов, неизменно вредных, сколько сила мысли и убеждений подготавливает мир к новым порядкам. Укрепление солидаризма внутри государств приведет, естественно, и к солидаризму международному. Совместными усилиями культурные нации сумеют найти для его укрепления и юридические санкции. Но до этого еще далеко.

Солидаризм в настоящее время — это оплодотворяющая идея, применение и развитие которой займет целую эпоху. Эта идея может наполнить творческим содержанием целый век, осветив его ясностью планов и стремлений, и предопределить развитие как хозяйства, так и государства будущего.

V. Перспективы солидаризма

Солидаризм как руководящая идея может быть принят любой страной. Лучшим показателем этого может служить то, что этой идеей увлекались во Франции, где, впрочем, не сумели облечь ее в плоть и кровь; что ее вынашивали русские народники и социологи; что ею пробовал обосновать свои искусственно созданные синдикаты, федерации и конфедерации Муссолини.

Одна и та же идея может получить различное практическое применение, если принципы ее недостаточно точно установлены, в зависимости от условий, в которых она применяется. Так, например,

* Г. К. Гинс. "Социальная психология". Харбин, 1936, стр. 186-197.

социалистические идеи получили различное выражение в процессе осуществления их английскими лейбористами и русскими большевиками. Идеи экономического либерализма, в свою очередь, могут быть использованы не только для оправдания системы полного невмешательства государства, но и для осуществления социального законодательства, направленного на обеспечение интересов широких масс населения: улучшение условий труда, помощь на случай утраты трудоспособности.

Идея солидаризма только в том случае не потерпит извращения, если она принимается нераздельно от принципов демократизма. Только тогда она не утратит своего прогрессивного характера и будет основой передовых преобразований социальной системы. В процессе разработки новой социальной идеи трудно установить, где и в какой форме она может получить свое первоначальное осуществление, но в наше время, когда мир явно разделился на два лагеря с двумя противоположными системами, наибольший интерес представляет вопрос, могла ли быть приемлема эта идея для страны передового капитализма — США, и может ли она быть с успехом противопоставлена сталинскому социализму, если бы в Советском Союзе создавалась возможность преобразований.

В США солидаризма как социального учения не знают, а само слово "солидаризм", как производное от солидарности, звучит странно и непонятно. А между тем едва ли можно найти страну, более подготовленную к восприятию идей солидаризма в их наиболее прогрессивном и привлекательном виде. В политике США уже прочно установилась традиция согласования действий двух руководящих политических партий (Bipartisan policy) в некоторых вопросах общенационального значения, главным образом в международной политике. В отношениях между рабочими и предпринимателями также устанавливаются традиции согласования интересов.

В Европе идея классовой борьбы как неизбежной и спасительной необходимости ослепляла лидеров рабочего движения и лишала их способности свободно искать те формы взаимоотношений с предпринимателями, при которых увеличение производительности народного хозяйства сопровождалось бы улучшением положения рабочих. В Америке Гомперс, а затем его преемники Грин и Уоллинг сознательно вели рабочий класс именно в этом направлении. Рабочие в Америке не стремятся встать выше других классов, их стремление — подняться до уровня высших и установить солидарность рабочих с другими группами общества. Они хотят улучшить свое благосостояние, пользуясь возрастанием производительности промышленности. Они рассматривают народное богатство как результат труда "общества в его целом". Они считают своей задачей организовать всех живущих на заработки для совместного охранения их интересов. В то же время предполагается, естественно, что и другие полезные и производительные элементы общества также будут организовываться и вступать в тесные взаимоотношения с рабочими организациями. Эти идеи отчетливо выражены в т. н. Портландской конвенции, составленной в 1923 году по вопросу об "индустриальном самоопределении". Конвенция эта гласит, между прочим, о том, что "миссия индустриальных групп — не столкновение и борьба; их истинная цель — сойтись и мирно законодательствовать".

В результате этой политики возникло множество разнообразных хозяйственных учреждений, в которых представлены интересы служащих и рабочих, часто на паритетных основах, а также федеральных комитетов, которые контролируют важнейшие отрасли хозяйства.

Большое влияние на характер рабочего движения в Америке оказывает глубоко укрепившаяся в нации психология демократического государства. Идея народного суверенитета в своем практическом воплощении приучает подчиняться большинству и укрепляет сознание единства нации. Стремление одного класса подавить другой расходуется с этой психологией, и марксистская догма не пользуется большим успехом в Америке; но зато здесь легко распространяется и проникает даже в руководящие круги промышленной буржуазии сознание недопустимости политического преобладания крупного капитала и его представителей. В Конгрессе представлены интересы промышленников и фермеров, производителей и потребителей, и законодательство поддерживает баланс, предохраняющий от засилья одной или другой экономической группы. Школа, в свою очередь, воспитывает своих питомцев в идее престижа и чести всего учебного заведения, приучает их таким образом к пониманию коллективных интересов и готовит из них граждан, умеющих понимать национальные интересы и поэтому ценить и защищать свою родину.

В то же время демократические основы государственности, выросшие и окрепшие вместе с нацией, настолько прочны, что здесь солидаризм не может вылиться в форму принудительной системы, ограничивающей индивидуальные права и свободу развития общественных организаций.

Что касается России, то после советской системы, убивающей самостоятельность и инициативу отдельных лиц и связывающей общественную жизнь, там создадутся наиболее благоприятные условия для согласования интересов в духе солидаризма. Большевизм не оставит после себя значительных и независимых организаций, как равно и независимых обеспеченных лиц. После свержения большевизма не будет поэтому острого антагонизма и противоречия интересов. Не будет, равным образом, благоприятных условий и психологической почвы для возрождения крайностей индивидуализма. Возрождение национальной жизни будет возможно только в условиях оживления общественной самостоятельности, а мирная общественная жизнь и хозяйственное восстановление страны не будут возможны без согласования разнообразных интересов. В этом смысле будущее в России принадлежит солидаризму.

Если солидаризм может стать руководящей идеей и в США, и в России, он может рассчитывать стать руководящей идеей нашего века. Преобразование мира в духе новых идей никогда не проходит безболезненно. Но важно то, чтобы преобразование применительно к новым условиям мирового хозяйства произошло на благо человечества, с повышением уровня социальной культуры и этики. Руководящая идея ободряет, подобно тому, как свет маяка, хотя бы далекого, поднимает дух моряков, заблудившихся в густом тумане среди скал. То, что обещает солидаризм, вполне достижимо и, если не представляется совершенным идеалом, то, во всяком случае, указывает достойные цели и пути к ним.

Этюд о классах

А. АРТЕМОВ

От Редакции. Мы намерены, наряду с новыми материалами, печатать статьи прошлых лет, неустаревающего значения, опубликованные в журнале "Посев" и других журналах издательства "Посев".

Помещаемая ниже статья взята из журнала "Посев", тогда еженедельного, № 48 (915) от 29 ноября 1963 года.

В общественно-политических науках и в общественно-политической жизни за последние сто лет классовый подход стал как бы патентованной специальностью марксистских течений, особенно коммунистического движения, сыгравшего такую большую роль в нашей истории и играющего ныне одну из решающих ролей в жизни всего человечества.

Теория классов и классовой борьбы была выдвинута и первоначально разработана французскими историками еще до Маркса, но только марксистам удалось превратить ее в орудие политической практики огромной мобилизующей силы. Одновременно это использование социологической теории для практических целей и надобностей политической борьбы догматизировало соответствующую область социологического анализа и оторвало его от живого процесса исторического развития общества.

Равным образом эта догматизация оторвала марксистскую мысль, особенно в нашей стране, от общего бурного развития социологической науки нашего времени, и целые поколения людей в тоталитарных коммунистических государствах держатся в шорах схоластических схем, которые, с течением времени, все больше обнаруживают свою первоначальную ограниченность и все больше отстают от жизни.

Можно быть уверенным, что рано или поздно советская социология (сама-то получившая право на существование лишь в конце пятидесятых годов) будет вынуждена капитулировать перед ходом развития жизни и науки и обратиться к серьезному изучению стратификации современного общества, как в свое время схоластическая философия капитулировала перед кибернетикой (ей приходится по сей день латать те пробелы, которые причинены упрямством казенных идеологов, как в будущем тем же придется заниматься и советской социологии).

Однако эта капитуляция, несомненно, будет сопровождаться упорными оборонительными боями и стремлением задержаться на многих старых рубежах, спасти максимум старого идеологического багажа, хотя кое в чем будут пытаться даже забегать вперед или изображать, что новое вполне согласуется с основными положениями классиков марксизма-ленинизма или даже было предвидено ими (что мы наблюдаем ныне в той же кибернетике).

С этой точки зрения практически целесообразно вести разговор, придерживаясь марксистских схем и лишь постепенно и в меру необходимости отходя от них на минимальное расстояние в область близлежащих понятий.

Под классами понимаются большие группы людей, различающиеся по их месту в общественном производстве, по их отношению к средствам производства (с точки зрения собственности), по их роли в общественной организации труда, по способам получения и размерам получаемой доли общественного продукта.

Для индустриального общества, в его капиталистической стадии, основными классами считаются класс промышленников капиталистов (владельцев заводов и фабрик) и класс промышленных рабочих (пролетариев, лишенных средств производства и живущих продажей своей рабочей силы, т. е. работой по найму).

В сельском хозяйстве этому должны соответствовать класс помещиков, крупных фермеров (ведущих хозяйство и производство латифундий и ферм при помощи наемного труда) и класс наемных сельскохозяйственных рабочих (батраков).

Но тут коммунисты, сначала в России, а теперь и во всем мире серьезно столкнулись с широким и устойчивым явлением — крестьянством, которое владеет средствами производства, но ведет хозяйство и производство за счет собственного труда (хозяина и членов его семьи). И, с легкой руки Ленина, крестьянство пришлось считать достаточно важным классом современного общества, чтобы, в той или иной мере, сопричислить его к более широкому понятию трудящихся и использовать его интересы в политической борьбе, а кое-где даже поставить на него ставку (хотя бы временно). Даже в социалистическое общество крестьянство вошло почти на равных правах с рабочими (при всех особенностях его пути в социализм и коммунизм), и конституция СССР говорит уже о "государстве рабочих и крестьян", а советская политграмма — о двух классах социалистического общества, которые не являются эксплуататорскими и антагонистическими, а различаются по их месту в общественном производстве (промышленность или сельское хозяйство), по их отношению к средствам производства (общественная собственность или кооперированная).

Однако такое распространение политической благодати на труженников-собственников в селе немедленно ставит вопрос о труженниках-собственниках в городе, т. е. о так называемой мелкой буржуазии (советская политическая наука умудряется и крестьян относить к "мелкой буржуазии", хотя филологически это противоестественно, поскольку "буржуа" исторически обозначало горожанина). И прежде всего дело касается ремесленников, кустарей, ведущих свое собственное хозяйство и производство своим собственным трудом.

Вопреки всем предсказаниям марксизма, средние классы не только не исчезают, не растворяются между капиталистами и пролетариями, но все больше увеличивают свой удельный вес. В социалистическом государстве с ремесленниками, кустарями поступили так же, как и с крестьянами, объединив их в огромной организации "промышленной кооперации", охватывающей миллионы людей и производящей от 25 до 50 процентов продукции народного хозяйства по соответствующим отраслям (крестьянские колхозы также относятся к "производственной кооперации", как и промысловые объединения). Советская социология их игнорирует, но они играют очень большую роль в

жизни общества, особенно если учитывать свободную сферу экономики (за пределами государственного контроля, статистики и кооперативного охвата).

Таким образом, и в условиях коммунистического государства можно обнаружить производственные классы, которые в условиях нормального правопорядка получили бы свободное развитие и заняли бы подобающее им место в общественной структуре и общественной жизни и которые в создании такого нормального правопорядка кровно заинтересованы.

Но в понятие "мелкой буржуазии" включается еще одна группа собственников, ведущих свое хозяйство своим трудом. Это торговцы. Правда, тут встает вопрос о том, что их труд не является производственным. Однако советская социально-политическая классификация сама допускает довольно широкую брешь в своем "производственном" подходе, относя, например, транспорт к "отраслям материального производства", а транспортных рабочих - к индустриальному пролетариату. Политически иметь на своей стороне транспортников (так же как и печатников) очень выгодно, но социологически допускать тут неточности очень рискованно.

Итак, если не только внутризаводской транспорт, но и транспорт вообще ("осуществляющий перевозки грузов и пассажиров") можно считать, по меньшей мере, дополнительным элементом производства и уж, во всяком случае, отраслью общественно-полезного труда, то и товаропроводящая, торговая сеть становится в ряд вполне оправданных категорий.

Социально-психологическое оправдание мелкие торговцы получают уже из-за собственного труда (в наше время все возрастающего значения индивидуального автомобильного транспорта торговли, привозящие и развозящие товары на собственных автомобилях, оправданы дважды). С точки зрения общественного производства, к тому же современная социология склонна все большее значение придавать роли потребителем в направлении производственных процессов, в прямой ущерб прежней роли производителей: рабочий предприятия может определять, как лучше вести производство, а потребитель определяет, нужно ли это производство вообще. И тут торговый посредник оказывает огромное влияние как на формирование вкусов потребителей, так и на направление деятельности производителей.

Бюрократизация товаропроводящей сети в коммунистических странах, с переводом торговли и торговцев в систему государственного и кооперативного "снабжения", достаточно ярко обнаружила свой вред и широко дополняется всюду спасительной частной инициативой в этой области. И если не цепляться за схоластические схемы, а исходить из жизни и интересов народа, давно пора дать индульгенцию работникам торговли, а также считать этот средний класс в свободном обществе равноправной социальной группой.

В свободном обществе имеется довольно большая группа "лиц свободных профессий", которые у нас входят в общую категорию "интеллигенции". Понятие "интеллигенции" очень широко и включает в себя многое и разное: адвокаты и врачи, инженеры и техники, агрономы и ветеринары, бухгалтеры и канцелярские служащие, плановики и администраторы, учителя и актеры, ученые и художники. Все они обычно характеризуются как "работники умственного труда", сфера их деятельности относится к "надстройке", а сами они относятся к "прослойке", хотя и к почетной ныне (большевики украли у эсеров

- наряду с промежуточным решением аграрного вопроса путем "социализации земли" - трудовую триаду "рабочих, крестьян и интеллигенции").

Выключение умственного труда из элементов производственного процесса является самым слабым местом политэкономии, фундирующей классовый подход к анализу общества. Марксизм в своем партийном ослеплении доводит дело до абсурдов, и эти абсурды все более дают себя знать. В действительности умственный труд образует по меньшей мере равноправный элемент даже в материальном производстве (т. е. в производстве материальных ценностей), а при ином гипотетическом партийном подходе можно было бы считать его за первооснову, интеллигенцию - за первопроизводителей производства, а капиталистов и рабочих вместе - за эксплуататоров интеллигенции. Ибо когда ученый в лаборатории открывает синтез полимеров, а потом тысячи людей начинают жить за счет производства синтетических веществ (каучук, искусственное волокно, пластмассы), то, положив руку на сердце, кто же кого эксплуатирует?

Но, разумеется, и этот партийно-классовый подход был бы ошибочным преувеличением, поскольку не только производство в целом есть сочетание умственного и физического труда, но и каждый трудовой процесс есть сочетание умственных и физических элементов (иначе ученому не нужны были бы руки, а рабочему мозги).

Советская философско-политическая мысль вот уже годы робко отходит на новые позиции, перетаскивая естественные науки из "надстройки" в "базис", а теперь уже заявляя, что "наука становится (!) фактором производства".

В современном обществе помещение бюро с сонмом "служащих", трещащими пишущими машинками и арифмометрами, ничем не отличается от иного фабричного цеха с вращающимися креслами для работниц у конвейера и со скучающим рабочим у распределительного энергетического щита.

В коммунистических государствах адвокаты коллективизированы в "коллегии", врачи поставлены на положение государственных служащих. Но в свободном мире имеется целая социальная группа самостоятельных тружеников интеллектуальных профессий, которая никак не сокращает своих функций в общественной жизни и своего места в общественном труде.

Говорят, что государственный флаг КНР с изображением одной большой звезды и четырех малых звезд символизирует союз рабочих с крестьянами, интеллигенцией, ремесленниками и мелкими торговцами. Тогда Мао сделал дальнейший шаг от Маркса после Ленина, обратившись не только к крестьянам, но и ко всем перечисленным группам.

Решающим, однако, в марксистском определении классов является вопрос такого владения средствами производства, которое связано с применением наемной рабочей силы, и такой роли в организации общественного труда, которое связано с возможностью влиять на распределение прибавочной стоимости.

Тут уже возникает особая тема, которая требует отдельного анализа. Но из того, что было сказано об умственном труде, вытекает многое о значении организаторских функций, что может быть отнесено как к руководству государственной или общественной сферой народного хозяйства, так и к ведению частных предприятий.

"Нужен другой, квалифицированный врач"

Перестройка в нашей стране заставила по-иному взглянуть на различные проблемы внутренней и внешней политики и оценить все происшедшее с позиции новых взглядов. Так, бывшие диссиденты 70-80-х годов (часть из них, среди которых есть и мои одноклассники) покинули нашу страну не в поисках лучшего куска к своему столу, а в поисках духовной свободы, возможности свободного волеизъявления личности на nive общественной, культурной или производственной деятельности тех стран, где они нашли себе приют.

У меня лично, в свете сказанного, возникли вопросы о тех общественных организациях, которые создали вы, наши соотечественники за рубежом после революции. В частности, это касается вашей организации, которая все время считается реакционной и на мой взгляд необъективно преподносится нам нашей пропагандой.

Случайно попавшие мне издания "Посева" за 1988 год зародили определенные сомнения и вопросы. Что же в них реакционного, направленного против русского народа? Я отбрасываю в сторону разные беспочвенные эмоциональные всплески, которые проскальзывают в некоторых публикациях, не в них дело! Главное направление того, что мною прочитано, достаточно позитивно и, мало того, дает информацию о том, что у нас произошло и о чем мы до сих пор не полностью осведомлены, например, "дело Ельцина".

В свете прочитанного, хотелось бы ретроспективно взглянуть на ваши публикации прошлых лет. Может быть, и в них правда, скрытая от нас, которая противниками нашего народа (а иначе нельзя назвать Сталина и Брежнева и их окружение) считалась реакцией против нашей страны? Если это так, то вся ваша деятельность требует переоценки, так же, как переоценивается вся внешняя и внутренняя политика нашей страны. Тот, кто борется за свободу народа, когда, как в пору сталинизма и застоя, наш народ угнетался (наверное, в большей степени, чем любой народ за рубежом в развитых странах), заслуживает определенного внимания.

Нельзя считать, что демократия в нашей стране победила. Периодическая печать нашей страны нет-нет да высказывает сомнения, что рецидив возможен, то в сфере экономики, то в сфере культуры и искусства, то в сфере национальной политики и социальной справедливости. Поэтому взгляд со стороны людей, свободных от диктатуры одной правящей партии, представляется интересным, так же, как интересен диагноз консилиума родственникам умирающего больного, лечащий врач которого уверяет их, что все нормально - больной поправится.

На мой взгляд, все, что у нас делается, носит позитивный характер, но позитивный характер того самого больного, который пытается вылечить сам себя. Но всем известно, как вредно и опасно заниматься самолечением. Поэтому нужен другой, квалифицированный врач, чтобы достигнуть успеха. Таким врачом в нашей стране может быть только другая партия или сама беспартийная масса, объединенная в народный фронт или что-то в этом роде.

Теперь вам, наверное, ясно, какие думы иногда приходят в голову соотечественникам и почему хотелось бы получить от вас спокойную и объективную оценку внутренних событий. Ведь хор всего мира в поддержку перестройки – это не всегда хорошо, могут быть замазаны крупные недостатки и ошибки. Нет критики сегодняшнего дня, нет объективности и полной гласности.

Все выше отмеченное неоднократно обсуждалось в кулуарах научной среды. Многие вопросы нашли объективную поддержку, не только в разговорах, но и в действиях, направленных на создание неформальных организаций, для которых дорога вся наша история, и которые хотят знать правду всю и обо всем.

Н.Т., июнь 1989 г.

”Многopартийная система – это я не разделяю”

Здравствуйте, уважаемые члены редакции журнала ”Посев”!

Совершенно случайно получил возможность и прочитал некоторые публикации вашего журнала.

Никогда еще с таким интересом не читал политической литературы. Очень понравилась откровенность, глубокий анализ и всесторонняя осведомленность об образе жизни, политических и экономических проблемах в СССР.

Ваши мысли и выводы о системе управления в СССР во всех сферах очень интересны, многое вынуждено признать и наше руководство. Вы пишете о тоталитарности нашего государства, о КПСС как о партии, навязывающей свои идеи и власть, о несостоятельности этой партии как руководящей силы советского общества.

На съезде народных депутатов СССР была попытка отдать полное руководство страной советам народных депутатов, т.е. якобы народу. С материалами съезда вы наверняка ознакомлены, знаете, как проводились выборы делегатов на этот съезд. Было бы интересно узнать ваше мнение о работе съезда и порядке проведения выборов на него.

Возможно ли, на ваш взгляд, преодолеть кризисные (экономические и политические) ситуации в СССР, если руководство будет идти выбранным курсом перестройки? Останется ли СССР сверхдержавой и *сохранится ли* как Союз ССР?

Вы пишете о подъеме политической оппозиции в СССР, постановке ее на легальное положение и перспективе создания многopартийной системы в стране – это я не разделяю. Это не выход из положения и не движение вперед, а возможное обострение вплоть до гражданской войны. Во многих социалистических странах существует многopартийная система и наряду с ней – те же негативные явления.

Как военного-профессионала меня заинтересовало ваше мнение, что во всех ”стычках”, где принимали участие советские войска, мы терпели поражение, что ”западное” оружие превосходит наше. Здесь нам говорят обратное. Хотелось бы знать, кто прав и какие аргументы это подтверждают?

Л. В., август 1989 г.

”Напряжение ничуть не снизилось”

Дорогие друзья!

Положение с продуктами продолжает ухудшаться, даже в Питере. За последние несколько месяцев начисто исчез такой продукт, как сыр. Он имелся всегда за последние 40 лет. Резко сократилось количество сливочного масла. Оно очень жестко нормируется (для магазинов). Часто говорят о том, что будут введены карточки и на мясо. Касательно товаров повседневного обихода, то картина сходная. Мыла и стирального порошка нет. Выдача только по карточкам. Совершенно нет пасты для бритья и бритвенных лезвий. Никто не скрывает, что война ведется против нынешнего хозяина. Она началась, ему сознательно создают трудности. Нехватки в значительной мере организованы.

Так как положение с продуктами явно ухудшилось по сравнению с правлением прежних хозяев (прежде всего в больших городах) и ухудшение устойчиво, то Горбачев вынужден реагировать на нанесенные ему удары и собственные просчеты. В ответ он явно расширяет то, что им было названо гласностью, дискредитируя своих противников и, одновременно, как бы говоря: помните, что было... если меня скинут, так ”они” такое учинят!

Рамки гласности расширились за последние три месяца. О многопартийной системе и о ее введении говорилось неоднократно и по центральной программе телевидения. А по нашей последний раз 13 февраля в выступлении ”хозяина” города, ”кандидата в депутаты” от города. Как известно, он, являясь единственным кандидатом, не собрал и половины голосов в своем округе и не был избран. Ныне сам Горбачев, приехавший в наш город, сместил его.

У нас сообщалось, что известный итальянский режиссер собрался ставить грандиозный фильм о блокаде Ленинграда. Съемки его должны происходить в самом городе. Думается, что этот режиссер должен знать правду о том, как ”хозяева” города сознательно обрекли на смерть миллионы людей – женщин, детей, стариков. Ему следует знать о массовых казнях людей задолго до подхода немцев к Ленинграду, особенно в августе–сентябре 1941 года, об убийствах без суда и следствия, наконец, о многочисленных случаях людоедства. И если вспомнить, что вот уже 72 года в огромной стране продолжают случаи каннибализма, то характеристика существующего правления как людоедского будет справедливой.

О широком употреблении человеческого мяса в 30–х годах ныне пишут и в СССР. Но все же о Ленинградской блокаде и всем комплексе событий они продолжают хранить молчание. В фильме должны быть сцены поджога знаменитых ”Бадаевских складов”, где хранилось огромное количество продуктов питания вплоть до сахара и сливочного масла. Эти сцены, буде они войдут в фильм, могли бы иметь огромное воздействие... Особенно если фильм получит рекламу и в СССР. Нам уже не столь важно, кто отдал приказ о поджоге складов – Кузнецов (партийный вождь города №2) или оказавшийся в Ленинграде Берия, посланный Сталиным туда для оценки возможности эвакуации города... Вожди были готовы сдать Питер. Или, наконец, знаменитый Мехлис, особенно настаивавший, чтобы при отходе армии все, что возможно, сжигалось и взрывалось. А в этих складах были жизнь и смерть миллионов людей... Можно было бы раздать хранящиеся в них продукты населению, и скольких бы уда-

лось спасти! И сцены расстрелов на баржах в Финском заливе на фоне страшных пожаров — трупы просто сбрасывались в воду. И замерзший, заваленный снегом "великий и проклятый город", Петрово творение, и место, "откуда выполз гад".

В последние несколько месяцев усилилась борьба с НТС. Она явно начинает выходить на передний план идеологической работы. Они устраивали опросы граждан, по типу западных, прямо на улицах, о том, что тем известно об НТС. Опять говорилось о Казанцеве, о его книге, о неудавшейся попытке казнить Сталина. Показывалось несколько фотографий. Говорилось даже о Харбинском съезде 1930 г. Сказали, что немцы запретили НТС в 1938 году, но особенно напирала на "сотрудничество с американцами", выпустили некоего Хорунжего, который утверждал, что работал в закрытом секторе... Передача прошла 10 марта 1989 г.

Пока никаких изменений в управлении внутри СССР, конечно, нет. Система функционирует по-старому. Однако непрерывно нарастающие волны разоблачений и наметившиеся (только наметившиеся) изменения в жизни советского общества могут привести руководство к черте, за которой возврат назад станет невозможным. И здесь главную роль может сыграть не "демократизация и гласность", а отмена "прописки", устранение паспортного режима, его полная отмена. Однако такая возможность проживать где угодно сразу же вызовет резкое обострение обстановки в городах, где перенаселенность и скученность и без того невероятная. Такая отмена "черты оседлости" — очень опасный шаг для режима. Он может сыграть роль запала в городах.

Разоблачение "сталинщины" ничуть не утихает, а напротив — приобретает силу. И теперь с экрана телевизора можно услышать, что нам "Посев" не страшен, мы теперь сами говорим правду о массовых уничтожениях людей. С учетом этого мне представляется особенно важным выделять ту мысль, что все случившееся в России с 1917 года есть осуществление плана продуманного и детализированного геноцида как цели. Геноцида в трех измерениях: физическом, духовном и экологическом (разрушение среды обитания).

Второе: возможно ли сосредоточиться на критике самого Ленина. Если бы удалось направить в страну большое количество крайне простых по языку и изложению брошюр о личности самого Ленина и истории революции, было бы прекрасно. Например, заголовок "Ленин — кому было нужно... Подлинная биография...".

События 12 марта у Казанского собора вам известны. Воздействие весьма значительно. Впервые увидели русское знамя, в центре города. Даже "Ленинградская правда" от 14 марта 1989 года отозвалась крайне осторожно, слегка пожурив, но не более... Разговоры в городе продолжались две недели.

В целом напряжение ничуть не снизилось. Заславская в своей статье ("Известия", 20 февраля 1988 г.) назвала несколько городов, где, по ее мнению, могут произойти взрывы, где ситуация крайне напряжена. Это Казань, Свердловск. Столь же тревожное положение в Уфе и Иркутске. Сюда отношу и Ярославль, где обычные советские проблемы — жилье и питание — дополняются исключительно сложной экологической обстановкой: сильно загрязнены воздух и вода, причем все это до последнего времени тщательно скрывалось...

А. С., май 1989 г.

Письмо из Монголии

Уважаемая редакция журнала "Посев"!

Недавно при посещении своего друга получил от него ваш журнал. Меня очень заинтересовали проблемы, которые вы затрагиваете. Я и мои друзья сопоставляли изданные в вашем журнале статьи с публикациями советской прессы. И пришли к выводу, что есть некоторые публикации, которые подтверждаются временем, но также есть большая разница в освещении некоторых проблем относительно перестройки, гласности, демократизации советского общества. В частности, журнал "Огонек" утверждает, что осужденных за политическую деятельность за последнее время в СССР нет, а по-вашему они и поныне есть.

Я, конечно, не намерен критиковать вас, просто меня волнует другое. Я хочу понять советский образ жизни, корень всех явлений, происходящих в СССР, так как Монголия, прилегающая к СССР, очень тесно связана с вашей страной. И в дальнейшем судьба перестройки будет влиять на нашу страну, от этого никуда не денешься. Репрессии, охватившие нашу страну в 30-е годы, есть плоды политики "сталинизма", а застой тоже каким-то образом связан с застойными явлениями в СССР, и сейчас перестройка тоже у нас идет - процесс обновления нашего общества.

Я надеюсь, что вы не охвачены бюрократизмом и сможете получить информацию на тему о демократизации социалистического общества, соотношении свобод и прав человека и их гарантии при капитализме и социализме, равенстве между большими и малыми государствами. Все эти вопросы волнуют меня и моих друзей и поэтому прошу дать ответы на эти вопросы.

И. Ф., июнь 1989 г.

"Народ очнулся от многолетнего дурмана"

Дорогие соотечественники! Здравствуйте. Да, я не ошибся с обращением. Впервые прочитав Ваш ежеквартальный журнал октябрь-декабрь 1988 г., я понял, что с такою болью и любовью к своему отечеству могут писать только истинные его сыновья! Не в пример нам многим, живущим в его городах и селах, равнодушно наблюдающим, как кучка безответственных и бездарных людей разваливали ее культуру, разрушали и уничтожали природу во имя непонятого светлого будущего.

Мне случайно посчастливилось прочитать Ваш журнал (провинция!). Но народ очнулся от многолетнего дурмана, ищет истину, но... И вот я обращаюсь с просьбой: высылайте в мой адрес все, что можете. Я постараюсь распространить Ваши издания (журналы, книги, календари, листовки) среди как можно большего числа моих земляков. Они жаждут правды. *Помогите нам!*

Высылаю Вам наш "Независимый П-бюллетень". Очень популярный среди новосибирцев (да и других городов Сибири). Но его возможности очень ограничены. В нем есть и мое обращение к рабочим.

С уважением,

В.С., октябрь 1989 г.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов

Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, В. Г. Ламздорф, М. В. Назаров,
Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, Н. Н. Рутыч, В. А. Сендеров, А. П. Столыпин,
Я. А. Трушнович, прот. Кирилл Фотиев

Адрес редакции:

Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ

СЕНДЕРОВ В. А. г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54

ДЕГТЕРЁВ А. г. Москва, тел. 207 34 68

МАЗУРИН А. г. Горький, ул. Лескова, дом 9-а, кв. 27

ПОЛУШИН А. г. Горький, ул. Мончегорская, дом 6-а, кв. 29

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1990 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

В розничной продаже	10 нм
Годовая подписка в издательстве:	50 нм
Годовая подписка через посредников:	60 нм
доставка нормальной почтой	10 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 341265
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Rd., London SE2 0JS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. O. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo

ВЕНЕСУЭЛА. Artezania Kazbek S. R. L. Apartado 76184
El Marques Zona Postal 1070A, Caracas

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassela Postale 630, Roma-Centro

СССР. В. Батшев. Москва 105264, Измайловский б-р
34/14, кв. 16

США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118

S. Glolubov, P. O. B. 139, R. D. 4, Jackson NJ 08527

Tel. 201-928-2125

"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisade
CA 90272

G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York NY 10017

A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda MD 20814

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris
Tel. 42-50-62-06

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Lentulusstr. 41, CH-3007 Bern

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104
Sodertalje

ЯПОНИЯ. Mr. Terumasa Takahashi, Saruwatari, Usa-shi,
Oltaken

1990

ПОСЕВА

УЖЕ В ПРОДАЖЕ:

ИКОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1990 ГОД

Большой ежемесячный настенный календарь с 13-ю первоклассными репродукциями фресок знаменитых сербских монастырей с кратким объяснением.

Весь текст календаря пятиязычный – русский, английский, немецкий, голландский и французский. Полные святцы по-русски, с Евангелием и Апостолом на каждый день. Размер: 41 x 30 см. Печать репродукций фресок – многокрасочная. Календарь покрыт защитной пленкой.

Розничная цена (без пересылки) 38 н. м.

КНИГИ НА СКЛАДЕ «ПОСЕВА»

АВТОРХАНОВ А. От Андропова к Горбачеву. 1986	344 с.	30 нм	БЁМ А. Л. Достоевский. 2-е изд. 1983	192 с.	10 нм
АВЕРЧЕНКО А. Дюжина ножей в спину революции. 12 рассказов. 1975	62 с.	15 нм	БЕРБЕРОВА Н. Железная женщина. 1981	363 с.	55 нм
АКСЕНОВ В. Право на остров. 1985	372 с.	40 нм	БЕРДЯЕВ Н. Самопознание. 1983	424 с.	40 нм
АЛЛИЛУЕВА С. Двадцать писем к другу. 2-е изд. 1981	184 с.	30 нм	БЕРДЯЕВ Н. Смысл истории. 1969	268 с.	21 нм
АНТОНОВИЧ А. Много семейная хроника. 1983	277 с.	27 нм	БУЛГАКОВ М. Белая гвардия. 1977	246 с.	24 нм
АХМАТОВА Анна. Собрание сочинений в 3-х томах: Том 1: 1957	479 с.	32 нм	БУЛГАКОВ М. Дни Турбиных. 1970	110 с.	5 нм
Том 2: 1968	615 с.	38 нм	БУЛГАКОВ С. Тихие думы. 1976	202 с.	21 нм
Том 3: 1983	650 с.	50 нм	БУЛГАКОВ Сергей, прот. Слова, поучения, беседы. 1987	536 с.	45 нм
БАРРОН Дж. КГБ. 1978	544 с.	51 нм	БУЛГАКОВ С., прот. Православие. 1985	406 с.	30 нм
БАРРОН Дж. КГБ сегодня. 1984	429 с.	60 нм	ВОЙНОВИЧ В. Иванькиада. 1976	112 с.	17 нм
БАРРОН Дж. Пилот МИГа. 1986	166 с.	37.50 нм	ВОЙНОВИЧ В. Претендент на престол. 2-е изд. 1981	358 с.	34 нм